

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральный исследовательский центр
«Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук»
Институт языка, литературы и истории

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ СЕВЕРО-ВОСТОКА ЕВРОПЫ

Материалы по археологии европейского Северо-Востока

Выпуск 20

Сыктывкар, 2018

УДК 902(470.1)
ББК 63.4(2)(231)
П 78

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ СЕВЕРО-ВОСТОКА ЕВРОПЫ.
Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2018. 153 с. (Материалы по археологии европейского Северо-Востока; Вып. 20).
ISBN 978-5-906394-49-1

Статьи, включенные в очередной выпуск «Материалов по археологии европейского Северо-Востока», посвящены публикации результатов исследований археологических памятников широкого хронологического диапазона – от неолита до эпохи средневековья. В научный оборот вводятся материалы исследований 1970–1980-х и 2010-х гг. в Республике Коми и Северном Прикамье. На основе изучения тематики и проблематики опубликованных в предыдущих выпусках сборника статей представлен очерк развития археологии Республики Коми за последние 55 лет.

PROBLEMS OF ARCHAEOLOGICAL STUDY OF THE NORTHEAST OF EUROPE: Materials on archeology of the European Northeast; Issue 20. Syktyvkar, 2018. 146 p. (Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, RAS).

The papers included in the next issue of «Materials on archeology of the European Northeast» deal with the results of research of archaeological sites of a wide chronological range - from the Neolithic to the Middle Ages. The research materials of the 1970s-1980s and 2010s in the Komi Republic and the Northern Kama region are introduced into scientific circulation. An essay on the development of archeology of the Republic of Komi over the past 55 years, based on the study of topics and problems published in the previous issues of the collected papers, is presented.

УДК 902(470.1)
ББК 63.4(2)(231)

Редколлегия

И.О. Васкул (отв. редактор), И.М. Тимушева (отв. секретарь), П.Ю. Павлов, В.Н. Карманов,
Т.Ю. Туркина

Editorial Board

I.O. Vaskul (editor-in-chief), I.M. Tumusheva (executive secretary), P.Yu. Pavlov, V.N. Karmanov,
T.Yu. Turkina

ISBN 978-5-906394-49-1

На обложке – «Керамический сосуд поселения Энъты I (раскопки Э.С. Логиновой)»

© Институт языка, литературы и истории
Коми НЦ УрО РАН, 2018
© Коллектив авторов, 2018

Предисловие

Прошедший 2017 г. знаменателен для археологии Республики Коми двумя важнейшими, взаимосвязанными друг с другом датами – исполнилось 60 лет с начала планомерных академических археологических исследований в регионе и 55 лет с момента выхода первого выпуска сборника «Материалы по археологии европейского Северо-Востока». Его издание было обусловлено необходимостью оперативного введения в научный оборот материалов, полученных в ходе полевых изысканий, их историко-культурной интерпретации. Археологические исследования в регионе, работа над подготовкой и изданием «Материалов по археологии европейского Северо-Востока» связаны с именами нескольких поколений археологов Республики Коми. Многие из них уже нет в живых. В 2017 г. ушли из жизни ветераны археологической науки в нашем регионе К.С. Королев и Э.С. Логинова. Данью памяти Э.С. Логиновой являются статьи Л.Л. Косинской и В.Н. Карманова.

В предлагаемом вниманию читателей юбилейном XX выпуске сборника публикуются результаты исследований памятников различных хронологических периодов, изученных на территории Республики Коми и Пермского края. Авторами издания являются сотрудники научных и научно-образовательных учреждений Сыктывкара, Екатеринбурга, Перми.

Истории «Материалов по археологии европейского Северо-Востока» посвящена работа Э.А. Савельевой и П.Ю. Павлова «Основные этапы археологического изучения северо-востока Европы и их отражение в публикациях «Материалов по археологии европейского Северо-Востока». Авторами на основе изучения тематики и проблематики опубликованных в сборниках статей прослежены основные тенденции развития археологической науки в регионе за последние 55 лет. Изложены важнейшие результаты археологического изучения региона. В качестве приложения к статье публикуется содержание 19 предшествующих выпусков этого издания.

Выделяется блок исследований, посвященный проблемам эпох неолита и раннего металла. В подготовленной В.Н. Кармановым на основе неопубликованных архивных материалов статье Э.С. Логиновой «Опыт выделения ранненеолитического жилища на поселении Эньты I (Средняя Вычегда, Республика Коми)» рассматривается возможность определения жилой структуры в условиях отсутствия выраженных культурных слоев и видимых на поверхности террасы впадин. Э.С. Логинова провела анализ пространственного распределения артефактов и их соотношения с изученными компонентами структуры поселения с использованием метода связей. Было установлено, что на памятнике в раннем неолите могла функционировать одна наземная жилая постройка, в которой отложился гомогенный в культурном отношении комплекс с ямчатой и гребенчато-ямчатой керамической посудой и геометрическими микролитами в форме трапеций в каменном инвентаре.

С предыдущей публикацией связана статья Л.Л. Косинской, посвященная вводу в научный оборот материалов одного из опорных памятников эньтынского типа – поселения Ревью I на Нижней Вычегде. Автор приходит к выводу, что кремневый инвентарь имеет абсолютное сходство с ранним комплексом поселения Эньты I, а особенности жилой постройки Ревью I позволяют интерпретировать зафиксированные на поселении Эньты I очаги и ямы как остатки одного или нескольких многоочажных жилищ, что подтверждает выводы Э.С. Логиновой.

Новые данные о комплексе, сопряженном с чужъяельской археологической культурой, публикуются В.Н. Кармановым в статье, посвященной результатам раскопок поселения Ваднюр I в окрестностях г. Сыктывкара. Памятник исследовался автором в 2014 г. в ходе спасательных археологических раскопок. В результате проведенных работ изучено слабо углубленное жилище № 5 с шестью очагами по продольной оси и тремя горизонтальными вентиляционными каналами, примыкающими к стенкам котлована постройки. Получена коллекция, включающая обломки керамической посуды и каменного инвентаря, а также первая для энеолита европейского Северо-Востока серия валидных радиоуглеродных дат. Материалы жилища позволили впервые выявить в регионе достоверные свидетельства использования сравнительно сложной системы отопления и вентиляции жилого пространства, документировать

наличие каменных индустрий чужьяёльского типа на р. Вычегде. По мнению исследователя, имеющиеся данные позволяют утверждать о единовременности отложения комплекса изученного жилища. Это, в свою очередь, дает возможность отнести его к опорным комплексам для изучения эпохи раннего металла на европейском Северо-Востоке.

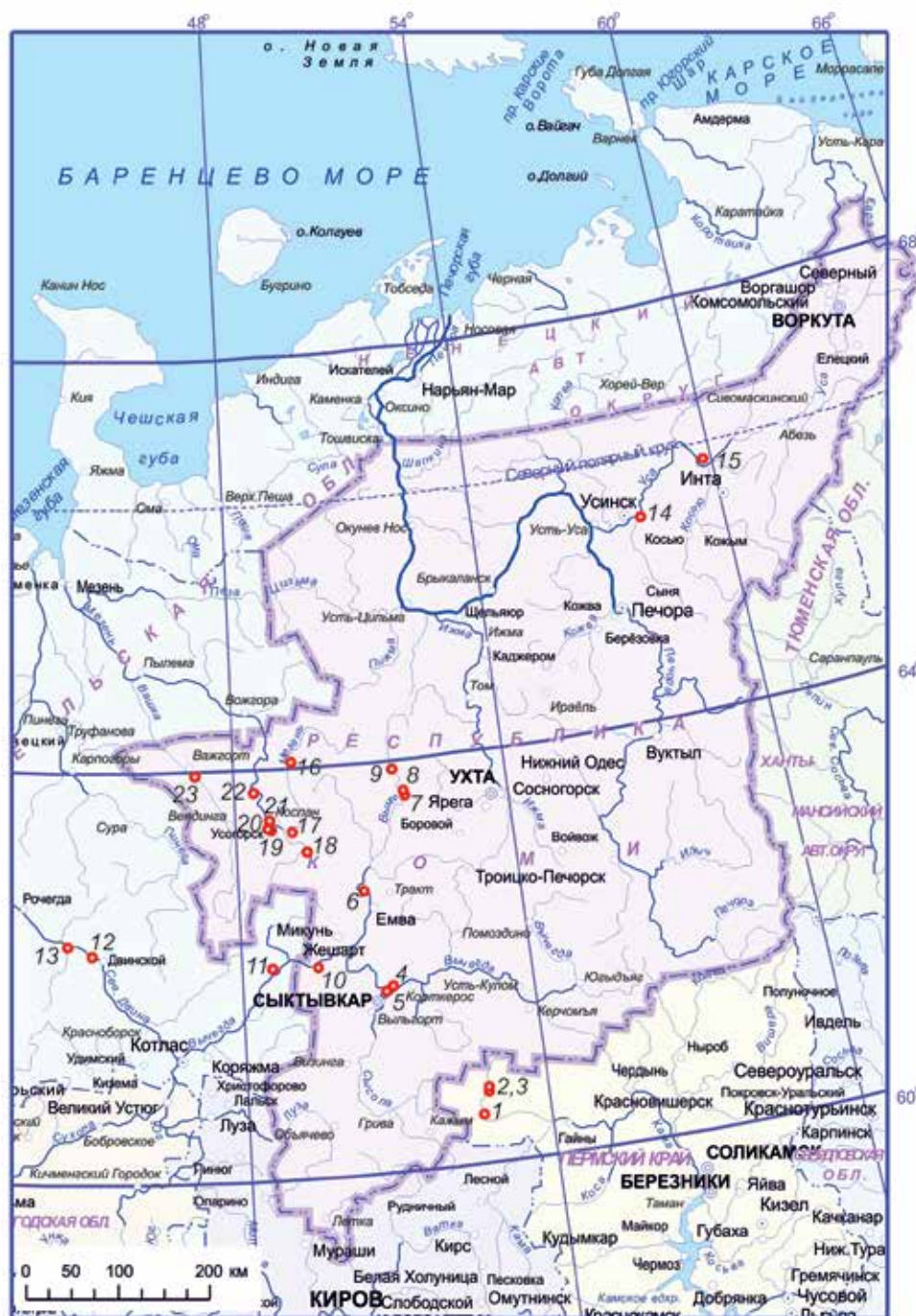
Описание и введение в научный оборот неопубликованных источников, характеризующих планиграфию и структуру поселения Ягъель на р. Усе – самого северного памятника атаманнюрской археологической культуры, – производятся в статье С.Ю. Васильева, И.М. Тимушевой. Проведенный анализ свидетельствует, что материалы поселения существенно дополняют имеющиеся сведения о материальной культуре населения эпохи бронзы на р. Уса, традициях домостроительства и организации жилищного пространства.

Заполнению одного из белых пятен на археологической карте раннего железного века на территории европейского Северо-Востока (далее – ЕСВ) посвящена публикация В.А. Семенова и И.О. Васкула, в которой в научный оборот впервые вводятся материалы раннего периода ананьинской культуры верховьев р. Выми, полученных археологами Сыктывкарского университета.

Важнейшее значение для изучения культурных связей населения бассейна р. Вычегда и Северного Прикамья имеет статья А.Ф. Мельничука, Д.А. Майстренко, М.А. Перескокова, А.А. Ракшина, Э.В. Чурилова «Первые средневековые древности р. Весляны Пермского края», в которой представлены материалы новых средневековых памятников археологически слабоизученной территории бассейна р. Весляны в Северном Прикамье. Выявленные древности характеризуют особенности быта и хозяйства охотников и рыболовов ванвиздинской, вымской и родановской культур. По мнению авторов, новые данные свидетельствуют, что значительная часть территории Северного Прикамья входила в ареал обитания населения ванвиздинской культуры, родственной ломоватовской, с носителями которой они поддерживали этнокультурные связи. Активное взаимодействие населения Вычегодского края и Северного Прикамья продолжалось также в первой половине II тыс. н.э.

А.М. Мурыгиным в фундаментальной статье «Керамический комплекс ванвиздинской археологической культуры бассейна Мезени» тщательно проанализирована глиняная посуда позднего железного века в бассейне р. Мезени. Выделены хронологические группы керамики, выявлены ее особенности на разных этапах развития культуры. Описан комплекс традиционных признаков посуды, определены привнесенные элементы и технические приемы исполнения орнамента и формы сосудов. Интересно выдвинутое автором предположение о том, что восточные районы бассейна Мезени не являлись местом формирования и постоянного проживания ванвиздинских коллективов. Основной территорией их обитания были Средняя, в меньшей степени, Верхняя и Нижняя Вычегда. Мезенские поселения принадлежали группам выходцев из бассейна Вычегды и являлись неоднократно посещаемыми местами временного обитания – сезонными промысловыми становищами.

Завершает сборник публикация М.В. Кленова «Археологические памятники европейского Северо-Востока. Эпоха средневековья (неопубликованные материалы из фондов Музея археологии ЕСВ ИЯЛИ КНЦ УрО РАН)», посвященная введению в научный оборот древностей X–XVII вв. н. э. в бассейнах рек Северной Двины, Вычегды и Усы. По мнению автора, «несмотря на незначительные размеры памятников и немногочисленность коллекций вещевого инвентаря полученных при их исследовании, все они позволяют дополнить и обогатить новыми фактами картину историко-культурных процессов происходящих на севере и северо-востоке Европы в начале – середине II тыс. н.э.».

Карта памятников европейского Северо-Востока, материалам которых посвящены статьи сборника:

- 1 – Усть-Чёрная IX; 2 – Усть-Руч; 3 – Золотуха; 4 – Эньты I; 5 – Ваднюр I; 6 – Поп-Кар; 7 – Шомвуква II;
 8 – Усть-Кедва; 9 – Усть-Ворыкв I (Кордон); 10 – Ревью I; 11 – Ленские I и II местонахождения; 12 – Сойга I;
 13 – Юмиж III; 14 – Сынянырд I; 15 – Ягъель; 16 – Кужим II и III; 17 – Мичачой III; 18 – Ядмас I; 19 – Чойновты V;
 20 – Усогорск III; 21 – Шешты; 22 – Ошчой I; 23 – Смолокурный I

Э.А. Савельева, П.Ю. Павлов

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ СЕВЕРО-ВОСТОКА ЕВРОПЫ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ПУБЛИКАЦИЯХ «МАТЕРИАЛОВ ПО АРХЕОЛОГИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРО-ВОСТОКА»

На основе анализа тематики и проблематики статей, опубликованных в сборнике научных трудов «Материалы по археологии европейского Северо-Востока», прослежены основные тенденции развития археологической науки в Республике Коми за последние 55 лет. Выделены этапы археологического изучения региона и изложены их важнейшие результаты.

Ключевые слова: северо-восток европейской части России, история археологического изучения, научное издание, Материалы по археологии европейского Северо-Востока, каменный век, энеолит, бронзовый век, ранний железный век, средневековье, русская колонизация

E.A. Savelyeva, P.Yu. Pavlov

THE MAIN STAGES OF ARCHAEOLOGICAL STUDY OF THE NORTH-EAST OF EUROPE AND THEIR REFLECTION IN PUBLICATIONS OF THE «MATERIALS ON ARCHAEOLOGY OF THE EUROPEAN NORTH-EAST»

In the article, based on an analysis of the topics and issues of the articles published in the compendium «Archaeology of the European Northeast», the main trends in the development of archaeological science in one of the regions (Komi Republic) of the north of European part of Russia in the last 55 years are traced. The stages of the archaeological study of the European Northeast have been highlighted and their main features identified. The most important results of the archaeological study of the region are presented.

Keywords: European Northeast, history of archaeological study, scientific publication, Archaeological materials of the European Northeast, stone age, eneolithic, bronze age, early iron age, Middle Ages, Russian colonization

Начало планомерного археологического исследования территории Республики Коми относится к концу 50-х гг. XX в. Перед первым коллективом археологов (Г.М. Буров, В.И. Канивец, Э.А. Савельева, В.Е. Лузгин) стояла задача сплошного археологического обследования региона, который к тому времени являлся белым пятном на археологической карте России. С самого начала планомерных исследований были получены ценнейшие материалы, в связи с чем возникла необходимость их оперативного введения в научный оборот, в создании специализированного научного издания по археологии ЕСВ. Таким изданием стали «Материалы по археологии Европейского Северо-Востока» (МАЕСВ), первый выпуск которого был опубликован в 1962 г. Ответственным редактором первых выпусков был В.И. Канивец. За прошедшие с тех пор 55 лет вышло в свет 19 выпусков этого регионального научного издания, в котором опубликовано 169 научных статей и заметок.

Целью данной работы является анализ тематики и проблематики статей, опубликованных в МАЕСВ, определение основных тенденций развития археологической науки в Республике Коми за последние 55 лет.

Первый период археологического изучения ЕСВ относится к концу 1950-х – началу 1970-х гг. В это время в процессе сплошного археологического обследования региона были открыты десятки памятников от эпохи палеолита до средневековья. Основным содержанием этого периода являлось формирование корпуса источников по древней и средневековой истории региона, определение хронологии и культурной принадлежности открытых памятников, путей заселения бассейнов Печоры и Вычегды в древности.

В это время наметились два разных подхода к проблеме генезиса местных культурных типов. Г.М. Буров отводил решающую роль в их формировании миграциям из соседних регионов, В.И. Канивец – местным культурным типам, не отрицая ни культурного влияния

соседних племён, ни проникновения небольших групп населения из соседних регионов.

Важнейшим достижением этого периода является определение основных направлений культурных связей населения ЕСВ – западное из центральных районов Восточно-Европейской равнины, южное – из Прикамья, восточное – из Зауралья, а также выделение локальных культур, с одной стороны, близких культурам соседних регионов, с другой – отличающихся определённым своеобразием.

В первых выпусках МАЕСВ введены в научный оборот материалы археологических разведок В.И. Канивца и В.Е. Лузгина на Южно-Печорской равнине (Канивец, Лузгин, 1963. С. 3–83), на средней Печоре (Канивец, 1965. С. 3–100), В.Е. Лузгина в бассейне Илыча (Лузгин, 1965. С. 109–138), Г.М. Букова – на Вычегде, в зоне затопляемого Усть-Куломского водохранилища (Буров, 1965. С. 39–159).

Важнейшим достижением 1960-х гг. в археологии Восточной Европы явилось открытие В.И. Канивцом и Б.И. Гуслицером палеолитических памятников на Печоре – Медвежьей пещеры и Бызовой. Неудивительно, что материалы печорских палеолитических стоянок публиковались В.И. Канивцом и Б.И. Гуслицером преимущественно в статьях в центральных изданиях и в монографиях (Гуслицер, Канивец, 1965; 1965а; Гуслицер, Канивец, Тимофеев, 1965; Канивец, 1969, 1976).

Основной чертой новаторской для того времени концепции В.И. Канивца явился комплексный подход к рассмотрению вопросов палеолитической истории региона. В его исследовании динамика природных условий позднего плейстоцена рассматривалась как важнейший фактор, во многом определявший развитие палеолитической культуры на северо-востоке Европы. По его мнению, заселение бассейна Печоры происходило в периоды относительно благоприятных, интерстадиальных природных условий позднего плейстоцена. В продолжительные периоды стадиялов позднего плейстоцена территория крайнего северо-востока Европы не была обитаема. Для эпохи верхнего палеолита исследователь реконструировал две волны заселения бассейна Печоры: первая – с юго-запада, с верхнего Дона в раннюю пору верхнего палеолита, вторая, в конце палеолита, со стороны Прикамья.

Памятники мезолита территории

ЕСВ были открыты Г.М. Буковым в бассейне Вычегды, но их публикации в сборниках МАЕСВ не представлены. Мезолитические памятники в бассейне Печоры исследовались В.И. Канивцом и В.Е. Лузгиным (Канивец, Лузгин, 1963. С. 3–83).

Первая публикация опорных памятников неолита Вычегодского бассейна (Вис I, II, III) принадлежит Г.М. Букову (Буров, 1962. С. 3–41). Исследователь датировал их III тыс. до н.э. и отметил два компонента в региональной неолитической культуре – волго-окский и прикамский. Г.М. Буров выделил в северной части Вычегодского края, запада Большеземельской тундры и территории между ними этнокультурную область, отличающуюся как от Прикамья, так и от волго-окского неолита, названную им вычегодско-вятским неолитом. Г.М. Буров подчёркивал, что черты волго-окского неолита в вычегодских комплексах преобладают. Им было высказано предположение о сложении неолита этого обширного региона на основе местного мезолита.

Итоги первого периода исследований по каменному веку региона подведены в четвёртом, пятом и шестом выпусках МАЕСВ, в которых были опубликованы обобщающие статьи В.И. Канивца по мезолиту бассейна Печоры (Канивец, 1973. С. 3–23), И.В. Верещагиной по мезолитическим памятникам Большеземельской тундры (Верещагина, 1973. С. 3–21), В.Е. Лузгина (1973. С. 24–46; 1973а. С. 22–34) и И.В. Верещагиной по опорным неолитическим памятникам Печоры и Северной Двины (Верещагина, 1977. С. 11–22). Несмотря на то, что эти обобщения базировались в основном на материалах разведок, основные выводы, изложенные в них, до настоящего времени не устарели, хотя во многом получили новую интерпретацию.

По мнению В.И. Канивца и В.Е. Лузгина, региональные мезолитические памятники датируются VIII–VI тыс. до н.э. и в культурном плане относятся к камскому и волго-окскому мезолиту (Канивец, Лузгин, 1963; Канивец, 1973). В.И. Канивец особо отмечал, что эта черта печорских мезолитических памятников отражает, скорее всего, направление заселения территории в эпоху мезолита, а не особенности региональной мезолитической культуры (Канивец, 1973).

В.Е. Лузгин считал, что региональные

неолитические памятники относятся к развитию или позднему неолиту и датируются второй половиной III тыс. до н.э. (Лузгин, 1973). Ямочно-гребенчатая керамика этих памятников имеет аналогии в комплексах льяловского и балахнинского облика центральных районов Восточно-Европейской равнины. По мнению В.Е. Лузгина, влияние камской культуры на сложение местного неолита, характерное для бассейна Вычегды, было существенно ослаблено в северных районах (Лузгин, 1973. С. 44–46).

Целенаправленные исследования по эпохам энеолита и бронзы в 60–70-е гг. XX в. не проводились. Тем не менее, в это время В.И. Канивцом были выделены местные культуры поздней и финальной бронзы – лебяжская и коршаковская (Канивец, 1965. С. 55–70). Стоянки энеолита (или ранней бронзы) представлены на ЕСВ памятниками турбинского (гаринско-борского) и атаманнюрского типов (Стоколос, 1965. С. 101–108). Особо следует отметить, что В.И. Канивец подчёркивал отличия печорских стоянок бронзового века от прикамских и предполагал существование местной культуры эпохи ранней бронзы (Канивец, 1965. С. 64–67).

Памятники эпохи железа в первый период исследований были выявлены на долговременных поселениях на р. Вис и Синдорском озере (Буров, 1962. С. 3–64), в Уньинском пещерном святилище на Печоре (Канивец, 1962. С. 103–144). Первые материалы по раннему железному веку в бассейнах Вычегды и Печоры были опубликованы в работах Г.М. Букова и В.И. Канивца.

Г.М. Буров называл керамику раннего железного века верёвочной и видел аналогии ей в посуде Мыеддинской стоянки и керамике позднего комплекса Лебяжской стоянки, датируя по сходству с керамикой беломорской и ананьинской культур началом эпохи железа и, возможно, самым концом бронзового века (Буров, 1962. С. 37). В.И. Канивец, по материалам разведок 1962 г. на Печоре, к ананьинскому времени отнёс шесть стоянок, датировав их VIII–III вв. до н.э., отметив при этом их близость камско-вятским. Сходство вычегодско-печорской и вятско-камской керамики исследователь объяснил сильным культурным влиянием ананьинских племён на северных соседей, потомков населения

медно-бронзового века, не исключая проникновения сезонных промысловых групп ананьинских охотников. Материалы второго периода раннего железного века – гляденовского – также впервые были выделены в исследованиях В.И. Канивца и Г.М. Букова (памятники ягкодзжттыйского этапа).

На первом этапе исследований были предприняты попытки датировки и определения историко-культурного места древностей эпохи раннего средневековья (Буров, 1962. С. 3–64; Канивец, Лузгин, 1963. С. 3–83). Г.М. Буров выявил ванвиздинскую керамику на Висских поселениях (Буров, 1962. С. 33, 39). В.И. Канивцом и В.Е. Лузгиным в процессе археологической разведки на Южно-Печорской равнине было выявлено два типа раннесредневековой керамики, один из которых сопоставляется с предками нижеобских угров, второй, предположительно – с летописной печерой (Канивец, Лузгин, 1963. С. 82). Заслуживает внимания концептуально важная идея, сформулированная авторами, согласно которой в эпоху средневековья «рассматриваемая территория была пограничьем древних этнокультурных областей финно-угорских, самодийских, возможно, палеоазиатских племён и явилась ареной исторических событий, перекраивавших этническую карту европейского северо-востока» (Канивец, Лузгин, 1963. С. 82). В.И. Канивец отмечал, что основными группами населения Печорского края в эпоху средневековья были печера (носители ванвиздинской культуры) и обские угры. Им же впервые была высказана предположение о сложении в начале I тыс. н.э. на основе гляденовского печоро-вычегодского культурного типа, входящего в обширную культурную общность, занимающую территорию от истоков Печоры до Большеземельской тундры и от верхней Вычегды до устья Оби (Канивец, 1965. С. 98–99). Гляденовскую подоснову ванвиздинской культуры в Вычегодском бассейне и южном Припечорье не отрицал и Г.М. Буров, который полагал, что в восточную часть ареала ванвиздинской культуры проникало обско-угорское население (Буров, 1965. С. 159).

В публикации материалов Уньинского пещерного святилища исследователь, используя данные спектрального анализа, впервые обратился к проблеме происхождения источников цветных металлов, серебра, железа

(Канивец, 1962. С. 103–144). Заслуживает внимания статья В.И. Канивца, в которой впервые были обобщены данные о находках среднеазиатских и германских монет на Урале, определены их местонахождение, пути их проникновения на Урал (Канивец, 1962. С. 145–154). Эти статьи В.И. Канивца положили начало комплексным исследованиям археологических памятников с детальным глубоким анализом материалов, с привлечением данных естественных наук.

Свидетельством признания научных достижений археологов Коми филиала АН СССР стало проведение в Сыктывкаре V Уральского археологического совещания, в котором приняли участие ведущие учёные из Москвы (О.Н. Бадер, А.П. Смирнов, В.П. Третьяков, В.А. Могильников, Н.В. Трубникова), Ленинграда (Н.Н. Гурина, И.В. Гаврилова, Л.Я. Крижевская, Л.П. Хлобыстин), Казани (А.Х. Халиков, Е.А. Халикова, А.Г. Петренко), Свердловска (В.Ф. Генинг), Перми (В.А. Оборин, В.П. Денисов), Томска (В.И. Матющенко) и др. Итоги археологических исследований на территории на крайнем северо-востоке Европы за прошедшие 10 лет были подведены в докладах В.И. Канивца, Г.М. Бурова, В.Е. Лузгина, Э.А. Савельевой.

С 70-х – начала 80-х гг. XX в. начинается новый период археологических исследований региона. Был создан Институт языка, литературы и истории при Коми филиале АН СССР, в котором самостоятельным структурным подразделением стал сектор археологии под руководством В.С. Стоколоса. Открылся Сыктывкарский государственный университет, археологические исследования в котором возглавила Э.А. Савельева. Активизировались археологические исследования в Коми республиканском историко-краеведческом музее (ныне – Национальный музей Республики Коми), проводившиеся Л.Л. Косинской.

Важным событием этого этапа стало значительное пополнение кадров в секторе археологии. Это были выпускники различных вузов: Л.И. Ашихмина – Уральского государственного университета, П.Ю. Павлов и А.М. Мурыгин – Пермского, И.В. Верещагина и И.О. Васкул – Ленинградского; А.В. Волокитин – Иркутского; М.В. Клёнов, В.С. Зеленский, А.Л. Багин, Ю.Н. Паршуков, В.Н. Карманов, А.Р. Игушев – Сыктывкарского

госуниверситета, а также К.С. Королёв и Э.С. Логинова – Коми педагогического института.

Этот период характеризуется углублённым изучением памятников, открытых в первый период, расширением географии стационарных и разведочных работ. Изменение характера исследований нашло своё отражение в выпусках МАЕСВ. Важной отличительной чертой сборников этого периода является публикация статей, посвящённых комплексным исследованиям памятников каменного века и региональным обобщениям материалов по всем эпохам.

В 80-е гг. XX в. П.Ю. Павловым были возобновлены исследования палеолитических памятников, расположенных в бассейнах Печоры и верхней Камы. В сборниках МАЕСВ им опубликовано пять статей, посвящённых палеолитическим стоянкам северо-востока Восточно-Европейской равнины и Северного Урала. Введены в научный оборот материалы новых исследований печорских палеолитических стоянок – Бызовой и Медвежьей пещеры (Павлов, 1986. С. 6–21; Гуслицер, Павлов, 1988. С. 5–18). Были опубликованы результаты исследований палеолитических древностей бассейна верхней Камы, таких опорных памятников начала верхнего палеолита Восточной Европы, как Заозерье и Гарчи I (Денисов, Павлов, 1993. С. 5–17; Павлов, Макаров, 1998. С. 4–17). Наряду с публикацией материалов полевых исследований палеолитических стоянок, П.Ю. Павловым опубликована аналитическая статья, посвящённая типам региональных палеолитических стоянок (Павлов, 1995. С. 37–39). В 2015 г. в 19-м выпуске МАЕСВ вышла обобщающая статья П.Ю. Павлова, в которой изложена разработанная им концепция первоначального заселения северо-востока Восточно-Европейской равнины и Урала и особенностях развития культуры палеолита на севере европейской части России (Павлов, 2015, С. 8–15).

По мнению П.Ю. Павлова, процесс первоначального заселения северо-востока Европы и Урала обнаруживает явную взаимосвязь с изменениями природно-климатической среды этих регионов в плейстоцене. Человек продвигался на север Восточной Европы в условиях относительно благоприятных интерстадиальных природных условий.

Периоды оттока населения совпадают со стадиями позднего плейстоцена. Таким образом, заселение региона носило волнообразный характер.

Первые следы проникновения человека на северо-восток Восточно-Европейской равнины относятся к среднему и началу позднего плейстоцена и обнаружены только в бассейне верхней Камы. Отчётливо выделяются две волны заселения региона в эпоху верхнего палеолита. Одна соотносится с началом этого периода, вторая – с позднепалеолитическим временем.

Во второй половине позднего валдая (19–12 тыс. лет назад) на Урале формируется региональная уральская позднепалеолитическая культура, вероятно, генетически связанная с мелкопластинчатыми индустриями среднего этапа позднего палеолита Сибири. В это время на Урале появляется постоянное население.

Мезолитическую эпоху ЕСВ с середины 1980-х гг. целенаправленно исследует А.В. Волокитин. В этот период в статьях автора существенно уточняется хронология памятников эпохи мезолита. Существенным достижением этого периода явилось выделение на основании данных радиоуглеродного анализа раннемезолитических комплексов, относящиеся к пребореальному периоду (Волокитин, 1997). В работах А.В. Волокитина особое внимание уделено тщательному типологическому анализу каменного инвентаря мезолитических стоянок, что позволило существенно уточнить культурную принадлежность стоянок (Волокитин, 1998. С. 18–30). Отличают работы исследователя историографические разделы, в которых дан глубокий анализ истории изучения мезолита региона (См.: Волокитин, 1995. С. 40–47).

Особо следует отметить публикацию результатов комплексных исследований уникальных для севера Европейской России мезолитических стоянок, захороненных в пойменных отложениях – Парч 1–3 (Волокитин, 1986. С. 22–34; Волокитин, Коноваленко 1988. С. 19–32).

В начале 1990-х гг. А.В. Волокитин и Л.Л. Косинская (Косинская, Волокитин, 1993. С. 18–29; Волокитин, Косинская, 1995. С. 25–42) применили к анализу мезолитических материалов методы математической статистики.

В последние годы материалы мезолитических стоянок публикуются А.В. Волокитиным с использованием самых современных методов фиксации материала и его статистической обработки (Волокитин и др., 2015. С. 16–38).

В последних публикациях автора изложена оригинальная концепция развития мезолитической культуры на северо-востоке европейской части России (Волокитин, 2013. С. 21–40). А.В. Волокитин считает, что постоянное население на данной территории на протяжении эпохи мезолита, как и последующей, отсутствовало. Сюда проникали небольшие группы населения с территорий находящихся на западе, юго-западе (Волго-Окское междуречье и др.) и с территории находящейся на юге (Прикамье). Выделенные на европейском Северо-Востоке мезолитические культуры имеют очень высокую степень сходства с таковыми в означенных регионах. А.В. Волокитиным предлагается выделение на ЕСВ, а возможно, и на всем Европейском Севере России двух традиций западной и приуральской. К первой из них относится парчевская культура (стоянки Парч 1, 2 и некоторые другие), представляя раннюю стадию развития традиции, и более поздняя топыднюрская (стоянки Топыд-Нюр 5, 7, Чертас 2), а также Висский 1 торфяник. На ранней стадии прослеживаются близкие аналогии с бутовской культурой Волго-Окского междуречья. Приуральскую традицию составляют средневычегодская культура – стоянки Ульяново, Курьядор 1, Пезмог 1, памятники типа Евдино и Лек-Леса 1. Помимо этих двух традиций в регионе исследованы памятники, в материалах которых сочетаются их черты, то есть на технологическую основу приуральской традиции наложен орудийный набор западной традиции (стоянки Чердыб 1 и 2). А.В. Волокитин предположил, что «смешение» традиций в регионе произошло на заключительной стадии мезолита. По его мнению, стоянки, сочетающие в каменном инвентаре признаки двух традиций, были распространены достаточно широко. Это стоянки типа Ветью на Выми, а также Филичаевские 1–5 стоянки на Северной Двине. Исследователь предполагает, что такие культурные особенности представлены в индустриях некоторых стоянок Северной Двины, Прикамья, Камско-Вятского региона, а также в Волго-Окском междуречье.

Региональные неолитические материалы рассматривались в статьях Э.С. Логиновой (Логинова, 1977. С. 3–10; 1980. С. 3–19; 1986. С. 45–53; 1993. С. 41–59; 1998. С. 41–64). Исследователем публиковались комплексы, происходящие с многослойных стоянок бассейна Вычегды. В основном это памятники развитого и позднего неолита с волго-окскими комплексами (Эньты IV) и смешанными волго-окскими и камскими (Эньты III). В 1978 г. вышла статья Э.С. Логиновой, посвящённая публикации опорного комплекса неолита бассейна Вычегды стоянки Эньты I, выделенного в особый культурный тип раннего неолита ЕСВ (Логинова, 1978. С. 3–22).

К этому времени относятся первые публикации В.Н. Карманова и А.В. Волокитина материалов неолитических памятников Печоры и Вычегды. Авторами были введены в научный оборот ранне-неолитические материалы стоянок Пезмог IV в бассейне Вычегды и Дутово на Печоре (Волокитин и др., 1998. С. 31–40; Волокитин и др., 1999. С. 4–16.).

Проблемы генезиса памятников с накольчатой и гребенчато-накольчатой керамикой ЕСВ рассматривались Л.Л. Косинской (Косинская, 1995. С. 48–55).

В начале 2000-х гг. В.Н. Кармановым по материалам Э.С. Логиновой были выделены чистые комплексы позднего неолита льяловского типа в бассейне Вычегды (Логинова, Карманов, 2005. С. 16–22).

Анализ неолитических материалов, проведённый В.Н. Кармановым в конце 90-х гг. XX в., привёл его к выводу о смешанности материалов многих региональных неолитических стоянок. Материалы чистых комплексов относятся к культурам раннего (верхне-волжского и камского неолита) (VI–V тыс. до н.э.) и позднего неолита (ямочно-гребенчатого, льяловского) (IV тыс. до н.э.) центра Восточно-Европейской равнины. По его мнению, можно говорить о двух периодах заселения региона в неолите. В ранний период, в VI–V тыс. до н.э., здесь появляются стоянки типа Дутово I и Черная Вадья, черноторской группы, камской неолитической культуры и эньтыйского типа. Следующий этап освоения региона документируется появлением в начале IV тыс. до н.э. носителей гребенчато-ямочных традиций, генезис которых связан с населением льяловской культуры. В.Н. Карманов

считает, что современные источники по неолиту региона свидетельствуют о том, что его освоение ограничено кратковременной эксплуатацией промысловых ресурсов небольшими мобильными группами охотников-рыболовов и их кратковременным пребыванием в регионе (Карманов, 2013. С. 41–57).

Таким образом, в начале 2000-х гг. в изучении каменного века Европейского Севера России сменилась парадигма исследований. Если до этого времени развитие культур каменного века рассматривалось как во многом автохтонный процесс с различными направлениями культурных связей местного населения (Г.М. Буров, В.Е. Лузгин, Э.С. Логинова), то в настоящее время исследователи каменного века (П.Ю. Павлов, А.В. Волокитин, В.Н. Карманов) пришли к выводу, что на протяжении каменного века в регионе отсутствовало постоянное население. Эта особенность связана с особенностями адаптационных стратегий населения каменного века и природно-климатическими условиями субарктических и арктических районов ЕСВ. Впервые особенности культуры памятников каменного века региона с этих позиций рассмотрел В.И. Канивец, анализируя материалы печорских палеолитических и мезолитических стоянок (Канивец, 1973, 1976).

С конца 70-х гг. прошлого столетия интенсивное изучение энеолитических (III – первая половина II тыс. до н.э.) памятников бассейна Мезени и Большеземельской тундры проводится В.С. Стоколосом. Широкомасштабные исследования позволили ему обосновать хронологию и периодизацию памятников эпохи энеолита-бронзы, развития этнокультурных процессов в регионе в связи с палеогеографической ситуацией и изменениями климата. В.С. Стоколосом выделены две культуры эпохи энеолита: чужъяельская и чойновтинская (Стоколос, 1980. С. 20–41; 1993. С. 30–40). Ранний период чужъяельской культуры исследователь относит ещё к неолиту и связывает её формирование с экспансией камского населения.

Чойновтинская культура, по мнению В.С. Стоколоса, представляет самостоятельное культурное явление, в сложении которой прослеживаются традиции ямочно-гребенчатой керамики, чужъяеля и памятников накольчатой керамики (Стоколос, 1993. С. 37).

Чужъяэльская культура сопоставляется с не распавшейся финно-угорской общностью, а чойновтинская – с финно-пермским населением.

Э.С. Логинова публикует материалы поселения Энты II и приходит к выводу о тесных контактах вычегодских и северных (чужъяэль) и южных (гаринско-борских) племён, но при этом культура остаётся местной, своеобразной. Своими корнями она уходит в местный неолит, что хорошо прослеживается по типологии керамики (Логинова, 1986. С. 50–53).

Эпоха бронзы (середина I – начало I тыс. до н. э.) представлена в рассматриваемом регионе памятниками атаманнюрской, лебяжской и коршаковской археологических культур. Отдельные сюжеты, связанные с её изучением, были рассмотрены в статьях Л.И. Ашихминой, В.С. Стоколоса, В.С. Зеленского и Ю.В. Паршукова.

В статье В.С. Стоколоса предложена реконструкция оригинальных шестиугольных атаманнюрских жилищ (Стоколос, 2005. С. 155–161). Особенности керамического производства атаманнюрской культуры рассмотрел Ю.В. Паршуков. По его мнению, керамика атаманнюрской культуры обнаруживает близость с керамическими комплексами самусьской общности в Зауралье и чирковско-сейминской культуры в Среднем Поволжье и отражает проникновение носителей этих керамических традиций на территорию ЕСВ (Паршуков, 1999. С. 30–43).

Генезису лебяжской культуры посвящены работы Л.И. Ашихминой (Ашихмина, 1993. С. 60–76; 1995а. С. 72–80). По её мнению, начало лебяжской культуре положило смешение местных (атаманнюрских) и пришлых (фатьяновских) традиций. В.С. Стоколос и В.С. Зеленский опубликовали материалы эпохи бронзы гаринско-борского круга Синегорье в Усть-Цилемском районе и коршаковской культуры Большеземельской тундры (Зеленский, 2015. С. 39–52; Стоколос, 1985. С. 31–54).

Этот период характеризуется углублённым изучением памятников эпохи железа. Ранний железный век стал предметом специального изучения Л.И. Ашихминой, К.С. Королева, И.О. Васкула, средневековья – А.Л. Багина, А.Р. Игушева, М.В. Клёнова,

К.С. Королёва, А.М. Мурыгина, Э.А. Савельевой.

Первая статья Л.И. Ашихминой по ананьинским древностям ЕСВ появляется в 1977 г. по материалам верхнемезенских памятников. Ею были введены в научный оборот материалы девяти памятников и одного местонахождения раннеананьинского времени на Верхней Мезени. Автор даёт детальный анализ керамики, сопоставляя её с вычегодской, печорской и вятско-камской, отметив сходство и различия между ними. Принципиально важным является убедительно аргументированный вывод о её ананьинской культурной принадлежности, в отличие от Г.М. Букова, который относил такую керамику к позднелебяжской (Ашихмина, 1977. С. 37–47).

Особый интерес представляет статья Л.И. Ашихминой по материалам раскопок поселений Средней Вятки эпохи поздней бронзы и раннего железного века (Ашихмина, 1978. С. 38–70). Автором проведён анализ керамики по существенно дополненной ею «Программе статистической обработки керамики из археологических раскопок В.Ф. Генинга». Исследованы все важнейшие признаки сосудов, по каждому из них составлены корреляционные таблицы, выделены средние показатели сходства соответствующих комплексов, что позволило исследователю аргументировано обосновать свои выводы о генезисе раннеананьинских памятников на Средней Вятке, их некотором сходстве с раннеананьинской керамикой I и II Висских и верхнемезенских поселений.

В 1972–1974 гг. Л.И. Ашихминой совместно с И.В. Верещагиной были обследованы ананьинские памятники в бассейне Северной Двины в Красноборском и Верхнелоемском районах Архангельской области, определены характерные особенности каждого комплекса, выявлены аналогии на памятниках соседних регионов, определены их хронологические рамки VIII–VII вв. до н.э. (Верещагина, Ашихмина, 1980. С. 42–70). Итоги исследования среднекамских ананьинских памятников были подведены Л.И. Ашихминой в обобщающей статье, в которой выделено пять хронологических стадий в развитии ананьинских древностей, выявлены характерные особенности каждой из них, разработана их хронология (Ашихмина, 1985. С. 55–80).

В 1986 г. публикуется статья Л.И. Ашихминой и В.Ф. Генинга, посвящённая ананьинским жилищам на многослойном Зуево-Ключевском I городище, в которой проведён их детальный анализ (Ашихмина, Генинг, 1986. С. 54–69).

И.О. Васкул публикует материалы раскопок поселения Сынявом на р. Уса, относящиеся к культурному типу Ямашор. Вслед за В.И. Канивцом автор отмечает в ней зауральские элементы, но не исключает местной подосновы в керамике типа Ласта (Васкул, 1998. С. 65–72). Особый интерес среди публикаций по ананьинской эпохе занимает обобщающая статья И.О. Васкула по этнокультурным связям населения ЕСВ в ананьинское время. На основе обширного круга источников автор обосновывает концепцию, согласно которой определяющими для населения ЕСВ в ананьинскую эпоху являлись связи с верхним и средним Прикамьем. Принципиально новыми и важными являются выводы исследователя об активном участии северо-приуральского населения в формировании культур верхнего и среднего Прикамья, а также этнокультурные контакты с населением Северо-Запада, приведены новые дополнительные факты о постоянном взаимодействии населения ЕСВ, Зауралья и Западной Сибири (Васкул, 2013. С. 58–83). Материалы по ананьинской эпохе содержатся в статьях К.С. Королёва по итогам исследований многослойных памятников Средней Вычегды (Королёв, 1977. С. 48–54; 1978, С. 71–87; 1988. С. 64–75; 1999. С. 58–65).

Первая статья, посвящённая памятникам гляденовского типа, была опубликована К.С. Королёвым по материалам раскопок В.Е. Лузгина многослойных поселений на водораздельных водоёмах Центрального Тимана. Автор отметил, с одной стороны, сходство выделенной им керамики с классической гляденовской, с другой – специфические особенности, проявляющиеся в составе теста и орнаментации (Королёв, 1973. С. 53–62). Вещественные остатки раннегляденовского времени были выявлены В.С. Стоколосом на поселении Чойновты III на Мезени и введены в научный оборот в совместной статье с И.О. Васкулом (Стоколос, Васкул, 1986. С. 70–78). Итоги многолетних исследований гляденовских памятников, проводившихся в 1970–1980-е гг., были подведены

И.О. Васкулом в обобщающей статье (Васкул, 1993. С. 77–89). На основе сравнительного статистического анализа керамики вычегодских, печорских и мезенских памятников автором выделяются две группы памятников – вычегодская и печорская, которые, с одной стороны, объединяются в единый культурный комплекс с гляденовской культурой Прикамья, с другой – отличаются между собой (Васкул, 1993. С. 77–89). Эта концепция развития гляденовских древностей на ЕСВ нашла дальнейшее развитие в работах автора. Им были выделены две археологические культуры – пиджская (в бассейне Печоры и на Мезени) и джудждыгская (в бассейне Вычегды), сформировавшиеся на базе древностей предшествующего периода (культуры типа Перный на Вычегде и Перный – Ямашор на Печоре), в которых прослеживаются прикамские (пьяноборско-гляденовские) и западносибирские (кулайские) элементы (Васкул, 1995а. С. 93–102).

В статье, вышедшей в 2015 г., И.О. Васкул проанализировал керамический комплекс гляденовского времени поселения Китостав на Верхней Печоре. По мнению автора, большая часть керамики датируется первой половиной I тыс. н.э. Выявлены специфические особенности коллекции, обусловленные географическим положением памятника на водном пути, соединяющем бассейны Вычегды и Печоры и отражающие культурные контакты верхнепечорского, верхневыхгодского и западносибирского населения (Васкул, 2015. С. 71–79).

Целенаправленное изучение памятников раннего средневековья началось в 1970-е гг. прошлого столетия на Средней Вычегде, Вашке, Мезени, Сыsole, а также в тундровой зоне. К.С. Королёвым на Средней Вычегде в процессе многолетних исследований были открыты не только поселения (Джудждыгя, Шойнаты III и др.), но и первый на Вычегде ванвиздинский могильник – Шойнаты I (Королёв, 1980. С. 92–99), А.М. Мурыгиным введены в научный оборот материалы раскопок мезенских поселений Кужим, Усогорск III, Ошчой III, местонахождения Шешты, Чойновты V, отмечена их близость вычегодским памятникам, намечена их относительная хронология (Мурыгин, 1977. С. 55–67; 1978. С. 88–95). С накоплением источников появляется

серия статей А.М. Мурыгина обобщающего характера, в которых исследователем разработана концепция развития раннесредневековых древностей ЕСВ (Мурыгин, 1980. С. 71–91; 1985. С. 81–97; 1986. С. 79–92; 1988. С. 90–100; 1998. С. 100–111; 2013. С. 84–98; Мурыгин, Плюснин, 1993. С. 99–115).

К числу важнейших достижений этого периода относятся открытие и изучение памятников нового типа – курганных могильников: Э.А. Савельевой на Выми, Л.И. Ашихминой на Нившере и Верхней Вычегде, И.О. Васкулом – на Сысоле. Материалы, полученные в результате их исследований, позволили разработать новые концепции формирования населения ЕСВ в эпоху раннего средневековья. Однако результаты раскопок этих памятников в МАЕСВ практически не публиковались.

Исключение составляет статья И.О. Васкула и Ф.В. Овчинникова, в которой рассмотрены материалы раскопок раннесредневекового курганно-грунтового могильника Шойнаяг на Сысоле, датированного второй половиной V – серединой VI в. н.э., которые обнаруживают наибольшую близость могильникам косинской группы харинского этапа ломоватовской культуры (Васкул, Овчинников, 1999. С. 44–57). По мнению большинства исследователей, курганно-грунтовые могильники свидетельствуют о приходе из Прикамья или через Прикамье в V–VI вв. населения, этническая принадлежность которого является предметом дискуссий. Одни исследователи относят его к уграм, другие – сарматам, не исключается предположение о его смешанном составе, в культуре которого прослеживаются сарматские традиции. В этой связи особый интерес представляет статья Ф.В. Овчинникова, посвящённая проблеме возникновения культуры харинского типа. Появление в Приуралье памятников харинского типа в конце IV – начале V в. н.э. он связывает с вытеснением «иранских» племён с исторической арены (Овчинников, 2005. С. 47–61).

На основании материалов курганно-грунтовых могильников и многоснуровой керамики на поселениях А.М. Мурыгиным был выделен шойнатыйский культурный тип, который рассматривается как один из компонентов в формировании ванвиздинской культуры, что нашло отражение в серии

обобщающих статей исследователя (Мурыгин, 1980. С. 71–91; Мурыгин, Плюснин, 1993. С. 99–115; Мурыгин, 1998. С. 100–111; 2013. С. 84–98). Представляет научный интерес концепция А.М. Мурыгина о роли и месте бичевницкого культурного типа в системе древностей ЕСВ. Его ранний этап он датирует V–VI вв. н.э., синхронизируя с шойнатыйским культурным типом (Мурыгин, 1985. С. 81–97). По его мнению, в этот период на Вычегде и частично Печоре бытуют не менее трёх групп населения с разнотипной керамикой – бичевницкой, шойнатыйской и гляденовской. Ванвиздинскую культуру он считает многокомпонентным образованием, в становлении которой «существенную роль сыграл бичевницкий этнокультурный компонент», основу пришлового компонента которого составляла дооленеводческая культура охотников на дикого северного оленя севера Евразии (Мурыгин, 1985. С. 94). В следующей статье он обосновывает культурную неоднородность вычегодско-мезенских и печорских памятников, выделив три культурных типа – шойнатыйский, бичевницкий, третий носит смешанный характер («топыд-нюрская традиция»), определяя ее как культуру «типа Бичевник на новом этапе её существования» (Мурыгин, 1986. С. 79–92). В развёрнутом виде концепция А.М. Мурыгина отражена в статье 2013 г. (Мурыгин, 2013. С. 84–98).

Принципиально важное значение имеет статья И.А. Бажана и И.О. Васкула, в которой на основе изучения наконечников ремней из бронзовых и железных пластин с вогнутыми сторонами, картографировав все имеющиеся находки на территории лесной зоны Восточной Европы, авторы приходят к выводу, что эти наконечники попали в Прикамье из Прибалтики (Бажан, Васкул, 1988. С. 76–89).

Важное место в МАЕСВ занимают материалы по эпохе развитого средневековья. Они представлены в статьях Э.А. Савельевой, К.С. Королёва, М.В. Клёнова, Т.В. Истоминой, А.В. Бирюкова, В.С. Зеленского, А.Р. Игушева, А.Л. Багина, В.С. Стоколоса, а также коллег из соседних регионов.

Э.А. Савельева с коллегами ввела в научный оборот некоторые материалы раскопок вымских памятников (Савельева, 1962. С. 155–175; 1973. С. 47–66; 1973а. С. 63–98; Савельева, Истомина, 1980. С. 100–115; Савельева,

Зеленский, 1986. С. 99–118; Савельева, 1988. С. 101–121; Савельева, Клёнов, Зеленский, 1993. С. 141–157; Савельева, Павлова, 1993. С. 116–127). Среди них особого внимания заслуживает первая публикация материалов раскопок Кичилькосьского I могильника, расположенного в верховьях Выми, на котором были обнаружены западноевропейские денарии X–XI вв., саманидский дирхем X в., болгарские ювелирные изделия (Савельева, 1973а. С. 63–98). В статье Э.А. Савельевой и В.С. Зеленского по хронологии погребальных комплексов Ыджыдзельского могильника выделены основные этапы его функционирования, ранние погребения которого отнесены к концу XI в., большинство к XII–XIII вв., единичные, предположительно, к XIV в. (Савельева, Зеленский, 1986. С. 99–118). На основе анализа погребального обряда и вещевого инвентаря высказано предположение, что могильник оставлен небольшой пришлой, возможно, прибалтийско-финской группой населения, попавшей в верховья Выми вместе с новгородским колонизационным потоком.

Представляют интерес материалы раскопок первого на Выми поселения вымской культуры перми вычегодской – Жигановского (Савельева, Клёнов, Зеленский, 1993. С. 141–157; Клёнов, 2015. С. 110–122). Кроме вымских памятников, Э.А. Савельевой были опубликованы материалы исследований удорских памятников (Савельева, 1998. С. 121–136), а также прилузских и нижневыхгодских. На р. Луза исследованы Лоемский могильник и поселение, а также Векшоский могильник, на Нижней Вычегде – Ленский могильник. Лоемский и Ленский могильники относятся к уникальным памятникам эпохи средневековья. Анализ погребального инвентаря Лоемского могильника, вещевого инвентаря, металлографический анализ железных изделий, проведённый А.П. Зыковым, привели к выводу о его принадлежности смешанному населению, в культуре которого переплетаются черты, характерные для финно-угорского населения Северо-Западной и Северо-Восточной Руси, находившегося в орбите древнерусского культурного воздействия. Высказано предположение о его возможной близости костромским финно-уграм (Савельева, 1995. С. 131–36).

Рядом с могильником Э.А. Савельевой и М.В. Клёновым исследовано Лоемское

поселение, которое представляет собой небольшое неукреплённое мысовое поселение XIII–XIV вв., в хозяйстве которого важное место занимало земледелие (Савельева, Клёнов, 1998. С. 137–145). Принципиально отличается от Лоемского Векшорский могильник, расположенный выше Лоемского, который обнаруживает определённую близость памятникам вымской культуры перми вычегодской и предположительно соотнесён с лузской пермью (Савельева, Игушев, 1998. С. 146–159).

Ленский могильник по погребальному обряду существенно отличается от могильников вымской культуры. Наиболее вероятно предположение о смешанном составе оставившего могильник населения, обусловленном его расположением в контактном пограничном районе по соседству с восточными группами прибалтийских финнов, в частности, заволочской чудью (Савельева, 2005. С. 91–112).

В связи с определением западных границ территории, заселённой предками коми (зырян), представляют интерес материалы археологической разведки Устюжской округи, в процессе которой Н.А. Макаровым среди открытых средневековых поселений были выявлены три селища, расположенные несколько ниже Устюга, на которых обнаружена ванвиздинская керамика, на двух из них в одном слое с круговой древнерусской. По мнению исследователя, до славянской колонизации рассматриваемый регион был заселён пермско-финскими племенами (Макаров, 1988. С. 122–131).

К.С. Королёвым был открыт новый район обитания предков коми (зырян) на Средней Вычегде, материалы раскопок нашли отражение в выпусках МАЕСВ, в частности, Пезмогского могильника XI–XII вв. (Королёв, 1980. С. 92–116), многослойного поселения Джуджыдъяг, один из объектов которого рассматривается как жертвенное место (Королёв, 1978. С. 71–87). Материалы небольшого средневычегодского могильника – Озельского опубликованы М.В. Клёновым (Клёнов, 1999. С. 103–114).

Среди средневековых памятников ЕСВ особое место занимает Вотчинский могильник X–XI вв. на р. Сысола, остатки которого исследованы Т.В. Истоминой. Он отличается от вымско-вычегодских по топографии, погребальному обряду, вещевому инвентарю и обнаруживает наибольшую близость

родановским и чепецким, что может свидетельствовать, по мнению исследователя, о существовании на юге современной Республики Коми на рубеже I–II тыс. н.э. территориальной группы населения, близкой по культуре древним коми (пермякам) и удмуртам (Истомина, 1999. С. 76–102). В этой связи представляет интерес блок материалов по этнокультурной истории Прикамья и Белозерья. Принципиально новая концепция сложных историко-культурных процессов, происходивших на территории Белозерья в эпоху раннего железного века и средневековья представлена в статье А.Н. Башенькина. Согласно ей, в Молого-Шекснинском междуречье в первой половине I тыс. н.э. финно-угорская культура формируется в результате взаимодействия местного дьяковского (прибалтийско-финского), пришлого с юго-востока, из Поволжья (волжских финнов) и степного населения. В бассейне р. Суды вплоть до X в. сохраняется субстратная финно-угорская культура, близкая культуре волжских финнов, которую исследователь сопоставляет с летописной весью и приходит к выводу о принадлежности её к волжской группе финно-угров. Она была ассимилирована славянами на Суде не ранее XI в. (Башенькин, 1995. С. 109–116).

Дискуссионной проблеме этнической принадлежности ломоватовской и родановской культур посвящены две статьи – А.М. Белавина и Н.Б. Крыласовой (Белавин, Крыласова, 2013. С. 93–105) и Р.Д. Голдиной (Голдина, 2013. С. 106–119). А.М. Белавин и Н.Б. Крыласова развивают концепцию об угорской принадлежности ломоватовской культуры. Усиление роли финского компонента в составе финно-угорского населения края, по их мнению, начинается с XI в., что было связано с переселением населения с территории перми вычегодской. В статье Р.Д. Голдиной дана аргументированная критика этой концепции. Автором отмечается, что генетическая преемственность ломоватовской и родановской культур была убедительно обоснована В.А. Обориным и нашла подтверждение в дальнейших исследованиях. По мнению Р.Д. Голдиной, «ванвиздинско-вымская общность представляла собой северную периферию огромного пермского мира, охватывающего Верхнее и Среднее Прикамье, бассейн р. Вятка и Вычегодский край» (Голдина, 2013.

С. 107). Логически связана с предыдущей статьёй М.Г. Ивановой, в которой подводятся итоги исследования средневековых памятников бассейна р. Чепца. Две хронологически и генетически связанные полумскую (конец V – начало IX в.) и чепецкую (конец IX – XIII вв.) культуры она относит к финским, оставленным предками северных удмуртов, центром этносоциального образования которых являлось городище Иднакар (Иванова, 2015. С. 120–27). Датировке Лекмартовского клада средневековых изделий в Северном Прикамье, относящегося к раннеродановскому времени, посвящена статья Г.П. Головчанского, А.Ф. Мельничука и С.В. Скорняковой. Авторы отмечают, что прототипы многих изделий из клада появляются в пьяноборско-гляденовское время, характерны для ломоватовских, неволинских, раннеродановских и полумско-чепецких древностей пермских финнов Приуралья вплоть до XI в. (Головчанский, Мельничук, Скорнякова, 2013. С. 133–143).

Серия статей посвящена культовым памятникам эпохи средневековья в бассейнах Вычегды и Печоры. Среди них уже упомянутое святилище Джуджыдъяг на Вычегде (Королёв, 1978. С. 71–87), а также поселение-святилище Мыелдино на Вычегде, используемое как культовое место с позднеломоватовского времени (Васкул, Холопов, 2005. С. 34–46), скальное святилище Арка в Среднем Припечорье (Багин, 2005. С. 62–68), Уньинское на р. Унья (Багин, 2005а. С. 69–77), Лек-Ижман II на р. Ижма (Истомина, 1988. С. 112–120). Предметы с граффити, найденные на жертвенных местах ЕСВ, анализируются А.Л. Багиным. По мнению автора, они относятся к общему кругу уральских (угро-самодийских?) гравировок (Багин, 1998. С. 73–91). В статье Л.А. Голубевой «Семантика изображений на огнивах с бронзовыми рукоятками» проанализировано 119 огнив на обширной территории от Приобья до Скандинавии. Наряду с известным центром их изготовления в Прикамье ею выделено ещё два центра – в Западной Сибири и Западной Финляндии (Голубева, 1993. С. 176–184).

В МАЕСВ нашли отражение материалы по слабо разработанной проблеме древнерусской колонизации ЕСВ. Одной из первых в МАЕСВ публикуется статья М.В. Клёнова, в которой подведены итоги

раскопок древнерусского городища Кармыльк на р. Сысола в Сыктывдинском районе Республики Коми (Клёнов, 1986. С. 119–123). Принципиально важное значение для ее исследования имеют материалы древнерусского Пожегского городища на Выми XII–XIV вв., не нашедшие отражения в МАЕСВ, однако используемые в публикациях по этой проблеме. Первая попытка обобщения имеющихся источников была предпринята Э.А. Савельевой (Савельева, 1993. С. 128–140). К этому периоду был накоплен достаточно репрезентативный источниковый фонд по вымской культуре перми вычегодской, в которой был выявлен мощный древнерусский пласт.

Материалы Кичилькосьского I могильника на Выми позволили высказать предположение, что первыми данщиками на Выми были новгородцы. Во второй половине XII в. появляются древнерусские поселения – Карыбйвское на Вычегде и Пожегское на Выми, которые как будто подтверждают это предположение. В этой связи представляет интерес статья Э.А. Савельевой и Н.А. Павловой, посвящённая анализам бус Пожегского городища. Установлено, что почти все стеклянные бусы являются изделиями древнерусских мастеров. Выделены три группы изделий. Наиболее ранние (конец X – конец XI в.) связаны с киевским центром стеклоделия, со второй половины XII в. – с провинциальными центрами Северо-Восточной или Северо-Западной Руси, третья группа бус (XIII–XIV вв.) – новгородского происхождения (Савельева, Павлова, 1993. С. 158–175). Древнерусское культурное влияние распространялось и на округу Пожегского городища. Так, на Жигановском поселении, расположенном по соседству с городищем, основным населением которого были предки коми (зырян), обнаружены многочисленные свидетельства проживания наряду с коми и русского населения (Савельева, Клёнов, Зеленский, 1993. С. 141–157).

М.В. Клёновым рядом с Ыджыдъельским могильником исследовано небольшое древнерусское Ыджыдъельское поселение, население которого, возможно, занималось железоделательным производством (Клёнов, 1995. С. 92–138). Особый интерес представляет неукреплённое древнерусское поселение Гуль-Чунь на р. Сысола, датируемое рубежом XII–XIII

– началом XIII в., в хозяйстве которого важную роль играли земледелие и животноводство (Клёнов, Игушев, 2005. С. 78–90). Гончарная керамика обнаружена К.С. Королёвым на поселении Угдым III на Средней Вычегде, что, по мнению исследователя, может свидетельствовать о существовании временных становищ русских в долине Средней Вычегды (Королёв, 1995. С. 78–81). Одинокое погребение, предположительно, русского воина-дружинника, совершенное в X–XI или XI–XII вв., открыто В.С. Стоколосом на оз. Чойновты (Стоколос, 1978. С. 96–99).

К слабо разработанной теме – христианских древностей на ЕСВ – обращается М.В. Клёнов, наиболее ранние из которых (XII–XIII вв.) найдены на могильниках вымской культуры и древнерусских городищах, более поздние – (XIV–XVI вв.) на Ыбском на р. Сысола и Чабровском на р. Виледь городищах (Клёнов, 2013. С. 144–154).

Серия статей посвящена технологии кузнечного производства средневекового населения ЕСВ (Бирюков, Савельева, 2005. С. 113–133; Завьялов, Бирюков, 2005. С. 134–144; Завьялов, 2013. С. 128–132). На основе металлографического анализа кузнечных изделий выявлены их характерные особенности, свидетельствующие о консерватизме традиций местных кузнецов, длительном использовании и широком распространении технологии трёхслойного пакета. Наряду с изделиями местных кузнецов выявлены изготовленные русскими мастерами. В.И. Завьялов считает, что имеющиеся данные не позволяют определить, откуда распространяется технология трёхслойного пакета на изделиях перми вычегодской – из северорусских земель или Камского бассейна.

Вывод автора сводится к тому, что существенных контактов в области железообработки в XII–XIV вв. между русскими колонистами и племенами вымской культуры не существовало (Завьялов, 2013. С. 128–132).

Позднесредневековый период в истории региона представлен в материалах раскопок русских городищ, расположенных в Вилегодском районе Архангельской области – Чабровского (Савельева, Малышев, 1977. С. 68–80) и Маковка (Савельева, Игушев, 1999. С. 115–123) и Усть-Вымского городка XV–XVII вв. на территории Республики Коми

(Чеснокова, Игушев, Багин, 1998. С. 164–184).

Результаты комплексного применения контактных и неконтактных методов электрометрии при определении планировки археологических памятников, полученных при исследовании городища Иднакар в Удмуртии, отражены в статье М.Г. Ивановой и И.В. Журбина (Иванова, Журбин, 1995. С. 131–139).

Следует отметить, что в 14 выпуске МАЕСВ (1995) опубликованы материалы Международной научной конференции, посвящённой памяти В.Ф. Генинга, в котором наряду с археологическими статьями, материалы которых представлены выше (И.О. Васкула, К.С. Королева, А.Н. Башенькина, М.Г. Ивановой и И.В. Журбина), публикуются этнографические (О.И. Уляшева, П.Ф. Лимерова, В.Э. Шарапова и Д.А. Несанелиса, Ю.И. Трушковой, Е.Г. Федоровой, Л.М. Тереховой), а также исторические работы (И.Л. Жеребцова, А.Р. Хаузенберг, К. Юлки).

Анализ научных статей, опубликованных в МАЕСВ, показывает, что в истории археологического изучения ЕСВ выделяются, по крайней мере, два периода.

В первый период археологических исследований (конец 50-х – начало 70-х гг. XX в.) основным содержанием являлось формирование корпуса источников по древней истории региона, определение хронологии и культурной принадлежности открытых стоянок, путей заселения бассейнов Печоры и Вычегды в древности. Эти материалы не потеряли научной ценности и в настоящее время. Они позволили исследователям перейти к обобщению накопленных материалов, реконструировать историю населения ЕСВ от палеолита до вхождения в состав Русского государства.

С конца 70-х – начала 80-х гг. XX в. начинается новый период археологических исследований региона. Важным событием этого этапа стало значительное пополнение кадров в секторе археологии. Появилась возможность специализации исследователей по

эпохам древней истории ЕСВ.

Этот период характеризуется углублённым изучением открытых в первый период памятников, расширением географии стационарных и разведочных работ. Изменение характера исследований нашло своё отражение в выпусках МАЕСВ. Основным содержанием сборников являлись публикация материалов опорных памятников и региональное обобщение материалов. Важной отличительной чертой сборников этого периода является публикация статей, посвящённых комплексным исследованиям памятников каменного века.

В целом МАЕСВ выполняет свою роль создания источникового фонда по древней и средневековой истории ЕСВ – ключевого региона для исследования ряда важнейших вопросов освоения севера Евразии человеком в древности и средневековье*.

Литература

Волокитин А.В. Мезолит // Археология Республики Коми. М.: ДиК, 1997. Ч. 3. Гл. 2. С. 91–145.

Гуслицер Б.И., Канивец В.И. Пещеры Печорского Урала. М.-Л.: Наука, 1965. 134 с.

Гуслицер Б.И., Канивец В.И. Палеолитические стоянки на Печоре // Стратиграфия и периодизация палеолита Восточной и Центральной Европы. М.: Наука, 1965. С. 86–103.

Гуслицер Б.И., Канивец В.И., Тимофеев Е.М. Стоянка Бызовая – палеолитический памятник у Полярного круга // СА. 1965. № 2. С. 135–141.

Канивец В.И. Палеолитический человек на Печоре // Природа и развитие первобытного общества на территории европейской части СССР. М.: Наука, 1969. С. 136–142.

Канивец В.И. Палеолит крайнего Северо-Востока Европы. М.: Наука, 1976. 96 с.

* Исследование выполнено в рамках темы научно-исследовательской работы «Заселение и освоение циркумполярной зоны северо-востока Восточно-Европейской равнины и Урала по данным археологии» (2017–2019 гг.) № ГР 0417-2014-0007.

МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРО-ВОСТОКА / Отв. ред. В.И. Канивец. Сыктывкар, 1962. Вып. I. 179 с.

Буров Г.М. Долговременные поселения на р. Вис (бассейн Вычегды). С. 3–41.

Буров Г.М. Стоянки на Синдорском озере. С. 42–64.

Чернов Г.А. Стоянки в бассейне р. Адзвы (Большеземельская тундра). С. 65–102.

Канивец В.И. Первые результаты раскопок в Уньинской пещере. С. 103–144.

Канивец В.И. Среднеазиатские и германские монеты на Северном Урале. С. 145–154.

Савельева Э.А. Некоторые материалы по средневековой археологии Вычегодского края. С. 155–175.

Канивец В.И., Лузгин В.Е. АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ РАЗВЕДКА НА ЮЖНО-ПЕЧОРСКОЙ РАВНИНЕ. Отчет о работах 1962 г. в зоне затопления Усть-Войского водохранилища / Отв. ред. Я.Н. Безносовых. Сыктывкар, 1963. 86 с. (МАЕСВ. Вып. II).

ДРЕВНИЕ ПОСЕЛЕНИЯ НА ПЕЧОРЕ И ВЫЧЕГДЕ. Отчеты о работах 1963 г. в зоне затопления Усть-Куломского водохранилища / Отв. ред. Я.Н. Безносовых. Сыктывкар, 1965. 162 с. (МАЕСВ. Вып. III).

Канивец В.И. Древние поселения Южно-Печорской равнины. С. 3–100.

Стоколос В.С. Стоянки Лебяжской излучины. С. 101–108.

Лузгин В.Е. Археологическая разведка в бассейне Илыча в 1963 г. С. 109–138.

Буров Г.М. Археологическая разведка 1963 г. в зоне затопления будущего Усть-Куломского водохранилища. С. 139–159.

ПОСЕЛЕНИЯ КАМЕННОГО И МЕДНО-БРОНЗОВОГО ВЕКА НА ПЕЧОРЕ И УСЕ / Отв. ред. В.И. Канивец. Сыктывкар, 1973. 71 с. (МАЕСВ. Вып. IV).

Канивец В.И. Мезолитические стоянки на средней Печоре и Усе. С. 3–23.

Лузгин В.Е. Неолитические стоянки Центрального Тимана. С. 24–46

Савельева Э.А. Вадьягский могильник. С. 47–66.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В БАССЕЙНЕ ПЕЧОРЫ / Отв. ред. В.С. Стоколос. Сыктывкар, 1973. 108 с. (МАЕСВ. Вып. 5).

Верещагина И.В. Памятники с микролитическим инвентарем Большеземельской тундры. С. 3–21.

Лузгин В.Е. Поселение Ружникова на Косминских озерах и вопросы неолита Европейского Северо-Востока. С. 22–34.

Стоколос В.С. Стоянки бронзового века на водораздельных озерах Центрального Тимана. С. 35–52.

Королев К.С. Керамика гляденовского типа на многослойных памятниках Центрального Тимана. С. 53–62.

Савельева Э.А. Кичилькосьский могильник. С. 63–98.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ПЕЧОРЫ, СЕВЕРНОЙ ДВИНЫ И МЕЗЕНИ / Отв. ред. В.С. Стоколос. Сыктывкар, 1977. 86 с. (МАЕСВ. Вып. 6).

Логинова Э.С. Археологические памятники на оз. Энты. С. 3–10.

Верещагина И.В. Ранний неолит на Северной Двине. С. 11–22.

Лузгин В.Е. Неолитические стоянки в долине р. Индиги. С. 23–30.

Стоколос В.С. Первый неолитический памятник на Мезени. С. 31–36.

Ашихмина Л.И. Раннеананьинские поселения на верхней Мезени. С. 37–47.

Королев К.С. Поселение Шойнаты II на средней Вычегде. С. 48–54.

Мурыгин А.М. Памятники раннего средневековья на Мезени. С. 55–67.

Савельева Э.А., Малышев Н.П. Чабровское городище. С. 68–80.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА В СЕВЕРНОМ ПРИУРАЛЬЕ / Отв. ред. В.С. Стоколос. Сыктывкар, 1978. 119 с. (МАЕСВ. Вып. 7).

Логинова Э.С. Поселение Энты I. С. 3–22.

Стоколос В.С. Поселение Чужьяель на Мезени. С. 23–37.

Ашихмина Л.И. Поселения эпохи поздней бронзы и раннего железа на средней Каме. С. 38–70.

Королев К.С. Джуджыд яг – многослойный памятник на Вычегде. С. 71–87.

Мурыгин А.М. Поселение Чойновты V на Мезени. С. 88–95.

Стоколос В.С. Средневековое погребение на оз. Чойновты. С. 96–99.

Чернов Г.А. Новые археологические памятники на р. Колве и Сандибей-ю. С. 100–109.

ДРЕВНИЕ ПАМЯТНИКИ СЕВЕРНОГО ПРИУРАЛЬЯ / Отв. ред. В.С. Стоколос. Сыктывкар, 1980. 132 с. (МАЕСВ. Вып. 8).

Логинова Э.С. Археологическая разведка на Вишере. С. 3–19.

Стоколос В.С. Поселение Чойновты II на Мезени. С. 20–41.

Вережагина И.В., Ашихмина Л.И. Раннеананьинские поселения в бассейне Северной Двины. С. 42–70.

Мурыгин А.М. Поселение Усогорск III на средней Мезени. С. 71–91.

Королев К.С. Раннесредневековый могильник Шойнаты I. С. 92–99.

Савельева Э.А., Т.В. Истомина. Веслянский II могильник. С. 100–115.

Королев К.С. Пезмогский могильник. С. 116–124.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ СЕВЕРНОГО ПРИУРАЛЬЯ / Отв. ред. В.С. Стоколос. Сыктывкар, 1985. 159 с. (МАЕСВ. Вып. 9).

Мельничук А.Ф., Павлов П.Ю. Новое палеолитическое местонахождение в Среднем Прикамье. С. 7–15.

Логинова Э.С. Мезолитические стоянки средней Вычегды. С. 16–30.

Стоколос В.С. Стоянка бронзового века на р. Коротаихе. С. 31–54.

Ашихмина Л.И. Керамика ананьинских поселений Среднего Прикамья. С. 55–80.

Мурыгин А.М. Поселения бичевницкого типа на Печоре и Вычегде и их место в истории северуральского населения. С. 81–97.

Королев К.С. Раннесредневековая керамика многослойного поселения Шойнаты III на средней Вычегде. С. 98–112.

Васкул И.О. О датировке пряжки с поселения Шойнаты III. С. 113–115.

Савельева Э.А., Чеснокова Н.Н. Веслянское I поселение. С. 116–139.

Зеленский В.С. Археологические памятники на Цильме. С. 140–148.

Чернов Г.А. Новые древние стоянки в верховьях р. Коротаихи (Большеземельская тундра). С. 149–154.

ПАМЯТНИКИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРО-ВОСТОКЕ / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар, 1986. 133 с. (МАЕСВ. Вып. 10).

Павлов П.Ю. Раскопки Бызовской палеолитической стоянки в 1983–1985 гг. С. 6–21.

Волокитин А.В. Новые данные по мезолиту Европейского Северо-Востока. С. 22–34.

Косинская Л.Л. Керамика поселения Ниремка I. С. 35–44.

Логинова Э.С. Поселение Энты II. С. 45–53.

Ашихмина Л.И., Генинг В.Ф. Ананьинские жилища Зуево-Ключевского I городища. С. 54–69.

Стоколос В.С., Васкул И.О. Новый памятник раннего железного века в бассейне р. Мезени. С. 70–78.

Мурыгин А.М. Поселение Топыд-Нюр VII и некоторые вопросы позднего железного века Печорской равнины. С. 79–92.

Королев К.С. Поселение ванвиздинской культуры Шойнаты VI. С. 93–98.

Савельева Э.А., Зеленский В.С. Хронология погребальных комплексов Ыджидьельского могильника. С. 99–118.

Кленов М.В. Первые итоги раскопок городища Кармыльк. С. 119–123.

ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ КАМНЯ И МЕТАЛЛА СЕВЕРНОГО ПРИУРАЛЬЯ / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар, 1988. 139 с. (МАЕСВ. Вып. 11).

Гуслицер Б.И., Павлов П.Ю. Верхнепалеолитическая стоянка Медвежья пещера (новые данные). С. 5–18.

Волокитин А.В., Коноваленко Л.А. Новый мезолитический памятник Парч 3 на Вычегде. С. 19–32.

Косинская Л.Л. Некоторые результаты статистического анализа кремневого инвентаря стоянок каменного века бассейна Вычегды. С. 33–47.

Стоколос В.С. Новые памятники чужъяельской культуры на территории Большеземельской тундры. С. 48–63.

Королев К.С. Памятники эпохи раннего железа в долине средней Вычегды. С. 64–75.

Бажан И.А., Васкул И.О. О связях населения лесной полосы Восточной Европы с Прибалтикой в первой половине I тысячелетия н.э. С. 76–89.

Мурыгин А.М. Смолокурный I – памятник ванвиздинской культуры на р. Вашке. С. 90–100.

Савельева Э.А. Петкойский могильник. С. 101–121.

Макаров Н.А. Средневековые поселения Устюжской округи. С. 122–131.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР СЕВЕРНОГО ПРИУРАЛЬЯ В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ / Отв. ред. Э.А.Савельева. Сыктывкар, 1993. 188 с. (МАЕСВ. Вып. 12).

Денисов В.П., Павлов П.Ю. Заозерье – новый верхнепалеолитический памятник в низовьях реки Чусовой. С. 5–17.

Косинская Л.Л., Волокитин А.В. Типология мезолитических памятников Европейского Северо-Востока. С. 18–29.

Стоколос В.С. Культурные связи населения Северного Приуралья в эпоху раннего металла. Их проявления и последствия. С. 30–40.

Логина Э.С. Поселение Чудгудорьяг. С. 41–59.

Ашихмина Л.И. К вопросу о формировании лебяжской культуры. С. 60–76.

Васкул И.О. К вопросу о локальных различиях в керамике гляденовского типа на памятниках Европейского Северо-Востока. С. 77–89.

Королев К.С. Предвиздинский комплекс поселения Угдым III. С. 90–115.

Мурыгин А.М., Плюснин С.М. Поселение Ядмас I в бассейне средней Мезени. С. 99–115.

Хлобыстин Л.П., Питулько В.В., Станюкович А.К. Древнее поселение приморских охотников Карпова губа на острове Вайгач. С. 116–127.

Савельева Э.А. Начальный этап древнерусской колонизации Европейского Северо-Востока. С. 128–140.

Савельева Э.А., Кленов М.В., Зеленский В.С. Жигановское поселение. С. 141–157.

Савельева Э.А., Павлова Н.А. Бусы Пожегского городища. С. 158–175.

Голубева Л.А. Семантика изображений на огнивах с бронзовыми рукоятками. С. 176–184.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ В ЭПОХУ КАМНЯ, БРОНЗЫ, РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В СЕВЕРНОМ ПРИУРАЛЬЕ / Отв. ред. Э.А.Савельева. Сыктывкар, 1995. 144 с. (МАЕСВ. Вып. 13).

Павлов П.Ю., Денисов В.П., Мельничук А.Ф. Палеолитические местонахождения с кварцитовым инвентарем в Верхнем Прикамье. С. 5–24.

Волокитин А.В., Косинская Л.Л. К проблеме культуросогенеза мезолита Европейского Северо-Востока. С. 25–42.

Логина Э.С. Поселение Юванаяг на Нившере. С. 43–58.

Стоколос В.С. Поселение Мучкас на Мезени. С. 59–64.

Ашихмина Л.И., Васкул И.О. Поселение Корольки II. С. 65–77.

Королев К.С. Кружалная керамика поселения Угдым III. С. 78–81.

Кленов М.В. Ыджидьельское поселение. С. 82–91.

Савельева Э.А. Лоемский могильник. Этнокультурная принадлежность. С. 92–138.

ЕВРОПЕЙСКИЙ СЕВЕР: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ. Доклады Международной научной конференции, посвященной памяти Владимира Федоровича Генинга / Отв. ред. Л.И. Ашихмина, Э.А. Савельева. Сыктывкар, 1995. 212 с. (МАЕСВ. Вып. 14).

Ашихмина Л.И. Памяти учителя. С. 8–15.

Генинг В.Ф. Автобиография научной деятельности (отрывок). С. 16–36.

Палов П.Ю. Верхнепалеолитические стоянки и «кладбища мамонтов» на Северо-Востоке Европы. С. 37–39.

Волокитин А.В. К проблеме этнолингвистической интерпретации материалов мезолитической эпохи Урала и Поволжья. С. 40–47.

Косинская Л.Л. К проблеме генезиса памятников с накольчатой и гребенчато-накольчатой керамикой Европейского Северо-Востока. С. 48–55.

Mika Sarkkinen. Sacred stones in Finland – remnants of a prehistoric cult. С. 55–71.

Ашихмина Л.И. Индоевропейцы и финноугры в Северном Приуралье (II тыс. до н.э.). С. 72–80.

Сенникова Л.А. Поселение Лобань III – памятник эпохи бронзы на средней Вятке. С. 81–92.

Васкул И.О. О культурной принадлежности памятников Европейского Северо-Востока в конце I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э. С. 93–102.

Королев К.С. Зарождение культа коня у предков коми-зырян. С. 103–108.

Башенькин А.Н. Белозерье: на пограничье восточно- и западно-финского миров. С. 109–117.

Терехова Л.М. Орнаменты на мягких материалах из археологических памятников Сургутского Приобья. С. 118–123.

Roger H. Leech. Identifying and documenting the archaeological and architectural heritage. The national monuments record for England in its European context. С. 124–130.

Журбин И.В., Иванова М.Г. Комплексное применение контактных и неконтактных методов электрометрии при определении планировки археологических памятников (по результатам экспедиций 1993–1994 гг. на городище Иднакар). С. 131–139.

Ану-Реэт Хаузенберг. Решена ли загадка Биармии? С. 140–145.

Kyösti Julku. The hunting peasant class in Finnish economic history and prehistory. С. 146–152.

Жеребцов И.Л. Изменение климата и демографические процессы в Коми крае в XV–XVIII вв. С. 153–159.

Уляшев О.И. Хроматический образ медведя в представлениях коми. С. 160–165.

Лимеров П.Ф. Мифологема судьбы в контексте представлений о загробном существовании у коми. С. 166–177.

Sharapov V., Nesanelis D. Swing in the Komi calendar rites. С. 178–184.

Трушкова И.Ю. О системе взаимовлияний этнических групп вятского населения (по данным традиционного народного костюма). С. 185–191.

Федорова Е.Г. О возможных путях становления обско-угорского оленеводства. С. 192–198.

СЕВЕРНОЕ ПРИУРАЛЬЕ В ЭПОХУ КАМНЯ И МЕТАЛЛА / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар, 1998. 196 с. (МАЕСВ, Вып. 15).

Павлов П.Ю., Макаров Э.Ю. Гарчи I – памятник костенковско-стрелецкой культуры на северо-востоке Европы. С. 4–17.

Волокитин А.В. Мезолитический памятник Парч I на Вычегде: каменная индустрия (по материалам 1985–1989 гг.). С. 18–30.

Волокитин А.В., Карманов В.Н., Марченко Т.И., Дурагина Д.А. Пезмог IV – новый памятник камского гребенчатого неолита на Вычегде. С. 31–40.

Логинова Э.С. Поселение Энты IV. С. 41–64.

Васкул И.О. Поселение эпохи железа Сынявом на р. Усе (по материалам раскопок 1993 г.). С. 65–72.

Багин А.Л. Граффити из святилищ

Европейского Северо-Востока. С. 73–91.

Королев К.С. Поселение Угдым IV на средней Вычегде. С. 92–99.

Мурыгин А.М. Комплекс позднего железного века поселения Ошчой I на Мезени. С. 100–111.

Истомина Т.В. Средневековый ритуальный комплекс Лек-Ижман II на р. Ижма. С. 112–120.

Савельева Э.А. Удорские памятники эпохи средневековья. С. 121–136.

Савельева Э.А., Клёнов М.В. Лоемское поселение. С. 137–145.

Савельева Э.А., Игушев А.Р. Векиорский могильник. С. 146–159.

Бирюков А.В. Кельчиюрский клад железных предметов. С. 160–163.

Чеснокова Н.Н., Игушев А.Р., Багин А.Л. «Устьвым. Владычный городок» XV–XVII вв. (Первые результаты археологических исследований 1995 г.). С. 164–184.

Стоколос В.С. Глиняная антропоморфная пластика в северном Приуралье. С. 185–190.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ДРЕВНОСТИ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРО-ВОСТОКЕ / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар, 1999. 132 с. (МАЕСВ, Вып. 16).

Волокитин А.В., Карманов В.Н., Косинская Л.Л., Сажин И.В. Дутово I – памятник раннего неолита на средней Печоре. С. 4–16.

Стоколос В.С. К вопросу о ямочно-гребенчатой керамике Северного Приуралья. С. 17–29.

Паришуков Ю.В. Керамика атаманнюрской культуры. С. 30–43.

Васкул И.О., Овчинников Ф.В. Шойнаягский могильник. С. 44–57.

Королев К.С. Новые материалы поселения Угдым II. С. 58–65.

Мурыгин А.М. Новые средневековые памятники севера европейских тундр. С. 66–75.

Истомина Т.В. Вотчинский могильник. С. 76–102.

Кленов М.В. Озельский могильник. С. 103–114.

Савельева Э.А., Игушев А.Р. Городище Маковка. С. 115–123.

ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ КАМНЯ, РАННЕГО МЕТАЛЛА И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРО-ВОСТОКА / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар, 2005. 166 с. (МАЕСВ, Вып. 17).

Волокитин А.В., Карманов В.Н., Тимушева И.М. Мезолитическая мастерская Курьядор II на Вычегде. С. 5–15.

Логинова Э.С., Карманов В.Н. Энты VI – памятник льяловского типа на Вычегде. С. 16–22.

Паршуков Ю.В. Дань-Дар – новый энеолитический памятник на средней Вычегде. С. 23–33.

Васкул И.О., Холопов М.И. Поселение-святилище первой половины I тыс.н.э. Мыёлдино на верхней Вычегде. С. 47–61.

Овчинников Ф.В. О происхождении харинской полихромной поясной гарнитуры (к вопросу об истоках культуры харинского типа). С. 47–61.

Багин А.Л. Скальное святилище Арка в среднем Припечорье. С. 62–68.

Багин А.Л. Уньинское пещерное святилище (результаты раскопок 1998 г.). С. 69–77.

Кленов М.В., Игушев А.Р. Поселение Гуль-Чунь. С. 78–90.

Савельева Э.А. Ленский могильник. С. 91–112.

Бирюков А.В., Савельева Э.А. Технология изготовления кузнечных изделий Кичилькосьского I могильника. С. 113–133.

Завьялов В.И., Бирюков А.В. Кузнечные изделия памятников позднего средневековья (XV–XVII вв.) бассейнов рек Сысола и Луза. С. 134–144.

Королев К.С. Разведочные работы на средней Вычегде. С. 145–154.

Стоколос В.С. Некоторые данные к реконструкции и назначению построек на атаманьских поселениях. С. 155–161.

КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ НАСЕЛЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРО-ВОСТОКА В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ / Отв. ред. И.О. Васкул. Сыктывкар, 2013. 164 с. (МАЕСВ. Вып. 18).

Савельева Э.А. Этнокультурные связи населения Европейского Северо-Востока в древности и средневековье. С. 8–20

Волокитин А.В. О так называемых культурных связях в мезолите Европейского Северо-Востока. С. 21–40.

Карманов В.Н. Культурные связи населения Европейского Северо-Востока в неолите? С. 41–57.

Васкул И.О. Этнокультурные связи населения Европейского Северо-Востока в ананьинское время. С. 58–83.

Мурыгин А.М. Некоторые вопросы взаимодействия населения на крайнем северо-востоке Европы в середине I тысячелетия н.э. и их роль в формировании культур эпохи раннего средневековья. С. 84–98.

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. О финском компоненте в древностях Пермского Предуралья X–XI вв. С. 99–105.

Голдина Р.Д. О некоторых проблемах средневековой археологии пермян Приуралья. С. 106–119.

Иванова М.Г. Средневековые памятники бассейна реки Чепцы: основные итоги и перспективы исследований.

Завьялов В.И. Инновации в кузнечном ремесле перми вычегодской: к проблеме трехслойного пакета. С. 128–132.

Головчанский Г.П., Мельничук А.Ф., Скорнякова С.В. Лёкмартковский клад средневековых изделий в северном Прикамье. С. 133–143.

Кленов М.В. Христианские древности населения Европейского Северо-Востока (из археологических коллекций ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН). С. 144–155.

ПЕРВОБЫТНЫЕ И СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ДРЕВНОСТИ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРО-ВОСТОКА / Отв. ред. А.В. Волокитин. Сыктывкар, 2015. 132 с. (МАЕСВ, Вып. 19).

Павлов П.Ю. О первоначальном заселении Урала. С. 8–15.

Волокитин А.В., Волокитина Н.А., Карманов В.Н. Мезолитический памятник Пезмогты 6 в среднем течении реки Вычегды. С. 16–38.

Зеленский В.С. Памятник эпохи бронзы Синегорье на Цильме. С. 39–52.

Лузгин В.Е., Мурыгин А.М., Карманов В.Н. Археологические памятники бассейна реки Сула (Малоземельская тундра). С. 53–70.

Васкул И.О. Керамический комплекс гляденовского времени поселения Китостав на верхней Печоре. С. 71–79.

Туркина Т.Ю. Поселение Бичевник I на средней Печоре (по материалам раскопок 2013 г.). С. 80–88.

Савельева Э.А. Кичилькосьский II могильник. С. 89–109.

Клёнов М.В. Жигановское поселение (материалы раскопок 2001, 2009 гг.). С. 110–122.

Э.С. Логинова

ОПЫТ ВЫДЕЛЕНИЯ РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКОГО ЖИЛИЩА НА ПОСЕЛЕНИИ ЭНЬТЫ I (СРЕДНЯЯ ВЫЧЕГДА, РЕСПУБЛИКА КОМИ)

Настоящая статья, основанная на архивных неопубликованных материалах Э.С. Логиновой, посвящена опыту определения жилой структуры в условиях отсутствия выраженных культурных слоев и видимых на поверхности впадин. При этом использованы материалы ранненеолитического комплекса поселения Эньты I, изучавшегося автором в 1975–1976, 1980–1981, 1984 гг. на Средней Вычегде вблизи г. Сыктывкара. Э.С. Логинова провела анализ пространственного распределения артефактов и экофактов и их соотношения с изученными компонентами структуры с использованием метода связей. Было установлено, что на памятнике в раннем неолите могла функционировать одна наземная жилая постройка, в которой отложился гомогенный в культурном отношении комплекс с ямчатой и гребенчато-ямчатой керамической посудой и геометрическими микролитами в форме трапеций в каменном инвентаре.

Ключевые слова: археология, поселение, ранний неолит, керамическая посуда, каменный инвентарь, жилище, очаг, хозяйственная яма, метод связей, река Вычегда.

E.S. Loginova

EXPERIENCE OF IDENTIFICATION OF THE EARLY NEOLITHIC DWELLING IN THE SETTLEMENT ENTY I (THE MIDDLE VYCHEGDA, KOMI REPUBLIC)

This paper, based on the archival unpublished materials of E. S. Loginova, is devoted to the experience of determination of the residential structure in the absence of pronounced cultural layers and visible depressions on the surface. The materials of the Early Neolithic complex of the settlement Enty I studied by the author in 1975-1976, 1980-81, 1984 on the Middle Vychegda near Syktyvkar were used. E.S. Loginova analyzed the spatial distribution of artifacts and ecofacts and their relationship with the studied components of the structure using the method of communication. It was found that on the site in the Early Neolithic there could function one ground residential dwelling, in which culturally homogeneous complex with pit and comb-pit ceramic ware and geometric microliths in the shape of trapezoids was deposited in the stone inventory.

Keywords: archaeology, settlement, Early Neolithic, ceramic pottery, stone tools, dwelling, hearth, utility hole, communication method, the Vychegda river.

В зависимости от топографических условий памятники у озера Эньты подразделяются на две группы: культурный слой Эньты I–III, VI–VII залегал на уровне 6–7 м над озером, поселений Эньты IV–V – на уровне 3–4 м (рис. 1). На памятниках первой группы строение почвы обычное для боровых террас: белесый подзол мощностью 2–30 см, иногда до 80 см, ниже желтый песок мощностью 5–35 см, подстилающий – плотный светло-желтый песок (материк). Наблюдения показывают, что мощность белесого подзола зависит от рельефа. Так, при сравнительно ровной поверхности (Эньты I–III) белесый подзол совпадал в целом с I горизонтом (0–10 см), при холмистой (Эньты VI–VII) – с I и II, иногда с III горизонтом (0–30 см). На поселении второй группы Эньты IV белесый подзол

выклинивался, вместо него появлялся темно-бурый, слегка суглинистый песок мощностью от 10 до 75 см, ниже желтый песок от 10 до 40 см, подстилающий – светло-желтый плотный песок (материк). Отличия в строении почвы данного поселения связаны с весенними разливами вод.

На всех памятниках культурные остатки залегали сразу под мхом до материка, наибольшая насыщенность находками отмечалась в верхней части желтого или темно-бурого песка на контакте с белесым (II горизонт), количество их убывало к нижним горизонтам, на материке находки были единичны. Общая мощность культурного слоя от 20 до 50 см, наибольшая наблюдалась на Эньты I, IV, VII. Некоторые памятники (Эньты VI–VII), вероятно, раскопаны почти полностью,

на других (Эньты I–V) культурный слой не исчерпан и продолжается за пределами раскопов на участке протяженностью 600 м вдоль озера, шириной до 100 м. Поселения (кроме Эньты V) выделены по наличию жилищных впадин – одиночных и групповых, расстояние между ими от 90 до 200 м. Характерные признаки впадин – овальная или округлая форма, ровное дно, нечетко выраженное валообразное окружение. Длина их от 4,5 до 22,5 м, глубина от 12 до 70 см. По внешнему виду они отличаются от поздних ям для получения древесного угля («пым-гу») и у местного населения носят название «чуд-гу». Отложения слоев в жилищных впадинах следующее: под белесым подзолом залегал желтый песок с угольками (или пятнистый, розовато-желтый мощностью от 10 до 45 см – заполнение жилищ, а под валом – погребенный подзол мощностью до 20 см, прослеживаемый лишь в наиболее глубоких впадинах (Эньты II, VI, VII)); подстилающий – светло-желтый плотный песок – материк. Наибольшая насыщенность находками в заполнении жилищ отмечается выше пола.

Поселение Эньты I – самое верхнее на южном берегу озера (рис. 1). Оно находится в 1 км от его верхнего конца и в 0,5 км выше устья руч. Кузьпос. Расстояние от современного русла Вычегды 2,5 км, от пос. Седкыркеш – 4 км. В 1975 г. на памятнике были заложены три контрольных шурфа общей площадью 25 кв. м, в 1976 г. раскопано 487 кв. м, в 1980 г. – 284 кв. м, в 1981 г. – 104 кв. м, в 1984 г. – 576 кв. м. Общая исследованная площадь составила 1476 кв. м (рис. 2). В восточной части раскопа находилась слабо заметная жилищная впадина овальной формы, ориентированная на северо-восток, перпендикулярно бровке террасы. Ее размеры 22,5х7 и глубина 0,25 м. На поселении выделены три культурно-хронологических комплекса: 1) раннего неолита, 2) позднего неолита (жилище), 3) энеолита (незначительный по количеству).

Первый комплекс локализовался в западной части раскопа и частично в восточной, на площади около 800 кв. м, второй – в восточной, на площади 250 кв. м. Второму комплексу соответствовало жилище, сильно вытянутое подпрямоугольное (19,5х5–5,4 м), глубиной 20–24 см, с двумя выходами, шестью очагами и одной хозяйственной ямой.

Керамическая посуда третьего комплекса встречена в отдельных скоплениях: в белесом песке над заполнением жилища, к западу, югу и востоку от него, в т.ч. в заполнении ямы 23 (рис. 1).

Керамика раннего комплекса (2853 черепка, в т.ч. 126 венчиков) содержит в тесте примесь шамота, дресвы или шамота с дресвой, преобладает дресва (рис. 5). Черепки чаще сглажены до блеска, на внутренней поверхности иногда покрыты расчесами. Наблюдается подкраска охрой. Форма сосудов закрытая в большинстве случаев, меньше прямостенная. Край венчика скошен внутрь, срезан прямо или закруглен, без утолщения. Форма дна как приостренная, так и плоская, слегка вогнутая. Орнаментом покрыта вся поверхность сосуда, начиная от края, включая плоские днища и в некоторых случаях торец венчика. Узоры состоят из ямчатых вдавлений (изолированных наколов), гребенчатых оттисков и их сочетаний. Характерна горизонтальная зональность, но встречается вертикальное членение зон. Гребенчатый орнамент преобладает, оттиски гребенки прямозубые, длиной 1,5–7 см. Под венчиком все сосуды имеют 1–2 ряда круглых ямок – мелких цилиндрических, иногда сквозных, крупных конусовидных и неглубоких полушарных. В целом керамику можно назвать ямчато-гребенчатой.

К этому же комплексу отнесены четыре обломка глиняных изделий. Они вылеплены из глины с примесью шамота и дресвы, поверхность заглажена. В числе их – небольшой стерженок овального сечения, обломок, возможно, кружка толщиной 8 мм, украшенного по краю насечками и два фрагмента зооморфных изображений с длинным телом, хвостом и короткими лапами, голова, нос и лапы выделены с помощью пальцевых защипов.

Кремень (рис. 6) раннего комплекса использовался экономно, около 30% предметов сохраняли желвачную корку. Характерно разнообразие типов заготовок при изготовлении орудий – пластин (31,4%), пластинчатых отщепов (30%), отщепов (36,2%), нуклеидных обломков (1%), обломков (0,63%), чешуек (1,0%), плиток (0,1%). Сериями представлены геометрические орудия – трапециевидных, прямоугольных, треугольных форм и параллелограммов, пластины с затупленными и скошенными ретушью торцами, изделия

с выемками и краевой ретушью, резчики, режущие орудия, сверла. Острия, сечения – вкладыши, скребки – концевые и треугольной, четырехугольной формы. Приемы обработки часто одинаковы, независимо от типа заготовки. Применялась крутая ретушь под углом 80–90°, при производстве скребков – зубчатая, реже встречалась приостряющая и плоская. Ретушь наносилась со стороны спинки, брюшка и противоположащая, изредка покрывала одну сторону полностью или частично. Наблюдалось на изделиях подработка площадки и резцовые сколы. Наиболее характерны для комплекса геометрические вкладыши – 92 экз. и такие же орудия, но с односторонней ретушью – 42 экз. Они найдены только в западной части раскопа, в заполнении очагов II–V, VII–IX, XI–XV, ям 9–10 и около них. Особенно большие скопления вкладышей зафиксированы в квадратах 10-ж (34 экз.), 17-Е (12 экз.), 13-ж (8 экз.), 9-ж и 11-ж (по 7 экз.).

Ранненеолитический комплекс четко локализовался за пределами впадины в западной части раскопа и частично в восточной. С ним связано 16 очагов, две охристые линзы, 22 хозяйственные ямы (из 23), 14 столбовых ямок, зольная прослойка и большое количество расколотых камней поперечником 5–10 см, иногда 20 см, залегающих до материка (рис. 2). В районе их концентрации мощность культурного слоя достигала 40 см, насыщенность находками была наибольшая.

Очаги имели сажисто-зольное заполнение темно-коричневого цвета мощностью 12–14 см. Очертания их округлые или овальные в плане, ширина до 140 см, длина до 180 см, дно округлое или конусовидное, углубленное в материк до 30 см (табл. 1). Все очаги выявлены в западной части раскопа. Интересно их расположение: 12 очагов с интервалом 0,8–5 м образуют ряд длиной 32 м, ориентированный на север, под углом к бровке террасы, половина их несколько смещена (до 1 м); с каждой стороны ряда находились еще по два очага. Наиболее близко расположенные очаги (VII–IX) в центре ряда были перекрыты зольной прослойкой неправильной формы, вытянутой на север, длиной до 6,8 м, шириной до 2,8 м, мощностью 10–30 см. Заполнение очага XII отличалось большей насыщенностью черепками, X–XI – кремнем, XV – кремнем и обожженными костями. Во всех очагах встречены

расколотые камни, а по краю IX, X и XI очагов сохранились продолговатые участки длиной 65–70 см, выложенные из камней в 2–3 слоя, вероятно, следы обкладки.

По уровню фиксации выделяются пять групп очагов:

- I–V на уровне 25–30 см;
- VI – на уровне – 18 см;
- VII–IX – на уровне 40 см;
- X–XIII – на уровне 40–50 см;
- XIV–XVI на уровне 30–36 см.

Хозяйственные ямы обнаружены около очагов (1–15) и жилищной впадины (17–22). Наиболее четко они фиксировались на уровне материка. Форма ям различна – круглая, овальная, подтреугольная, подчетыреугольная, дно плоское, округлое или конусовидное. Длина их достигала 270 см, поперечник – от 16 до 60 см, стенки в ряде случаев прокалены (табл. 3). В заполнении встречался желтый песок с угольками, коричневатый или перемешанный, более или менее насыщенный находками, в том числе расколотыми камнями. Остатки кладки из камней обнаружены на краю ям 6, 9, 17. Выделяются комплексы из близко расположенных очагов и ям. Таковы яма 1 и очаг I, яма 5 и очаг VI, яма 6 и очаг X, яма 8 и очаг XII, яма 10 и очаг XIV, яма 9 и очаг XIII. Остальные ямы, удаленные от очагов, одиночные (7, 17), сгруппированы по две (12–13, 14–15) и более (18–22), фиксируемые на одном уровне.

По характеру находок выделены три типа ям:

- 1) Для сжигания костей животных (2–4, 7, 17–22);
- 2) Для сбрасывания мусора при чистке очагов (1, 6, 8–11);
- 3) Для хранения сосудов с пищей (5).

Ямы первого типа были заполнены плотной массой обожженных костей животных (определены лось и северный олень), иногда трухой от костей. Над ними культурный слой был насыщен костями и расколотыми камнями. Ямы второго типа были устроены рядом с очагом и содержали в заполнении перемешанный очажный слой с обожженными предметами. В одном случае линза очага XIII сползла по стенкам ямы 9. Яма 5 третьего типа находилась также рядом с очагом VI. В ней найдены обломки двух сосудов: черепки одного располагались по стенкам ямы, повторяя ее

очертания, на дне лежало плоское доньшко, а венчики находились внутри ямы торцом вниз, вместе с черепками второго сосуда, также с плоским доньшком. На краю ямы найдены обломки другого подобного сосуда. Возможно, в очаге нагревали камни для варки пищи.

Ямки зафиксированы на уровне материка (табл. 2). В плане они круглые или овальные, диаметром 8–34 см, в профиле конические, редко с отвесными стенками, глубина 16–35 см. Они обнаружены около очагов IV, V, на дне хозяйственных ям 1, 10, 18, около ям 3, 10, 17 и могут указывать на существование каких-то хозяйственных построек или приспособлений.

Такое компактное расположение очагов и ям, а также концентрация находок (в том числе расколотых камней) заставляет предположить существование одного или нескольких сооружений. Для доказательства этого предположения привлечены данные по уровню фиксации очагов и ям и результаты анализа керамики по методу связей. При этом использован опыт анализа распределений каменных предметов на мезолитических памятниках Урала и Сибири.

В западной части раскопа обнаружено 10 наиболее крупных скоплений черепков с ямочно-гребенчатым орнаментом, они состояли из развалов 1–3 сосудов. На плане стрелками отмечался разброс фрагментов каждого сосуда от центра, где количество их максимально. Данный центр, видимо, отражает место, где стояли эти сосуды. Разброс черепков от центра достигал 16 м. Сплошной линией показан разброс черепков с гребенчатым орнаментом, пунктирной – черепков с ямчато-гребенчатым орнаментом. Рассмотрим «связи» каждого сосуда (рис. 3, 4).

Первое скопление (кв. 6-ж, гл. 10–30 см) между ямой 1 и очагом II включало 15 обломков от сосуда с ямчато-гребенчатым орнаментом, направление разброса черепков – в районе очагов II–V (к югу), встречались и к северу – в яме 1. Второе скопление (кв. 8-Д, гл. 0–40 см) включало 25 обломков сосуда с гребенчатым орнаментом, отдельные черепки залегали в ямах 1 и 3, что позволяет считать их одновременными. Третье скопление, наиболее крупное – в яме 5 и около нее (кв. 12, 13-Д, Е). В самой яме находилось 156

обломков сосуда с гребенчатым орнаментом, около нее стояли два также гребенчатых сосуда, от каждого насчитывается до 100 обломков, часть их находилась в яме, отдельные фрагменты этих сосудов найдены в ямах 6, 8 и очага VIII, значительное количество – в зольной прослойке и около ямы 6. Данный факт констатирует одновременность зольной прослойки, ям 5, 6, 8 и очага VIII, а так как зольная прослойка перекрывала три очага (VII–IX), то следует считать, что они функционировали в одно время.

Четвертое скопление (кв. 15-Г, гл. 10–40 см) к западу от ям 6 и 8 состояло из 25 обломков от приостренного дна сосуда с ямчато-гребенчатым орнаментом. Отдельные черепки встречены в заполнении ямы 6.

Пятое скопление (кв. 17-И, гл. 10–30 см) небольшое, с западной стороны ямы 10 состояло из 8 обломков сосуда с гребенчатым орнаментом, от 1 до 5 черепков залегало в ямах 6, 10 и очагах X, XII, XIV. Таким образом, устанавливается их синхронная связь, и вместе с ними – ямы 5, 8 и очаги VII–IX.

Шестое скопление (кв. 18-З, гл. 0–20) между ямами 9 и 10 состояло из черепков двух сосудов с гребенчатым орнаментом – 74 обломков одного сосуда и 45 другого. Отдельные мелкие черепки от них найдены в яме 10 и очаге XIV.

Седьмое скопление (кв. 17, 18-Д, Е) состояло из 191 черепка сосуда с ямчато-гребенчатым орнаментом, они найдены в очаге XII, яме 8 и около них, отдельные обломки – в очаге XIII и яме 9. Значит, устанавливается их временная связь с очагами VII–X, XIV и ямами 5, 6, 9, 10.

Небольшое восьмое скопление состояло из черепков сосуда с ямчато-гребенчатым орнаментом: 6 обломков от него лежали около ямы 12 (кв. 21-Г, гл. 0–30 см), 6 обломков – в яме 12, еще 2 – в яме 14. На основании данного факта ямы 12 и 14 одновременны.

Девятое скопление представлено обломками сосуда с ямчато-гребенчатым орнаментом: 19 обломков найдены между ямами 13 и 14 (кв. 22-Д, гл. 0–30 см), единичные черепки – в ямах 12, 13, 14, очаге XVI и около них. Таким образом, эти ямы и очаг следует считать одновременными.

Десятое скопление обнаружено около ямы 15 (кв. 24-Д, гл. 0–30 см). Здесь лежали 34 черепка с гребенчатым орнаментом,

отдельные фрагменты – в очагах X, XII, XIII, XV, XVI и ямах 9, 10, 14, 15, что доказывает их одновременное функционирование.

Таким образом, в западной части раскопа, устанавливается синхронное функционирование всех очагов и ям, кроме ямы 11, ям с костями 2, 4, 7, но по характеру ям, уровню фиксации они не выделяются из общего ряда. Не исключено, что к северу от раскопа ряд очагов и ям продолжается. Другой результат анализа керамики по методу «связей» – установление принадлежности обеих групп сосудов (с гребенчатым и ямчато-гребенчатым орнаментом) к одному комплексу. Фрагменты их встречались вместе в одних и тех же очагах и ямах, сосуды обеих групп распределены почти равномерно по всей площади.

Уровень фиксации очагов и ям не одинаков. Выше всех фиксировались очаги I–V (уровень – 25–30 см) и ямы 1, 2 (уровень – 30–40 см) в северной части ряда; затем очаг VI и

яма 5 (уровень – 32 см) к западу от основного ряда; очаги XII, XIV, ямы 7, 8, 10, 11 (уровень – 36–43 см) по обе стороны ряда и очаги XV, XVI (уровень 30–36 см) в южной части.

Более низкий уровень фиксировался у ям 9, 12–15 (уровень 50–60 см) в южной части, очагов VII–XI, XIII и ямы 6 (уровень 40–50 см) в центральной части, т.е. центр и южная часть были более углублены.

Учитывая одновременность очагов и ям в западной части раскопа, однородность инвентаря, в основном направление движения фрагментов сосудов меридиональное, следует предположить существование одного наземного жилого сооружения длиной не менее 40 м. Контуры этого сооружения фиксируются скоплением расколотых камней и других остатков*.

* Статья публикуется на основе рукописей из архива Э.С. Логиновой, сохранен стиль автора.

Таблица 1

Характеристика очагов ранненеолитического комплекса Эньты I

№	Квадрат	Размеры, см	Уровень фиксации, см	Мощность, см	Глубина в материке, см	Форма			Обкладка камнями
						округл.	овальн.	неправ.	
I	5-з	40x32	-28	12	-			+	
II	8-з	52x64	-25	12	12		+		
III	8-И,К	92x104	-25	16	16		+		
IV	9-Ж,З	90x140	-30	22	12		+		
V	11-Ж,З	100x130	-30	44	28	+			
VI	12-Д,Е	120x170	-18	18	14		+		
VII	12-Ж,З	115-98	-40	30	30	+			
VIII	13-Ж,З	120x95	-40	25	16		+		
IX	13,14-Ж	180x112	-40	35	20			+	+
X	15-Ж	165x85	-40-45	20	15		+	+	
XI	16,17-Е,Ж	60x80	-42-48	28	22	+			
XII	17-Д,Е	155x110	-40-50	32	4		+		
XIII	18,19-Е,Ж	160x125	-50	18	12		+	+	
XIV	18-И	125x95	-36	24	24		+		
XV	20,21-Е	170x140	-30-36	30	30				
XVI	21-Е		-30	20	10		+		

Таблица 2

Характеристика столбовых ямок ранненеолитического комплекса поселения Эньты I

№	Квадрат	Размеры, см	Глубина, см	Форма			
				в плане		в разрезе	
				круглая	овальная	треугольная	прямоугольная
1	5-з	22x26	17	-	+	+	-
2	7-ж	диам.16	16	+	-	+	-
3	10-ж,з	22x24	18	-	+	+	-
4	10,11-ж	30x34	30	-	+	-	+
5	12-л	диам.8	20	+	-	+	-
6	17-к	диам.8	18	+	-	+	-
7	17-к	диам.12	20	+	-	+	-
8	15-о	диам.20	20	+	-	+	-
9	17,18-У	диам.30	30	+	-	+	-

Таблица 3
Характеристика хозяйственных ям ранненеолитического комплекса поселения Эньты I

№	Квадрат	Размеры, см	Глубина, см	Уровень фиксации, см	Форма							Назначение			Обкладка камнями
					В плане				В разрезе			для чистки очагов	для хранения сосудов	для сжигания костей	
					кр.тая	овальн.	подтреуг.	подчет.	неправ.	окрутая	конусов.	уплощен.	окрутое		
1	5-ж,з	185x130	20	-40	+				+	+	+	+	+		
2	9-ж	диам. 40	16	-30	+					+		+	+	+	
3	11,12-К,Л	140x240	60	-30		+				+		+	+	+	
4	12-К	80x90	25	-30	+					+		+	+	+	
5	12-Д	90x120	60	-32		+				+	+	+	+	+	
6	15-Е	190x100	55	-45		+				+	+	+	+	+	+
7	17-Г	диам. 32	35	-38		+				+	+	+	+	+	
8	17-Д	140x160	32	-46		+				+	+	+	+	+	
9	18-Е	140x160	50	-60		+				+	+	+	+	+	+
10	17-И,К	100x170	45	-40	+					+	+	+	+	+	
11	19-И	100x75	24	-43		+				+		+	+	+	
12	21-Г	105x80	34	-55-60	+					+	+	+	+	+	
13	21,22-Г	95x56	22	-55	+					+		+	+	+	
14	23-Е	200x85	48	-50	+					+	+	+	+	+	
15	23,24-Д,Е	160x100	48	-50	+					+	+	+	+	+	
16	22,23-М,Н	140x120	24	-40	+					+	+	+	+	+	
17	15-О,П	диам. 90	30	-40-48	+					+	+	+	+	+	+
18	17,18-У,Ф	120x105	38	-40	+					+		+	+	+	
19	18,19-Ф,Х	186x60	20	-30	+					+		+	+	+	
20	17,18-Ф,Х	270x105	45	-30					+	+	+	+	+	+	
21	18-Х,Ц	140x70	40	-30	+					+	+	+	+	+	
22	18-Ц	70x40	22	-30	+					+	+	+	+	+	

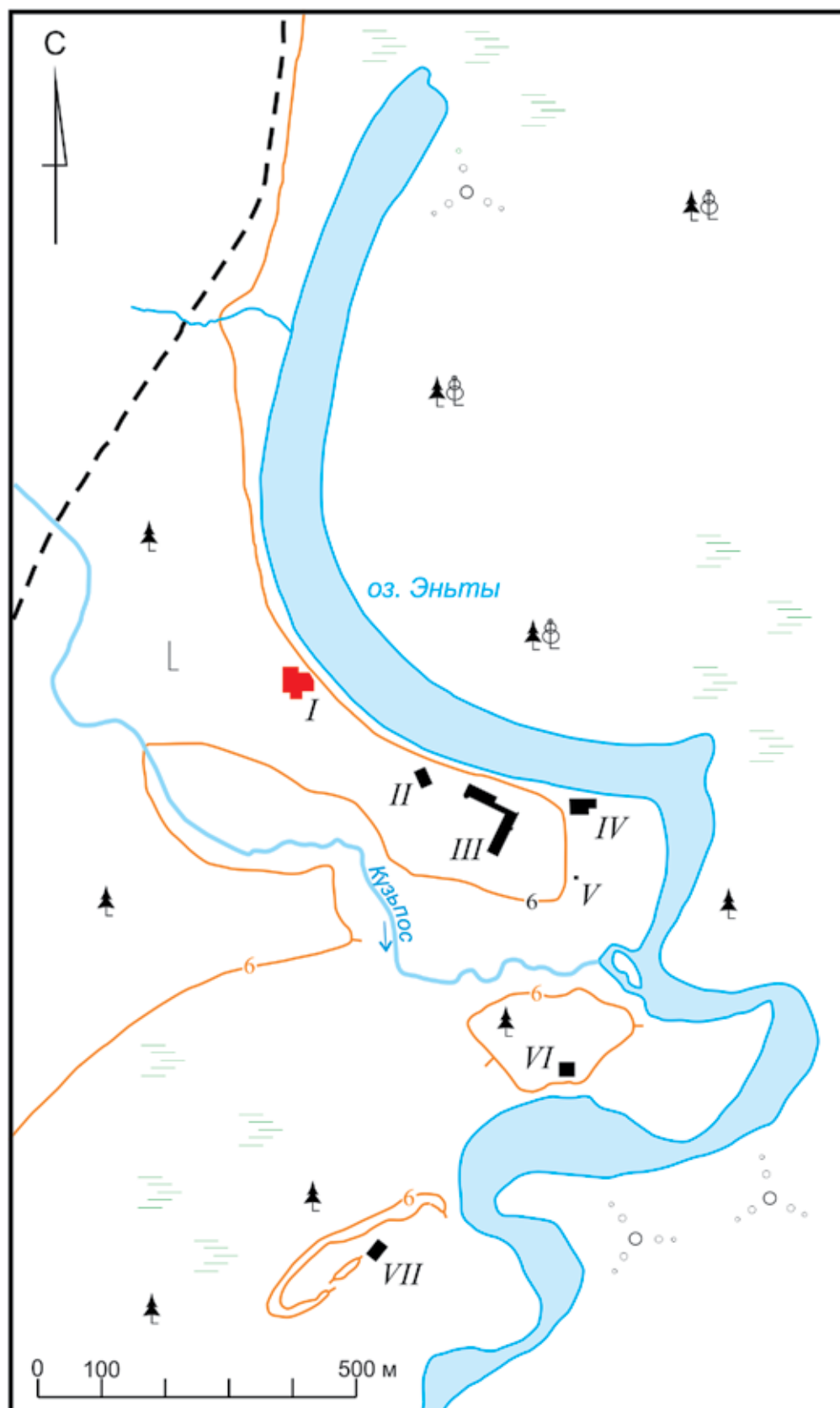

Рис. 1. Карта-схема расположения памятников на берегу оз. Эньты

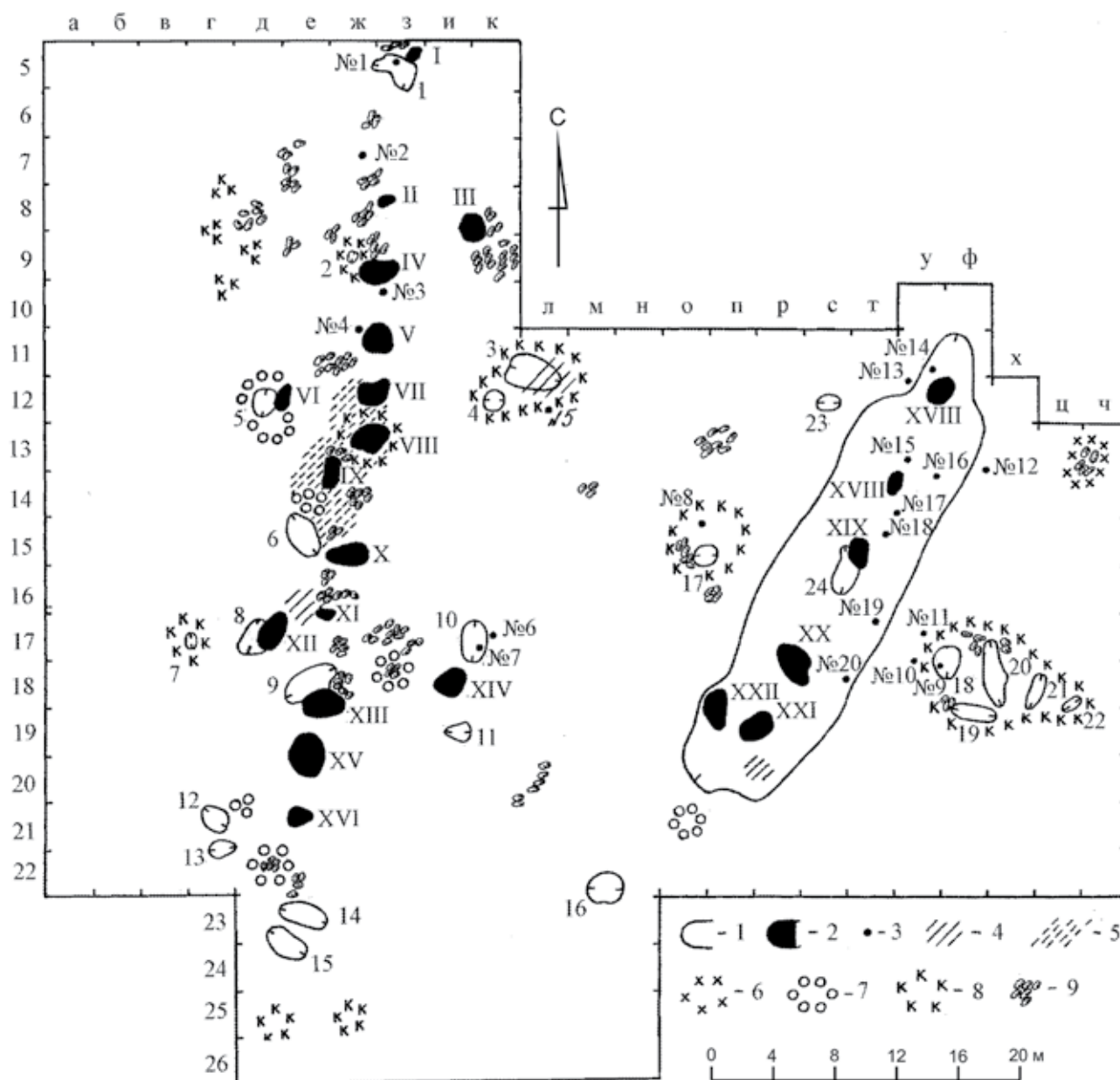

Рис. 2. Энзы I. План раскопа. Перерисовка по Э.С. Логиновой.

1 – контуры ям и жилищного котлована; 2 – очаг; 3 – столбовая ямка; 4 – охра; 5 – ?; 6 – скопление кремня;
7 – развал сосуда; 8 – скопление костей; 9 – камни

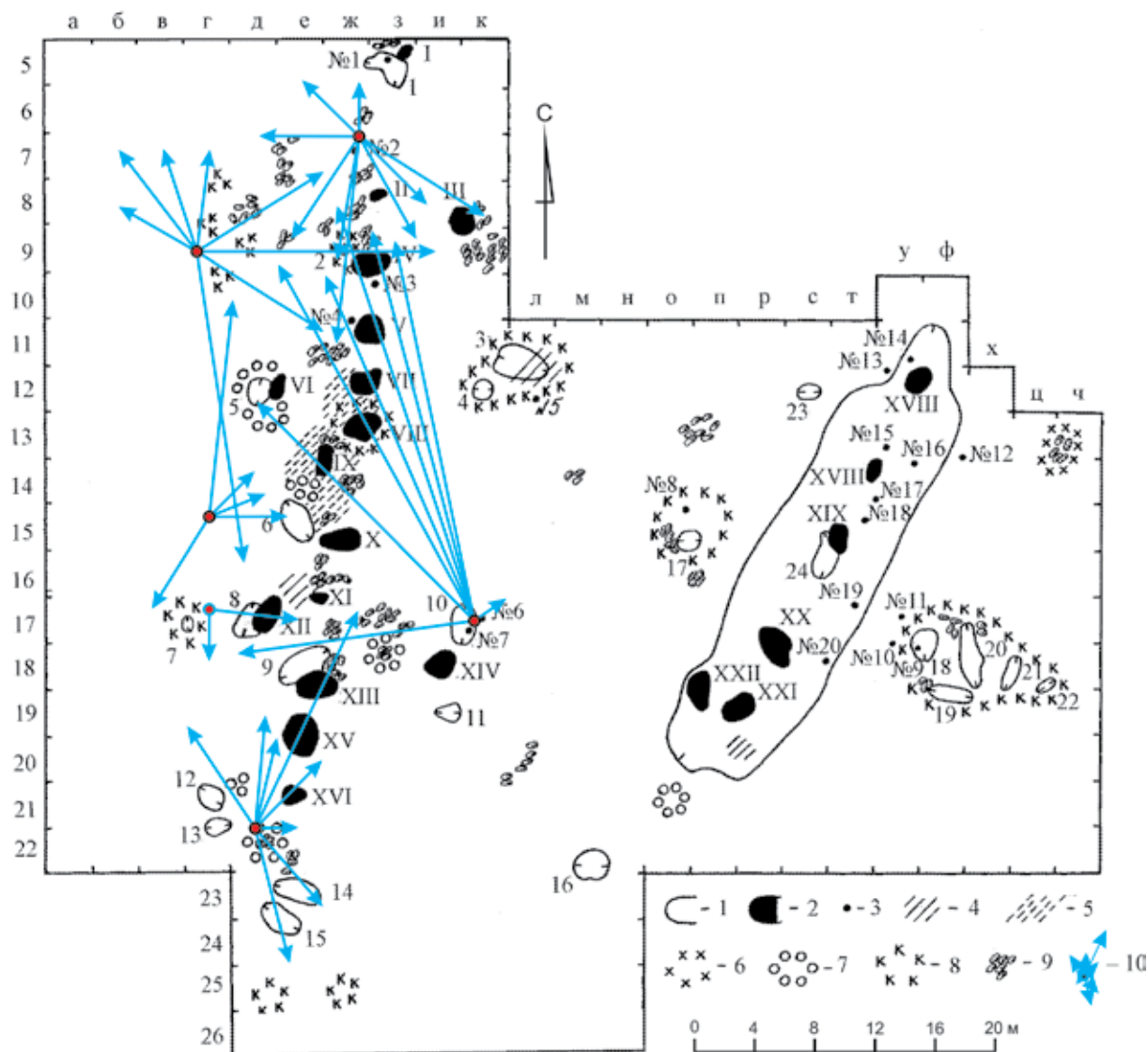

Рис. 3. Энты I. План раскопа. Перерисовка по Э.С. Логиновой.

1 – контуры ям и жилищного котлована; 2 – очаг; 3 – столбовая ямка; 4 – охра; 5 – ?; 6 – скопление кремня; 7 – развал сосуда; 8 – скопление костей; 9 – камни; 10 – «связи» между обломками одного сосуда с гребенчатым орнаментом и центр их разброса

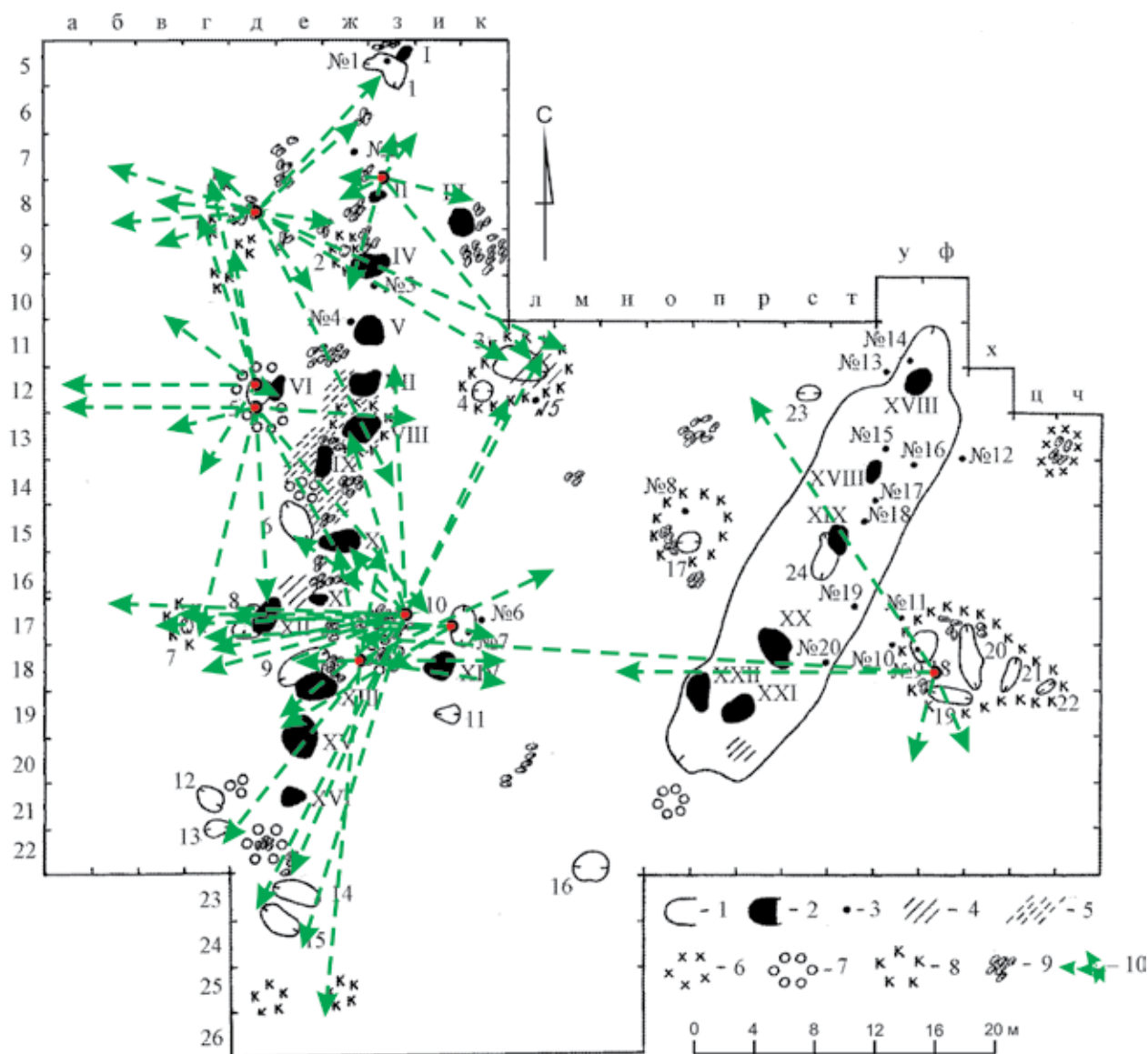

Рис. 4. Энзы I. План раскопа. Перерисовка по Э.С. Логиновой.

1 – контуры ям и жилищного котлована; 2 – очаг; 3 – столбовая ямка; 4 – охра; 5 – ?;
6 – скопление кремня; 7 – развал сосуда; 8 – скопление костей; 9 – камни; 10 – «связи» между
обломками одного сосуда с ямчато-гребенчатым орнаментом и центр их разброса

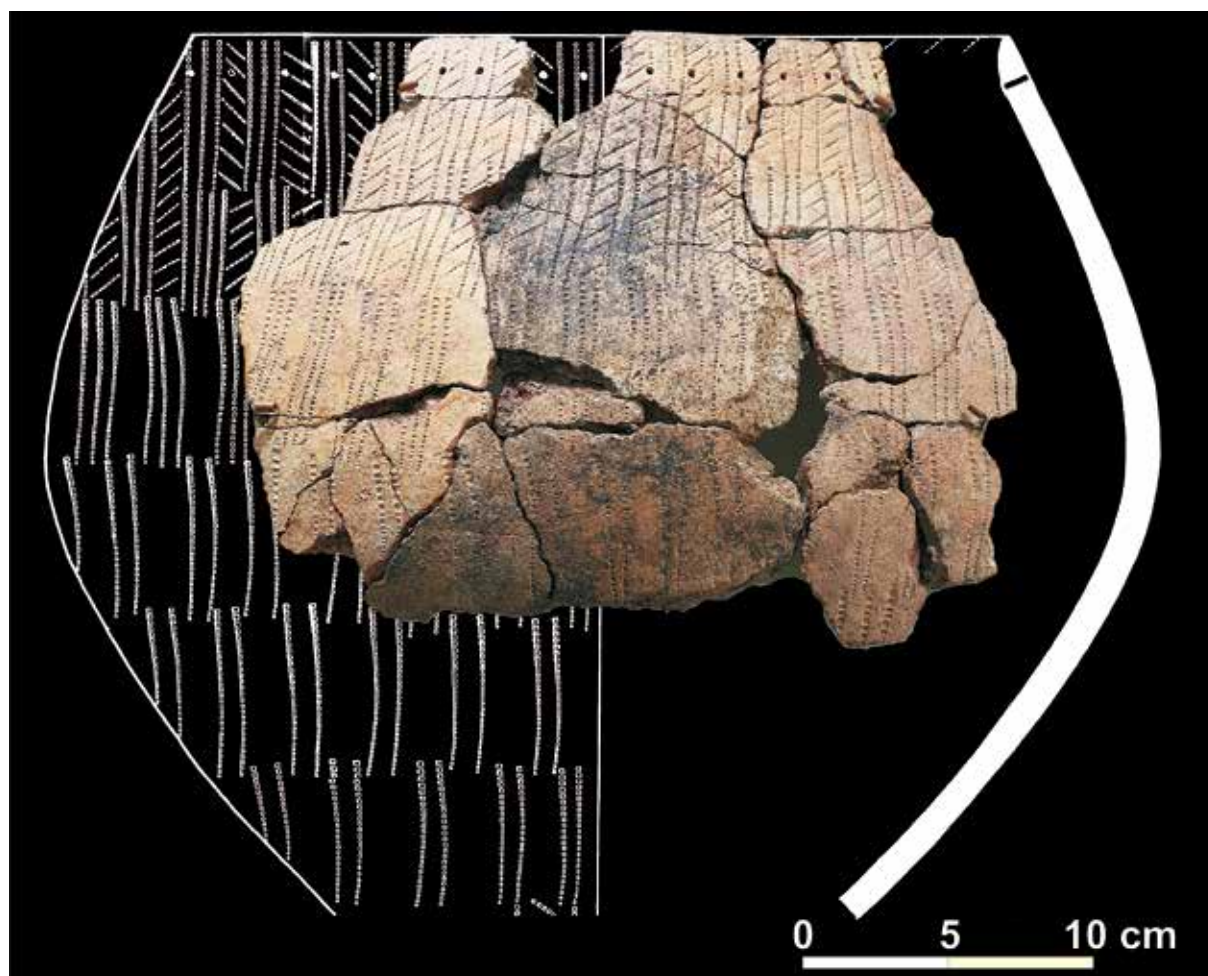

Рис. 5. Энзы I. Ранненеолитический комплекс. Керамический сосуд (реконструкция).
Рисунок из архива Э.С. Логиновой, фото В.Н. Карманова

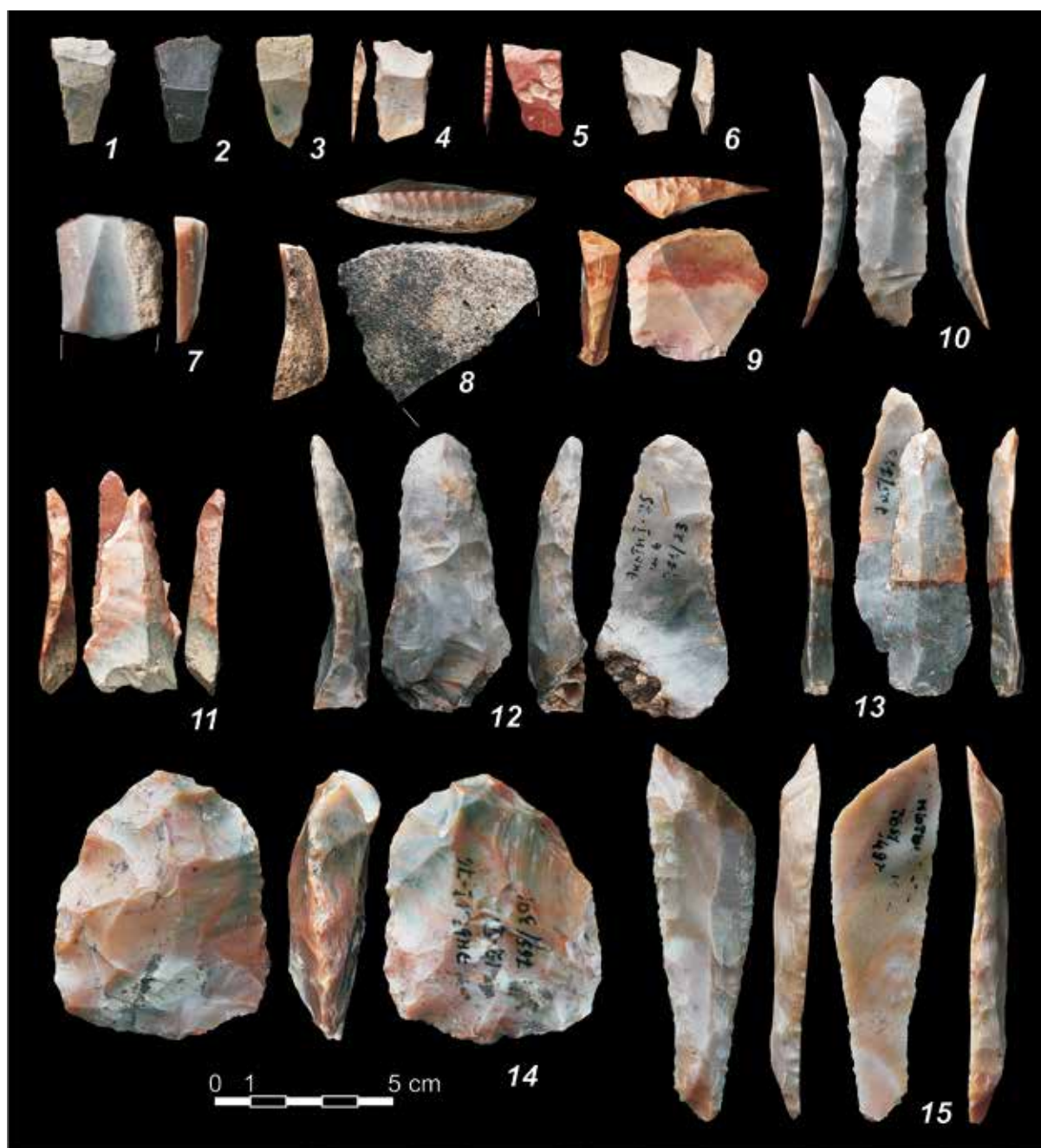

Рис. 6. Энзы I. Ранненеолитический комплекс. Кремневые изделия. Фото В.Н. Карманова

Л.Л. Косинская

ПОСЕЛЕНИЕ РЕВЬЮ I

Поселение Ревью I (Нижняя Вычегда) – один из опорных памятников эньейского культурного типа, хронология, генезис и характер комплексов которого являются предметом дискуссии. На памятнике исследованы остатки слабо углубленного двухкамерного жилища площадью около 140 кв. м с цепочкой из пяти очагов-кострищ, с обилием очажных камней и кальцинированных костей животных. Целостность и двухкамерность сооружения подтверждаются направлением «связей» четырех очагов, установленным по обломкам очажных камней. Кремневый инвентарь имеет абсолютное сходство с материалами раннего комплекса поселения Эньты I по всем основным показателям. Особенности жилой постройки Ревью I дают основание интерпретировать аналогичные цепочки очагов и ям поселения Эньты I как остатки одного или нескольких многоочажных наземных жилищ. Ранненеолитический возраст Эньты I косвенно подтверждают радиоуглеродные даты слоя 9 поселения Вёкса III на Верхней Сухоне. Отсутствие керамики в жилище Ревью I может объясняться не хронологическим фактором, а какими-то иными причинами, например, особенностями организации хозяйственной деятельности на поселении, не требовавшими или даже исключавшими использование керамических сосудов.

Ключевые слова: европейский Северо-Восток, ранний неолит, эньейский культурный тип, каменный инвентарь, трапеции эньейского типа.

L.L. Kosinskaya

THE SETTLEMENT REVIEW I

The settlement Review I (Lower Vychegda) is one of the chief sites of jentyjskij cultural type, whose chronology, genesis and contexts are the subject of discussion. A two-chambered dwelling about 140 m² excavated at the settlement is weakly in-depth, with a chain of 5 hearths inside and an abundance of hearth stones and burnt calcined animal bones. Integrity of the structure is confirmed by «connections» of chipped hearth stones. Flint ware is of absolute resemblance to the early complex of the Jenty I settlement for all major indicators. Particular features of the dwelling construction Review I give reason to interpret similar chains of hearths and pits at the Jenty I settlement as the remnants of one or several land-based multi-hearth dwellings. The Early Neolithic age of the Jenty I is indirectly supported by 14C datings for layer 9 at the Vyoksa III settlement on the Upper Sukhona. The lack of ceramics in the dwelling Review I could become not due to the chronological factor but because of some other reasons, for example, the organization of economic activities at this settlement, not demanding or even forbidding to use ceramic vessels.

Keywords: European Northeast, Early Neolithic, jentyjskij cultural type of sites, stone implements, jentyjskij trapezoid type.

Памятники эньейского культурного типа – одно из слабо исследованных явлений эпохи камня на ЕСВ. Их своеобразие и отсутствие независимых датировок привели к различным взглядам на хронологическую позицию, генезис и характер комплексов (Карманов, 2008. С. 13–14).

Поселение Ревью I является одним из двух опорных памятников эньейского культурного типа. Оно было открыто в 1982 г. и исследовано в 1988–1989 гг. автором (Косинская, 1989, 1990). Площадь раскопа составила 376 кв. м. Результаты раскопок хотя и упоминались в литературе, но по ряду причин не были полностью опубликованы.

Памятник расположен в Усть-Вымском районе Республики Коми, на краю 8-метровой

боровой террасы левого берега р. Вычегды (рис. 1). От современного русла террасу отделяет луговая, отчасти заболоченная низкая надпойма шириной 0,3–0,4 км. Растительность на его территории представляет сосновый лес с мохово-лишайниково-кустарничковым напочвенным покровом. Почва – типичный песчаный подзол.

Культурные остатки залежали под растительным слоем, в подзолистом и иллювиальном почвенных горизонтах; вмещающий находки слой мощностью 25–30 см не отличался от них цветом. В основании иллювиального горизонта на фоне светлого материка прослежен слой желтого песка с углистыми вкраплениями и находками, толщиной 5–10, местами до 20 см – заполнение придонной части слабо

углубленного жилища. Вокруг него на уровне иллювиального горизонта сохранились линзы оподзоленного пестроцветного песка толщиной до 10 см – остатки погребенного подзола, маркирующего древнюю дневную поверхность. Раскопки велись послойными горизонтами в соответствии с почвенной стратиграфической колонкой: 1-й горизонт – подзол, 2-й горизонт – иллювий, 3-й горизонт – материк с углубленными в него участками культурного слоя, 4-й горизонт – контрольный прокоп в материке и придонное заполнение наиболее глубоких ям.

В плане слой придонного заполнения выглядел как пятно с неровными, извилистыми границами (рис. 2). Его форма близка вытянутому прямоугольнику, с широкими подпрямоугольными выступами-нишами в юго-западном и северо-восточном углах. Размеры пятна 16х6–7 м, а вместе с выступами 19х10 м, площадь – около 140 кв. м. Оно находится в 7–8 м от бровки террасы и ориентировано параллельно ей. Пол сооружения довольно ровный, заглублен в материк на 10–15 см; понижения отмечены в центре котлована и в северо-восточной нише. По осевой линии объекта размещены пять очагов и связанные с ними ямы. Ямы расположены также по границам пятна культурного слоя и цепочкой в 2–3 м от его западного края.

Очаги представляли собой аморфные в плане линзы размерами от 1,8х1,8 до 3,4х1,5 м, мощностью 10–30 см, залегавшие на полу, в отдельных случаях они бугром выходили почти на поверхность, полностью замещая подзол. Их составляет красновато-коричневая гумусированная и прокаленная супесь с прокалом в основании. Супесь содержала мелкие фрагменты древесных углей, кремневые изделия, скопления и отдельные обломки кальцинированных костей. Примечательная особенность очагов – обилие обожженных, частью расколовшихся мелких валунов, галек, плиток различных пород, в том числе плитчатых обломков ортзанда. Они залегали в очажном слое, образовывали сплошные скопления по краям очажных линз или были рассеяны по площади пятна культурного слоя, также встречались за его пределами.

Ямы, связанные с очагами, примыкали к ним или находились в их основании, будучи перекрыты очажной супесью. Три из них

снабжены отходящими короткими канавками. По характеру заполнения очажные и приочажные ямы составляют две группы. Шести ям являлись конструктивным элементом очагов и содержали очажный слой, но без прокала на дне (№ 20, 22, 24, 29, 36, 39); четыре – серую золистую супесь, насыщенную обломками кальцинированных костей, иногда с прослойками прокала и костного угля (№ 8, 17, 18, 30). Они, судя по всему, использовались для сжигания и/или хранения сожженных костей. Две аналогичные ямы с костно-золистым заполнением расположены у восточной границы пятна культурного слоя (№ 1, 34), еще четыре – к западу от него (№ 2, 5, 31, 50), все перекрыты линзами кальцинированных костей. К третьей группе отнесены ямы, заполненные обычным культурным слоем с единичными кремневыми изделиями и очажными камнями, условно определенные как хозяйственные. Они локализируются недалеко от очагов, а также по границам пятна культурного слоя и в западной цепочке ям. В четвертую группу входят небольшие ямки, – вероятнее всего, следы столбов от несущей конструкции сооружения (№ 10, 13–16, 19, 25, 31а, 32, 33, 49). Они тяготеют к границам пятна, одна находится почти в центре, между очагами III и IV. Наконец, примечателен объект № 3 – линза охристого песка без каких-либо посторонних включений мощностью 14 см. На уровне пола она имела прямоугольную форму и размеры 0,5х0,56 м, вверху расплывалась в виде правильной окружности. Вероятно, это следы некоей емкости (берестяная или лубяная коробка?), в которой хранился запас охры. Она располагалась рядом с ямой № 6, примыкая к западной стенке сооружения. Крупинки и примазки темно-малиновой охры встречались также в слое придонного заполнения сооружения.

Версия о том, что пятно культурного слоя с очагами и ямами – это остатки жилища, а не случайное скопление разновременных однокультурных объектов, возникла уже в первый год раскопок и в дальнейшем подвергалась проверке. В ее пользу свидетельствует, в первую очередь, стройная планиграфия всего комплекса: очагов, ям различного назначения и находок. Последние сосредоточены преимущественно в пределах пятна культурного слоя, включая находки из верхних слоев, а единичные предметы не распространяются дальше

западной цепочки ям (рис. 3). Отсутствуют и микростратиграфические признаки разновременности очагов и ям.

В ходе раскопок между очагами III и IV была выявлена полоса более светлого песка шириной 1–1,5 м, лишенная находок. Она поперек делила пятно культурного слоя на две части. При этом вокруг центральной столбовой ямки и у западной стены она прерывалась, оставляя проход шириной около 2 м. Анализ распространения обломков очажных камней с характерными признаками минерального состава и текстуры из раскопа I подтвердил реальность этой перемычки: установлены «связи» трех очагов южной половины жилища, тогда как камни очага IV не распространяются далее вышеупомянутого прохода (рис. 4)*. Выявлены «связи» внешней костеносной ямы №2 с очагами II, III и с хозяйственной ямой №6, хозяйственных ям №23 и №26, хозяйственной ямы №7 в южном конце сооружения с очагом I и с пространством около очага IV. «Связи» очага I наиболее обширны и выходят за границу юго-западного выступа сооружения; вероятно, именно здесь располагался вход в южную камеру. Допустимо предположить существование и второго, северного входа в торцевой стене (уч. К/16), поскольку здесь, как и в предыдущем случае, находки верхнего горизонта распространялись за границами жилища.

Полоса шириной около 2 м вдоль восточного края пятна культурного слоя к югу от выступа-ниши, судя по присутствию здесь каменного инвентаря на 1–2 горизонтах, входила в зону активной хозяйственной деятельности. Вместе с тем пространство между жилищем и бровкой террасы, видимо, практически не использовалось обитателями стоянки, поскольку здесь не оказалось ни остатков сооружений, ни артефактов. Вероятно, спуск к воде находился к юго-западу от жилища, где сохранился небольшой ложок.

Возможны несколько вариантов интерпретации изложенных фактов:

1. Жилище было двухкамерным и имело, вероятно, два входа. Перемычка между камерами могла представлять собой возвышение типа стола (такие материковые «столы» довольно часто встречаются в неолитических жилищах Западной Сибири).

2. Одна из камер появилась как более поздняя пристройка.

3. Перед нами два самостоятельных разновременных однокультурных жилища, а перемычка является их границей или конструктивным элементом одной из построек.

Предпочтительными представляются первые два варианта.

Среди остеологических остатков из раскопа II (более 500 фрагментов) удалось определить до вида только 57 костей**. Абсолютно преобладает лось, представленный всеми частями посткраниального скелета. Присутствуют северный олень (позвонки, ребра, кости конечностей), медведь (метаподии), волк (мелкие кости), одна метаподия бобра. Среди неопределимых костей остатки животных мельче волка единичны; птица не представлена вовсе. Примечательно почти полное отсутствие остатков черепов. Лишь два обломка могли принадлежать крупному млекопитающему – лосю или медведю. В скоплениях, ямах и очагах кости перечисленных видов залегали совместно.

Каменный инвентарь (около 3000 экз.) включает изделия из твердых пород (кремь, кварцит, кварцитопесчаник), мягких (сланец) и «зернистых» (песчаник, гранитоиды).

В группе твердых пород господствует качественный желвачный кремь – розовый, красный, палевый. Состав технологических категорий этой сырьевой группы приведен в таблице 1. Стадия первичного расщепления (А) представлена небольшим числом изделий, возможно потому, что исходное сырье оказалось не выделенным из набора очажных камней. Более многочисленны нуклеусы и технические сколы (Б). Среди нуклеусов преобладают подпризматические, частью укороченные, одно-, двух-, редко трехплощадочные с негативами встречных и ортогональных снятий, а также аморфные многоплощадочные; имеются короткие уплощенные одноплощадочные двуфронтальные с клиновидным основанием (рис. 5, 1–4; 8, 1–4). Площадки прямые и скошенные, обычно фасетированные. Большинство нуклеусов – средних размеров (до 30 мм), несут негативы пластин и отщепов, многие переоформлены.

Индекс пластинчатости комплекса

** Определения выполнены П.А. Косинцевым (ИЭРиЖ УрО РАН)

* К сожалению, «связи» очага V проработать не удалось

невысок: 19% в группе В (продукты расщепления суммарно, за исключением чешуек) и 34% – среди изделий с вторичной обработкой. Пластины характеризуются преобладанием неправильно ограненных (72%) немассивных изделий шириной свыше 10 мм (71%). Микропластин всего 10 экз., число сечений незначительно.

В орудийном наборе наиболее представительны серии ножей (59 экз.), скребков (41), трапеций энтьейского типа (36), изделий с выемками (22) и острий (10). Большая часть ножей (68%) изготовлена из пластин и пластинчатых отщепов шириной 15 мм и более. Их лезвия обработаны краевой дорсальной, иногда – вентральной ретушью, эпизодически встречается пологая, заходящая на грани ретушь (рис. 5, 5–11; 6, 1–5; 8, 5–11; 9, 1–5). Ножи часто скомбинированы с проколками и резчиками. К режущим инструментам относятся и немногочисленные фрагменты пластин с мелкой краевой ретушью (рис. 5, 8–11; 7, 12, 14; 8, 8–11; 10, 12, 14). Скребки на отщепах и пластинах (шире 19 мм) представлены примерно поровну. Ведущий тип – концевые скребки со слабо-выпуклым рабочим краем, который оформлен аккуратной, часто зубчатой дорсальной ретушью (рис. 6, 6–10; 9, 6–10). Нередки двулезвийные скребки (концевой-боковой). Изделия с выемками сделаны преимущественно из отщепов, среди них – серия зубчато-выемчатых орудий (рис. 6, 15–17; 7, 10; 9, 15–17; 10, 10). К остриям отнесены проколки на отщепах и пластинах с небольшими, слабо выделенными жальцами (рис. 7, 5, 6, 13; 10, 5, 6, 13), сверло на краевом сколе, скошенное острие на пластине (рис. 6, 11; 9, 11). Значительную группу составляют комбинированные орудия (44) на пластинах и отщепах (рис. 7, 8, 9; 10, 8, 9). Чаще всего сочетаются нож и скребок, нож и проковка, нож и скобель. Редки сочетания: скребок+скобель, скребок+острие, нож+резчик, скобель+резчик.

«Лицом» комплекса, безусловно, является серия поперечнолезвийных наконечников стрел – трапеций энтьейского типа (рис. 7, 24–30; 10, 24–30). Большинство изготовлено из осколков с неправильной огранкой спинки и лишь 10 экз. – из пластин шириной 10–23 мм. По соотношению ширины основания изделия к его высоте они включают асимметричные трапеции средних пропорций

(21 экз.), высокие симметричные (11), низкие симметричные (3), низкую асимметричную (1). Отвесной ретушью оформлены оба, реже – один боковой край. Преобладают изделия с прямыми краями, часть имеет неправильную форму из-за кривизны краев.

Помимо описанных коллекция содержит еще три трапеции: значительно более крупные симметричные низкие, со скругленными углами (рис. 7, 17, 18; 10, 17, 18). Они изготовлены из фрагментов крупных пластин, обработаны по всему периметру полукрутой и пологой ретушью и представляют комбинированные орудия.

Остальные категории орудий немногочисленны: микроскребки (7) с узким прямо-скошенным лезвием на дистальном конце пластин и отщепов (рис. 6, 1–4; 9, 1–4), пластинки с усеченным ретушью концом (4 экз., рис. 6, 12–14; 9, 12–14), резчики (4 экз., рис. 7, 7; 10, 7), сечение пластинки с резцовым сколом (рис. 7, 15; 10, 15), заготовки (2 экз.). К изделиям с двусторонней обработкой относятся два долотовидных орудия с продольной подтеской лезвия и обломок тесла (рис. 7, 19, 21, 22; 10, 19, 21, 22), а также четыре округлых кварцитовых скребла с лезвием по всему периметру или по его части.

Полная трасологическая обработка инвентаря не проводилась. По макропризнакам выделяются 150 изделий без вторичной обработки, но со следами использования.

Группа сланцевых изделий включает обломок узкого шлифованного орудия, овального в поперечном сечении и со следами двустороннего надпила по боковой стороне (рис. 7, 23; 10, 23); отщеп, снятый со шлифованного орудия; два первичных скола; два куса с негативами сколов и 16 отщепов. К третьей сырьевой группе отнесены абразивная плита из крупнозернистого песчаника с одной рабочей поверхностью, осколок лезвия абразивной пилы (рис. 7, 20; 10, 20), 14 галек-отбойников и ретушёр (?) на обломке плитки.

Ранее на основании аналогий с ранним комплексом поселения Энтьей I (Логинова, 1978. С. 3–14) автор отнес материалы Ревью I к раннему неолиту (Косинская, 1997. С. 165–168). Действительно, сопоставление коллекций каменного инвентаря обоих памятников свидетельствует о чрезвычайно высоком сходстве. Это касается качества и цветовой

гаммы кремня, техники расщепления (типы нуклеусов, характер огранки пластин), приемов вторичной обработки (фрагментация, отвесная и крутая краевая ретушь, мелкая дорсальная краевая, реже – плоская заходящая, скребковая параллельная зубчатая), состава орудийного набора (в т.ч. отсутствие резцов), типологии орудий, включая типы трапеций (см. статью Э.С. Логиновой в настоящем сборнике; Карманов, 2008 С.28–31). Более того, тождество проявляется в устройстве очагов и ям-хранилищ сожженных костей, в их взаимном расположении, в обилии очажных камней (черта, не характерная для неолитических памятников других культурных типов). Материалы Ревью I тем самым дают основание интерпретировать цепочки очагов и ям поселения Энты I как остатки одного или нескольких многоочажных наземных жилищ. Таким образом, в культурном отношении оба памятника близки, если не идентичны.

Единственное существенное отличие состоит в отсутствии керамики в жилище Ревью I, что ставит под сомнение его принадлежность к неолиту. По этому вопросу В.Н. Кармановым выполнен полноценный анализ синхронных и диахронных аналогий широкого территориального охвата и предложены версии возможного возраста комплексов энтынского типа (Карманов, 2008. С. 63–65). В любом случае предполагается генетическая связь вычегодских памятников с иеневскими или постиеневскими традициями.

Ранненеолитический возраст Энты I косвенно подтверждают материалы слоя 9 поселения Вёкса III на Верхней Сухоне, где близкий в технико-типологическом отношении кремневый инвентарь (неправильные пластины, трапеции энтынского типа, зубчатые изделия, скребла) сопровождается керамикой с гребенчатым и накольчатым орнаментом, сопоставимой с вычегодской. Для слоя 9 получены две группы дат: 7100–6350 и 6670–6030 14С л.н. (Недомолкина, 2004. С. 268–271. Рис. 3). Близкие результаты (6386±21 и 6340±30 14С л.н.) получены по образцу керамики и углю из верхней части слоя 9 (Недомолкина, Пиецонка, 2015. С. 152). К сожалению, образцы угля из жилища Ревью I, предназначавшиеся для радиоуглеродного анализа, были утрачены, а кальцинированные кости для этой цели непригодны. Тем не менее

я склоняюсь к версии о неолитическом возрасте этого комплекса*. Отсутствие керамики может объясняться не хронологическим фактором, а какими-то иными причинами, например, особенностями организации хозяйственной деятельности на данном поселении, не требовавшими или даже исключавшими использование керамических сосудов.

Литература

Карманов В.Н. Неолит Европейского Северо-Востока. Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН, 2008. 226 с.

Косинская Л.Л. Отчет об археологических раскопках 1988 г. в Усть-Вымском районе Коми АССР. Сыктывкар, 1989.

Косинская Л.Л. Отчет об археологических раскопках 1989 г. в Усть-Вымском районе Коми АССР. Сыктывкар, 1990.

Косинская Л.Л. Неолит // Археология Республики Коми. М.: ДиК, 1997. С. 146–212.

Логинова Э.С. Поселение Энты I // Археологические памятники эпохи палеометалла в Северном Приуралье. Сыктывкар, 1978. С. 3–22. (МАЕСВ. Вып. 7).

Недомолкина Н.Г. Неолитические комплексы поселений Вёкса и Вёкса III бассейна Верхней Сухоны и их хронология // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии (хронология неолита, особенности культур и неолитизация регионов, взаимодействие неолитических культур в Восточной и Средней Европе) / Отв. ред. В.И. Тимофеев, Г.И. Зайцева. СПб: ИИМК РАН, 2004. С. 265–279.

Недомолкина Н.Г., Пиецонка Х., Медоуз Дж., Крейг О., Лоренц С. Неолитические комплексы поселения Вёкса в бассейне Верхней Сухоны, северо-западная Россия: новые естественнонаучные исследования // Неолитические культуры Восточной Европы: хронология, палеоэкология, традиции. Материалы Международной научной конференции, посвященной 75-летию В.П. Третьякова / Под редакцией В.М. Лозовского, О.В. Лозовской, А.А. Выборнова. СПб: ИИИМК РАН, 2015. С. 151–158.

* Уже после сдачи статьи в редакцию была получена радиоуглеродная дата по обломкам обугленных костей (костного угля) из ямы 5 (кв. II-9, горизонт IV) – 5910±90 14С л.н. (ГИН-15746) или 5001-4549 гг. до н.э. (калибровка с вероятностью 95,4% в программе OxCal (v. 4.3, калибровочная кривая IntCal13), что предварительное подтверждает точку зрения автора (примечание В.Н. Карманова)

Таблица 1

Поселение Ревью I. Кремневый инвентарь

Группы	Категории		Неутилизированные	Со сработанностью	Со вторичной обработкой	Всего
А сырьё и продукты первичного расщепления	1	гальки, желваки	?	-	-	40
	2-3	гальки, желваки и их обломки с негативами сколов	5	-	-	
	4	аморфные куски	29	-	-	
	5	первичные отщепы	3	-	-	
Б нуклеусы и технические сколы	6	первичные пластины	3	-	-	103
	7	нуклеусы	31	-	2	
	8	обломки нуклеусов	11	1	3	
	9	продольные сколы с нуклеусов	2	2	1	
	10	поперечные сколы с нуклеусов	6	-	-	
	11	краевые сколы	33	2	3	
	12	ребристые площадки и сколы	6	-	-	
В прочие продукты расщепления	пластины правильные					326
	13	целые	9	1	5	
	14	проксимальные и дистальные части	28	7	25	
	15	сечения	5	3	9	
	пластины неправильного ограничения					1396
	16	целые	40	12	9	
	17	проксимальные и дистальные части	98	14	27	
	18	сечения	1	-	3	
	19	обломки пластин	14	5	11	
	20	пластинчатые отщепы	91	17	39	
	21	отщепы	625	55	38	
	22	осколки	417	31	75	
	23	прочие	-	-	8	
	24	чешуйки	1022	-	-	1022
Всего:			2479	150	258	2887

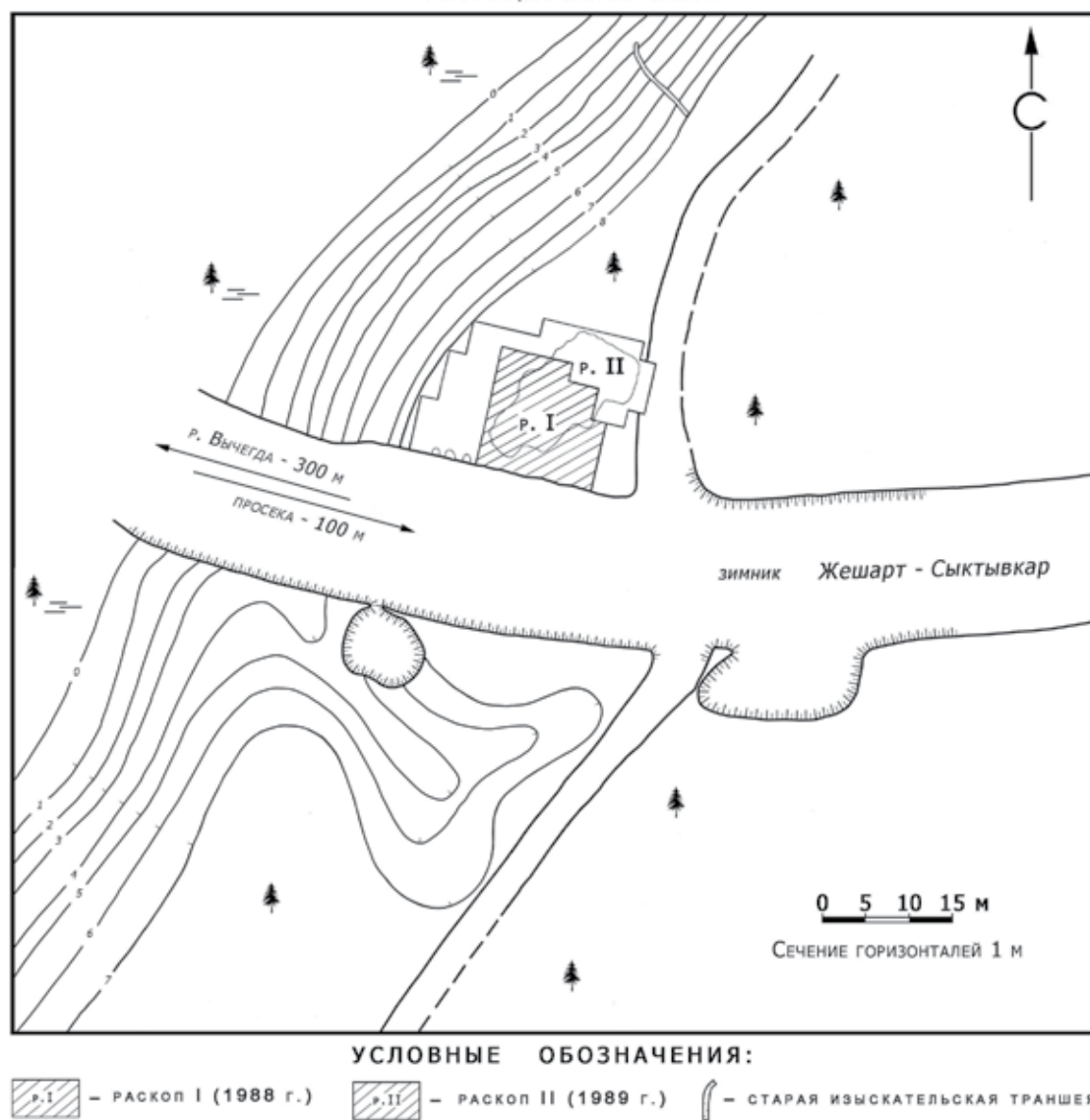
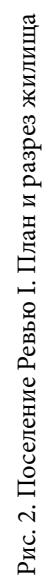

Рис. 1. Поселение Ревью I. Ситуационный план

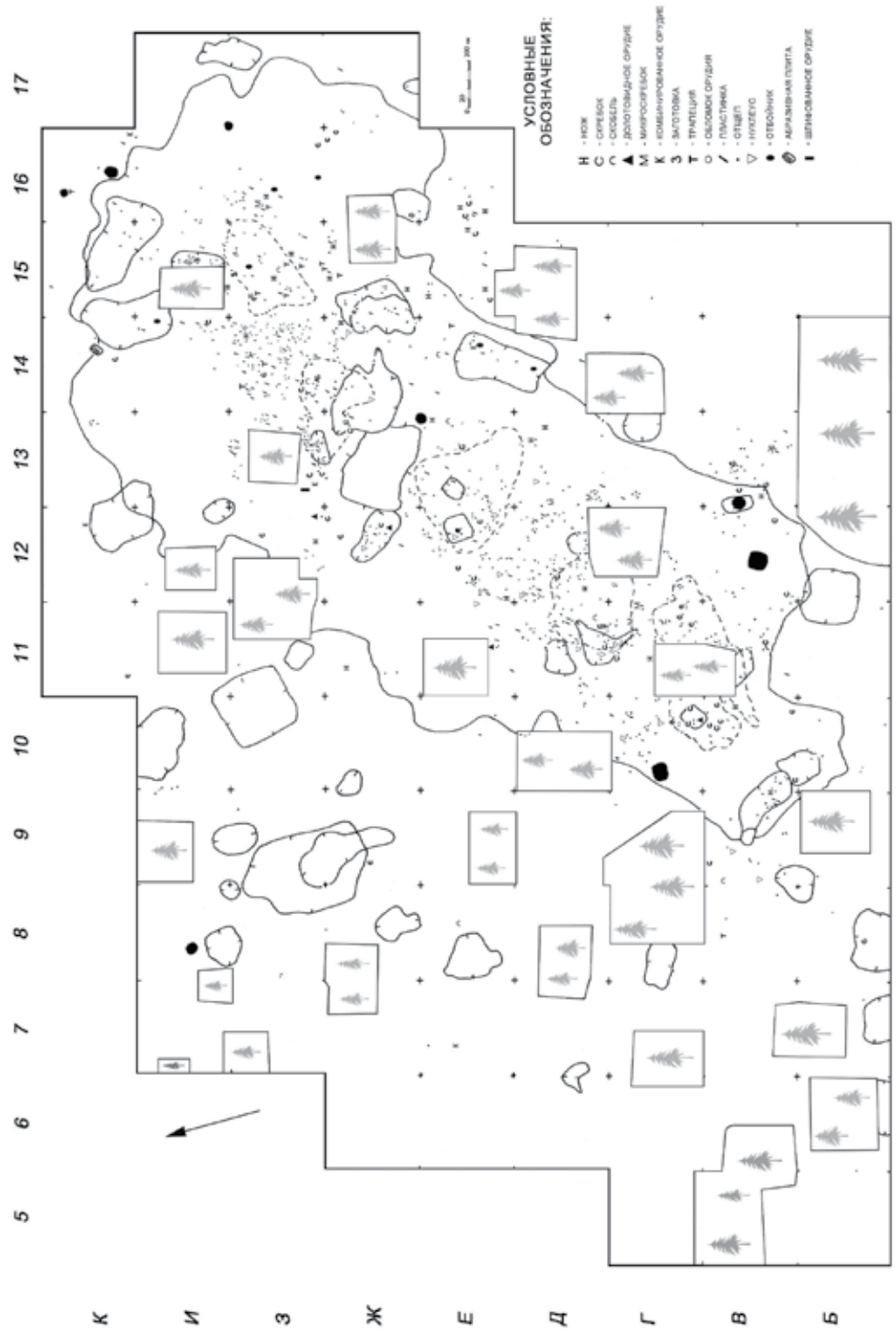

Рис. 3. Поселение Ревью I. Планиграфия каменного инвентаря

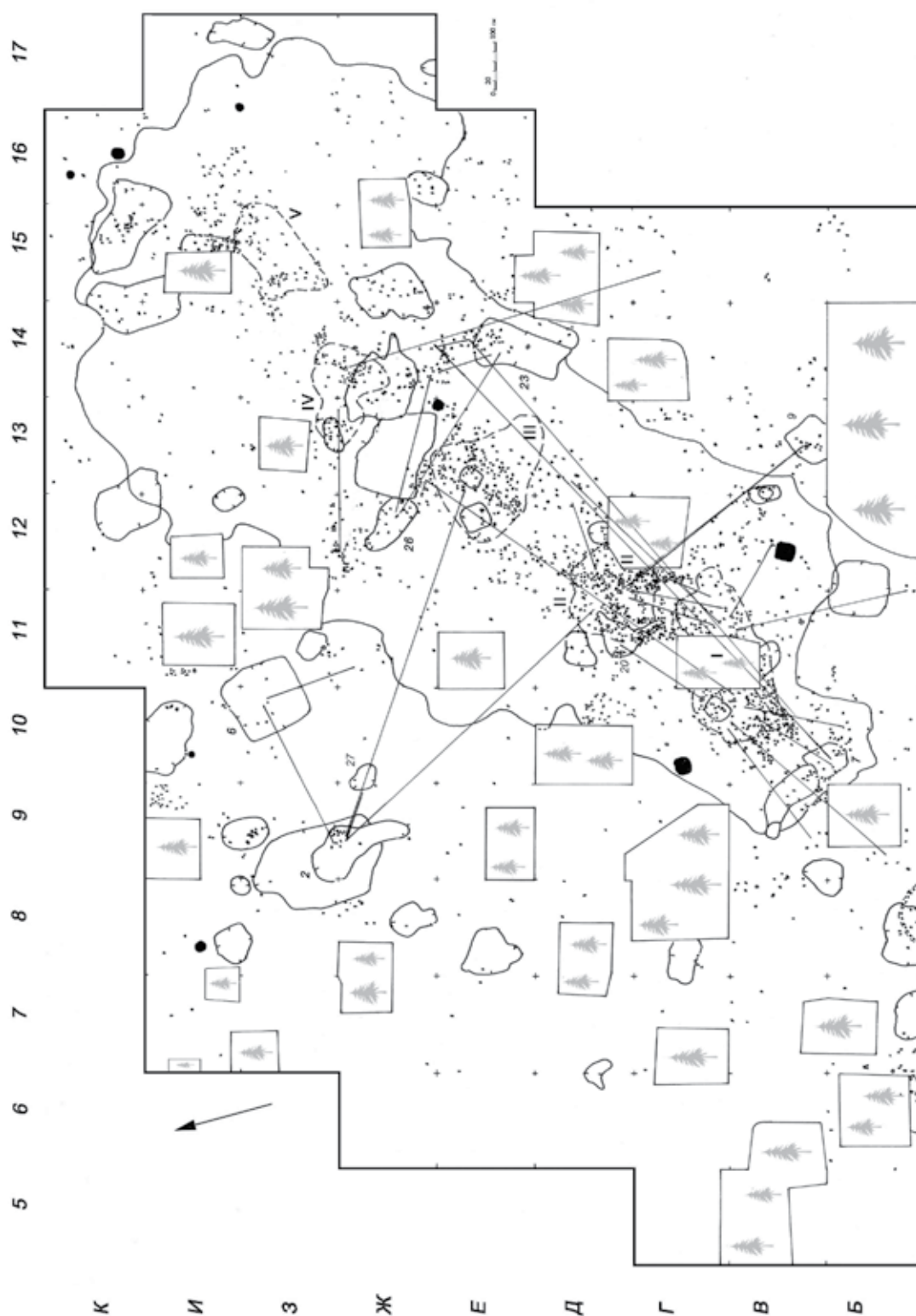

Рис. 4. Поселение Ревью I. Планиграфия очажных камней и «связи» объектов по их фрагментам

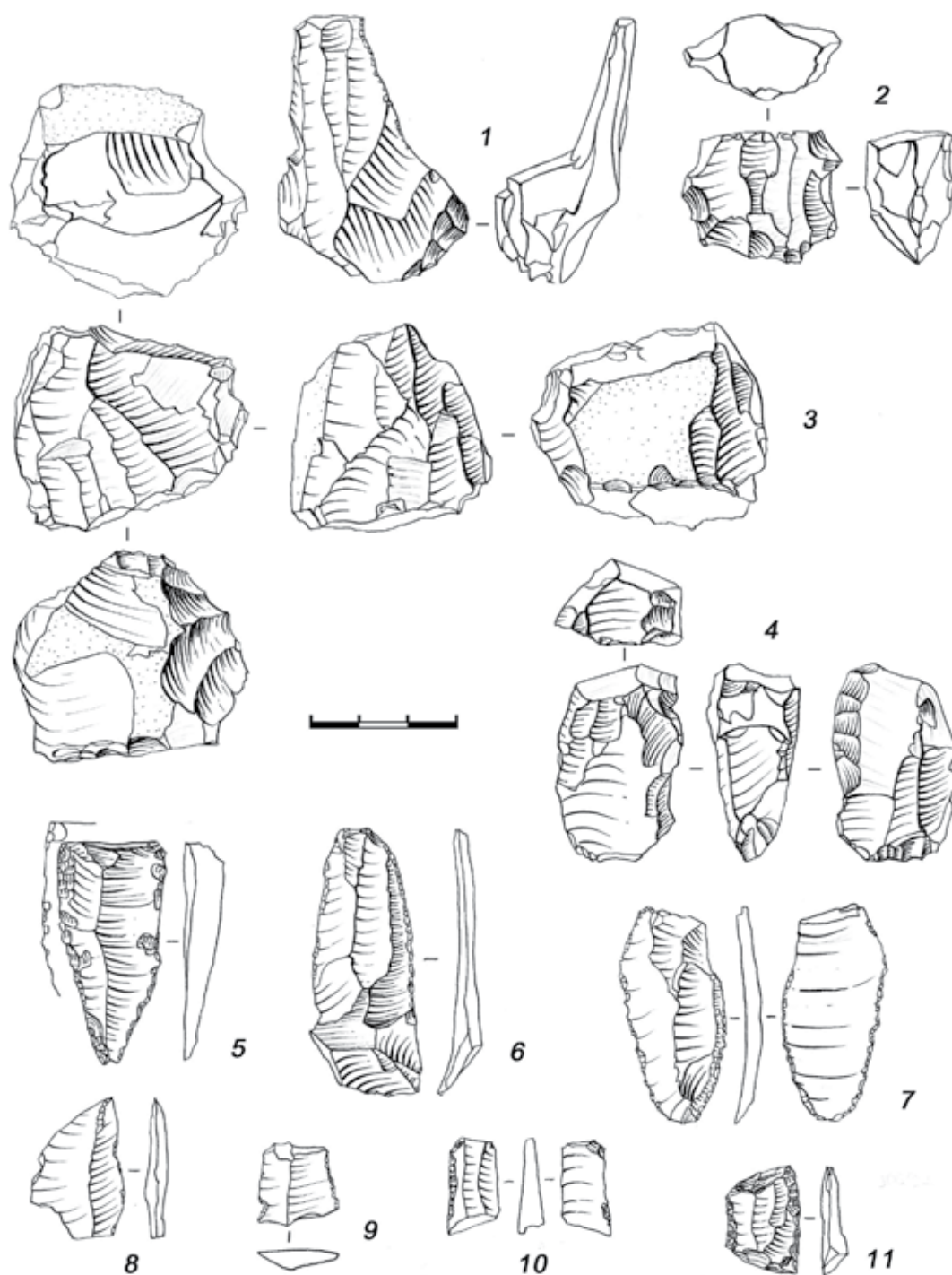

Рис. 5. Поселение Ревью I. Кремневый инвентарь. 1–4 – нуклеусы; 5–8 – ножи на пластинах; 9–11 – сечения пластин с ретушью

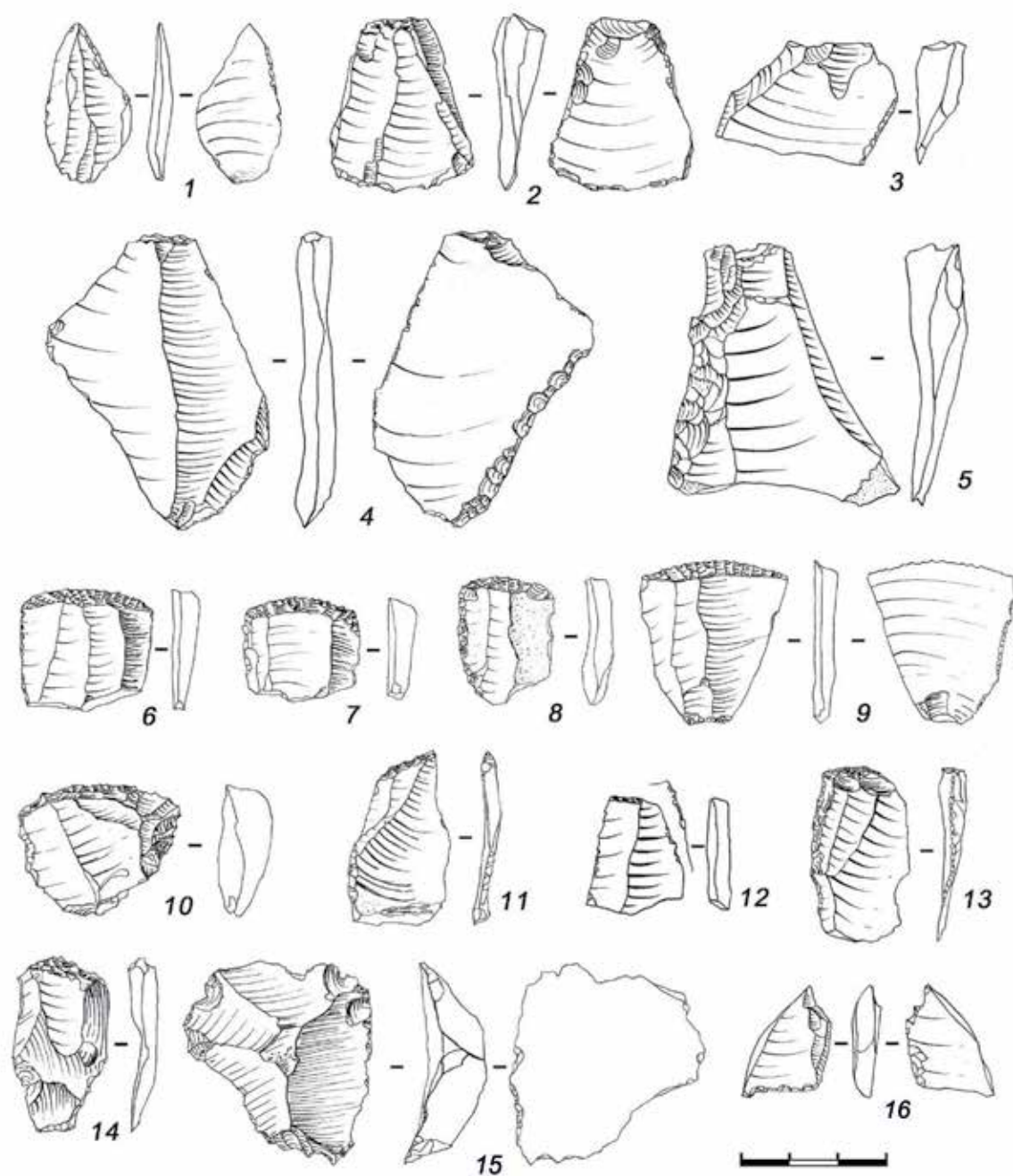

Рис. 6. Поселение Ревью I. Кремневый инвентарь. 1-5 – ножи; 6-10 – скребки; 11 – скошенное острие; 12-14 – пластинки с усеченным ретушью концом; 15, 16 – отщепы с зубчато-выемчатым краем

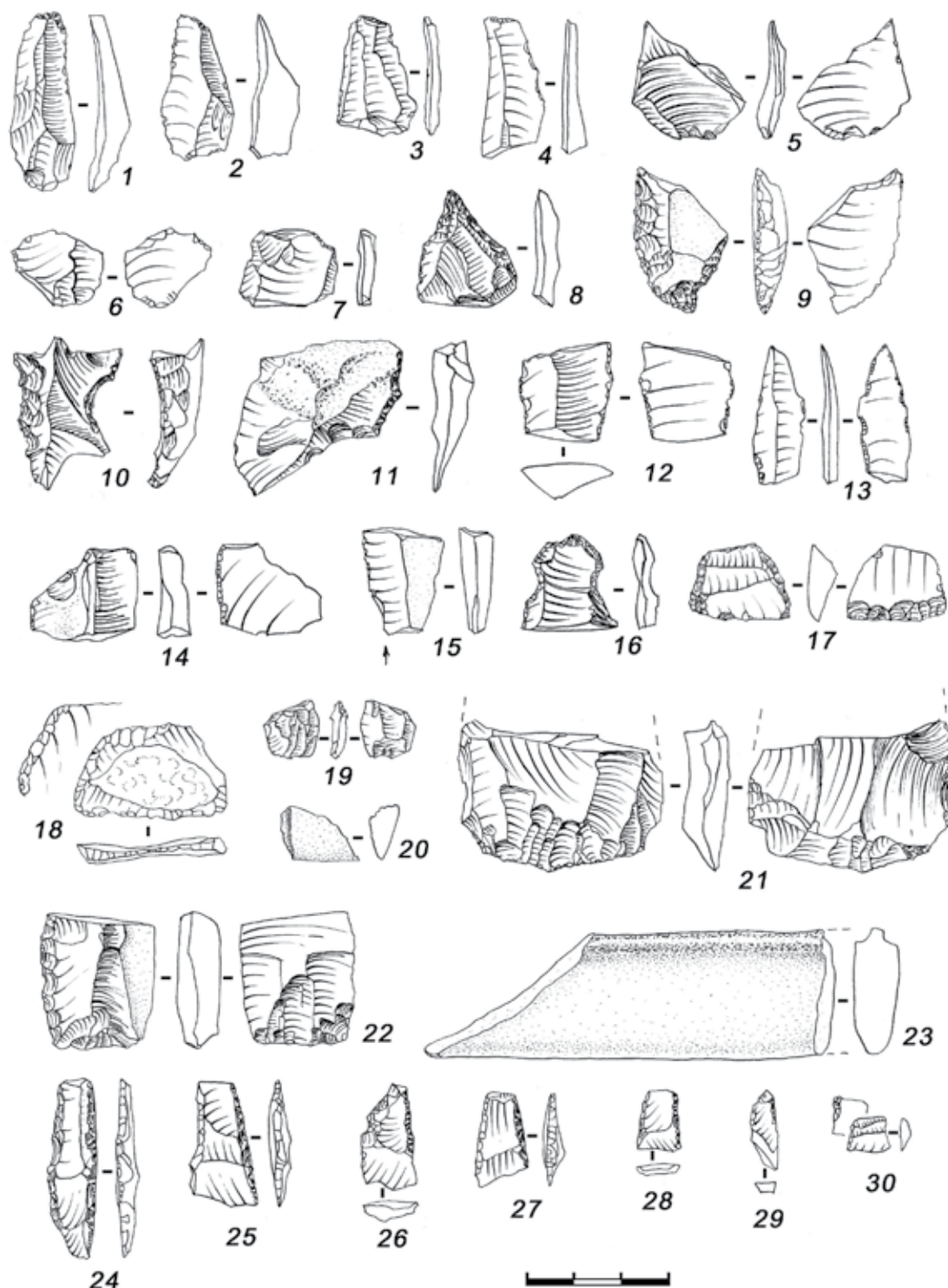

Рис. 7. Поселение Ревью I. Каменный инвентарь. 1–4 – микроскребки на пластинах; 5, 6, 13 – проколки; 7 – резчик; 8, 9 – комбинированные орудия; 10 – орудие с зубчато-выемчатым краем; 11 – отщеп с ретушью; 12, 14 – фрагменты пластин с ретушью; 15 – пластинка с резцовым сколом; 16 – пластинка с выемками; 17, 18 – комбинированные трапецевидные орудия; 19, 22 – долотовидные орудия; 20 – фрагмент абразивной пилы; 21 – обломок тесла; 23 – обломок шлифованного орудия с пропилами; 24–30 – трапеции энтыгского типа

Рис. 8. Поселение Ревью I. Каменный инвентарь.
Соответствует рис. 5. Фото В.Н. Карманова

Рис. 9. Поселение Ревью I. Каменный инвентарь.
Соответствует рис. 6. Фото В.Н. Карманова

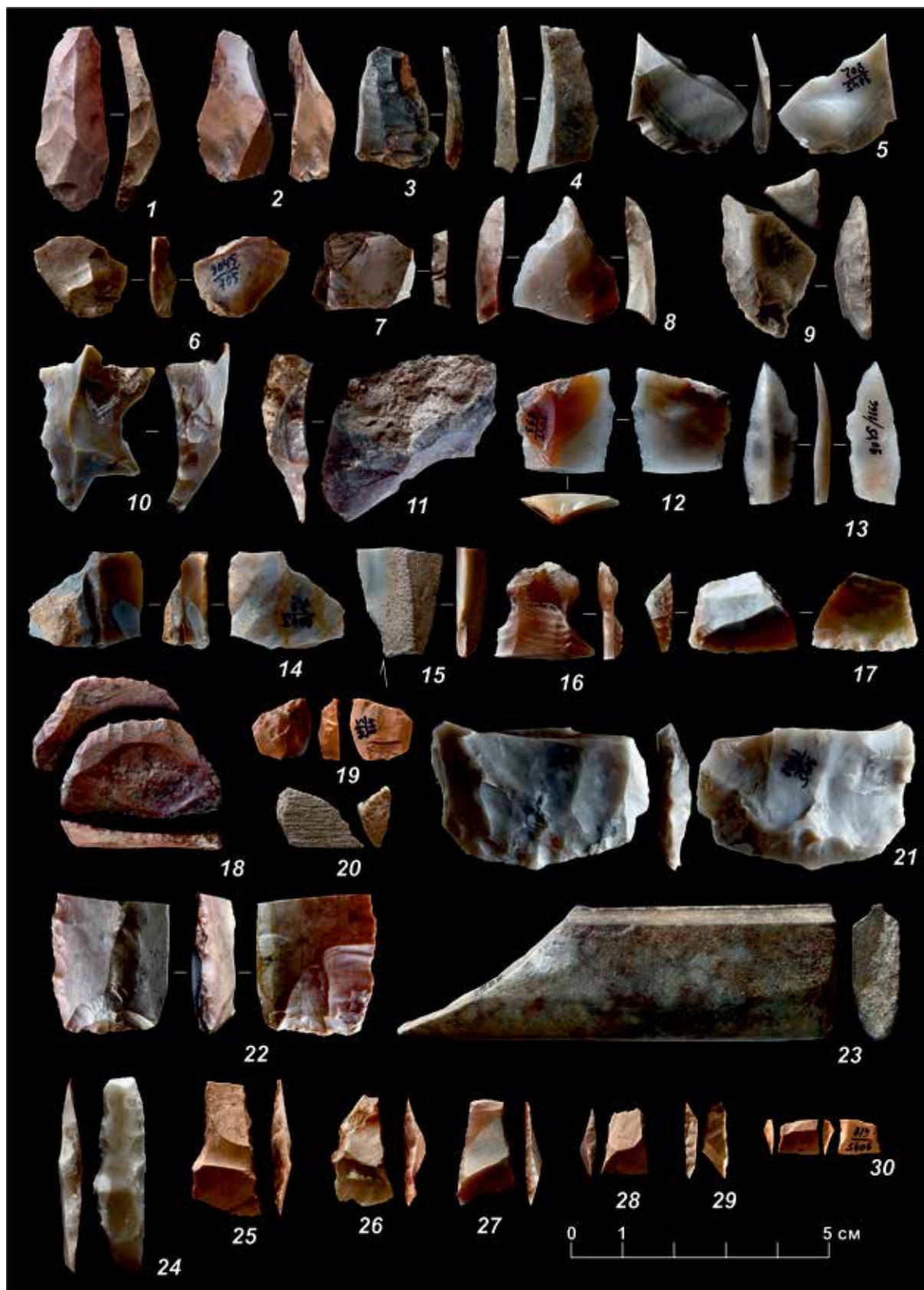

Рис. 10. Поселение Ревью I. Каменный инвентарь.
Соответствует рис. 7. Фото В.Н. Карманова

В.Н. Карманов

ПОСЕЛЕНИЕ ЭПОХИ РАННЕГО МЕТАЛЛА ВАДНЮР I НА СРЕДНЕЙ ВЫЧЕГДЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2014 ГОДА)

В статье в научный оборот вводятся материалы жилища №5 поселения эпохи раннего металла Ваднюр I (Средняя Вычегда, Республика Коми), исследованного автором в 2014 г. в рамках спасательных археологических раскопок. В их результате изучено слабо углубленное жилище площадью около 72 кв. м (16х4,5 м) с шестью очагами по продольной оси и тремя горизонтальными вентиляционными каналами, примыкающими к стенкам котлована постройки. Получена коллекция, включающая обломки керамической посуды и каменного инвентаря, а также первая для энеолита европейского Северо-Востока серия валидных радиоуглеродных дат. Материалы жилища позволили впервые выявить в регионе свидетельства использования сравнительно сложной системы отопления и вентиляции жилого пространства, документировать наличие каменных индустрий чужъяельского типа на р. Вычегде. В заключении автор попытался объяснить особенности керамической посуды изученного им жилища в контексте чужъяельских традиций в камнеобработке и домостроительстве.

Ключевые слова: археология, эпоха раннего металла, чужъяельская культура, поселение, керамическая посуда, каменный инвентарь, жилище, очаг, Средняя Вычегда

V.N.Karmanov

THE SETTLEMENT VADNYUR 1 OF THE EARLY METAL EPOCH ON THE MIDDLE VYCHEGDA (ON MATERIALS OF EXCAVATIONS IN 2014)

Materials of the dwelling No. 5 of the settlement Vadnyur 1 of the Early Metal Epoch (the Middle Vychegda river, the Komi Republic), studied by the author in 2014 in the framework of rescue archaeological excavations are introduced into scientific circulation. They explored the weakly in-depth dwelling with area of approximately 72 sq m (16x4,5 m) with six fire-places along the longitudinal axis and three horizontal ventilation channels adjacent to the walls of the pit building. The collection including fragments of ceramic ware and stone stock, and also the series of valid radiocarbon dates, the first for the Eneolithic of the European northeast, is obtained. Materials of the dwelling allowed to reveal for the first time in the region the evidence of the use of rather complex system of heating and ventilation of inhabited space, to document existence of stone industries of Chuzhyael type on the river Vychegda. In conclusion, the author tried to explain the peculiarities of ceramic tableware in the studied dwelling in the context of Chuzhyael traditions in stone processing and house-building.

Keywords: archaeology, the Early Metal Epoch, Chuzhyael culture, settlement, ceramic ware, stone tools, dwelling, hearth, the Middle Vychegda.

Культурные слои большинства памятников крайнего северо-востока Европы приурочены к верхам песчаных надпойменных террас или эоловых отложений. Такие условия не балуют археологов обилием информативных источников. Тем не менее в редких случаях в ходе раскопок удается получить данные сверх ожидаемой нормы. Так, в результате изучения жилища №5 поселения Ваднюр I (правый берег р. Вычегды, п.г.т. Седкыркеш), исследование которого было спровоцировано угрозой его разрушения в результате боковой эрозии р. Вычегды, удалось получить принципиально новые данные о хронологии комплексов, сопряженных с чужъяельской археологической

культурой, и традициях домостроительства ее носителей (Карманов, 2017; Карманов, Макаров, Зарецкая, 2017). Цель настоящей статьи – ввод в научный оборот материалов, исследованных в 2014 г. остатков жилища №5 поселения Ваднюр I и их интерпретация.

Поселение Ваднюр I открыто в 1975 г. Э.С. Логиновой, которой в составе памятника были выявлены 20 объектов: впадин – остатков заплывших котлованов жилых и, возможно, хозяйственных построек (рис. 1). Найденные в зачистках и шурфах фрагменты керамических сосудов позволили датировать поселение энеолитом – ранним периодом эпохи бронзы (Логинова, 1976).

Памятник приурочен к поверхности эолового песчаного чехла, покрывающего аллювиальные отложения р. Вычегды (рис. 2). Эта местность в настоящее время покрыта хвойным опадом и сфагнумом и занята преимущественно сосновым бором. На юге она примыкает к современному руслу р. Вычегды, на западе – к разновозрастным сегментам поймы реки. Выявленные в 1975 г. объекты находились на участке протяженностью 0,5 км вдоль западной кромки абразионного уступа террасы. Датирование образцов из отложений, слагающих один из прилегающих сегментов поймы, позволило получить даты 3320±70 (ИГ АН-3341), 3160±140 14С л.н. (ИГ АН-3348) (Буравская и др., 2012, С. 86, 91) и 3360±50 14С л.н. (ГИН-13356) свидетельствующие об отмирании русла реки и формировании старичного озера 1700–1600 кал. л. до н.э. или во второй четверти II тыс. до н.э. (с учетом калиброванных значений). Согласно имеющимся данным о хронологии неолита и эпохи раннего металла можно утверждать, что жилища поселения Ваднюр I были приурочены к действующему руслу реки, которая протекала в то время на этом участке с юга на север, а не как сегодня – с востока на запад.

Прикраевой участок террасы, на котором в настоящее время расположена часть объектов памятника, разрушается в результате интенсивной боковой эрозии реки. Сопоставление топографической карты (данные съемки 1972 г.) и современного космоснимка показало, что за последние 35 лет р. Вычегдой здесь разрушен участок шириной до 130 м (рис. 2). В результате были утрачены, по крайней мере, четыре объекта (жилищные впадины), входящих в состав поселения № 1, 3, 4, 6. Наиболее вероятно, что исследованный в 2014 г. объект соответствовал впадине № 5 по нумерации Э.С. Логиновой (рис. 1). Ее размеры – 8х23 м, ориентация – по длинной оси ЮВ-СЗ. К юго-восточной границе впадины вплотную примыкала бровка абразионного уступа террасы (рис. 3), и в результате возникла угроза разрушения объекта уже во время паводка 2015 г. Именно это послужило основанием для проведения аварийно-спасательных раскопок, которые финансировались автономным учреждением Республики Коми «Управление по реставрации объектов культурного наследия и ремонту учреждений культуры» (г. Сыктывкар).

В момент фиксации контуры котлована постройки оказались сильно деформированными, вероятно, в результате разрушения самого жилища и корневой системой деревьев (рис. 3). Особенно это коснулось самой южной его части, и поэтому наличие входа-выхода у постройки можно лишь предполагать. Дно котлована также было деформировано корневодами деревьев и в процессе эксплуатации постройки первобытным населением, поскольку на ее различных участках велась разнообразная деятельность. Отсюда неоднородность структуры и цвета отложений, слагающих его заполнение. Это в большей мере характерно для центральной продольной оси постройки, к которой были приурочены шесть округлых или аморфных линз бурого песка, расположенных на расстоянии 4,4, 3,1, 4,3, 2,9 и 4,7 м друг от друга. Эти структуры были интерпретированы как следы открытых наземных конструктивно не оформленных очагов (рис. 3, 7–10). Зольно-углистые верхние прослойки не сохранились, и, по всей видимости, зафиксированные линзы бурого песка представляют собой отложения, подвергшиеся термическому воздействию (выше 550°C). Как показывает изучение химического состава аналогичных песков с других памятников энеолита, по сравнению с фоновыми отложениями они содержат большее количество фосфора и марганца. Последний и определяет цвет песка, и именно такие омарганцевания характеризуют подстилающие остатки очагов аморфные линзы бурого спекшегося песка – результат затеков в процессе вымывания (атмосферные осадки, таяние снега) и деформации корнями деревьев. Таким образом, они представляют собой следы очагов и не характеризуют их конструктивные особенности, а позволяют документировать лишь приблизительный размер, местоположение и пространственное соотношение с другими компонентами изученной структуры.

К следам очага № 5 примыкала яма, заполненная неоднородным песком темно-серого и охристого цвета. В плане она имела округлые очертания диаметром 0,37 м и была заложена в желтый иллювиальный горизонт (материк) на глубину порядка 0,5 м. В ее заполнении найдены 14 кремневых предметов, шесть фрагментов керамических сосудов, три изделия из некремневых пород, два обломка

кальцинированных костей. Возможно, изученный объект является так называемой очажной/приочажной ямой.

В целом реконструируется прямоугольная в плане форма котлована постройки размерами 16х4,5 м и площадью около 72 кв.м (рис. 3). На основе анализа данных стратиграфии можно предположить, что котлован был углублен, по крайней мере, на 0,36 м от древней дневной поверхности (отсчет глубины произведен от уровня контакта линз выкида и погребенного им белесого песка).

Помимо упомянутых традиционных для углубленных построек элементов организации жилого пространства изученное жилище имело конструктивные особенности. К его торцевой северо-западной стенке примыкало одно углубление (№I, рис. 7–10), а к северо-восточной – еще два (II и III) (рис. 3). Юго-восточный конец углубления I был обращен к очагу № 1. Юго-западные оконечности углублений II и III располагались между очагами № 2, 3 и 4, 5 соответственно. Расстояние между ними составляло 7,4 м. Все они имели удлиненную овальную форму в плане и были заложены в иллювиальный горизонт (материк) на глубину от 0,30 до 0,45 м. Относительная глубина днищ углублений от 57 до 65 см, при этом дно самого котлована постройки имеет усредненную глубину 46 см. Эти данные указывают на то, что углубления были заложены ниже котлована примерно на 0,1–0,2 м. Они были заполнены на первых уровнях фиксации серым неоднородным песком, который в процессе раскопок был замещен песком насыщенного охристого цвета. При этом максимальная мощность линз охристого песка зафиксирована в удаленных от постройки частях, а по направлению к ней они выклинивались. Эти отложения включали в двух случаях (углубления I, III) фрагменты древесных углей, а в одном (II) – фрагменты керамических сосудов и каменные изделия (*Детальное описание этих компонентов структуры см.: Карманов, 2017).

Метрические характеристики, заполнение и пространственное соотношение описанных углублений с котлованом постройки и следами очагов в ней позволяют интерпретировать их как остатки вентиляционных ходов. Эти ходы могли способствовать более равномерному распределению тепла в жилом пространстве и выводу угарного газа, который неизбежно

скапливался в помещении, отапливаемом очагами. Наличие какой-то жесткой (например, деревянной) конструкции, за счет которой в рыхлом песчаном грунте могла удерживаться полость вентиляционных ходов, можно только предполагать. Возможно, это была перекрытая (берестой?) корытообразная конструкция (долбленое бревно или сложенный из жердей или плах каркас), которая была закопана в грунт. При этом за пределами постройки ее часть выходила наружу, возможно, в виде трубы. Об этом свидетельствует то, что на уровне первой фиксации охристый песок в одном случае (углубление III) залегал на поверхности раскопа в виде округлого пятна. Впоследствии в процессе археологизации грунт над вентиляционными ходами заполнил пустоты. Открыт вопрос и о системе использования каналов: их могли использовать одновременно или по отдельности (их устья могли закрывать/открывать, тем самым регулируя потоки циркуляции воздуха), вероятно, в зависимости от погодных условий. Не исключена также закладка в полости каналов тлеющей древесины для подачи теплого воздуха в помещение. С какой целью закладывались фрагменты керамической посуды и прочие артефакты в полости ходов сказать затруднительно.

Поиск аналогий среди исследованных углубленных построек неолита и эпохи раннего металла на крайнем северо-востоке Европы (Карманов, 2017) позволил утверждать, что сравнительно сложная организация отопления и вентиляции жилого пространства характеризует лишь единичные разнотипные и разновременные постройки эпохи неолита и раннего металла. Конструктивно жилища также отличаются друг от друга. Их обустройство, по всей видимости, было ситуативным и связанным с совокупностью факторов: сезонностью поселений, природно-климатическими условиями и локальными традициями домостроительства конкретных групп населения. Однако не следует исключать и того, что остатки компонентов структур за пределами котлованов жилищ могли быть не замеченными при раскопках в результате применения так называемого «вычерпывания» слоя (разборка отложений по литологическим слоям) – методики, не прижившейся в арсенале методов изучения углубленных жилищ в рыхлых песчаных отложениях.

Коллекция жилища №5 поселения Ваднюр I содержит 625 предметов из кремня, 272 изделия из некремневых пород, 981 фрагмент керамических сосудов и 143 мелких обломка кальцинированных костей животных (рис. 1, 1–23). Культурные остатки располагались на плане неравномерно, преимущественно в пределах жилища (рис. 3–6). Они были приурочены к очагам и заполнениям углублений – остатков вентиляционных ходов. За пределами жилища немногочисленные находки залегали по обеим сторонам от предполагаемого входа-выхода. Часть предметов была перемещена в результате хозяйственной деятельности во второй половине XX в. Какие-либо явные закономерности в распределении категорий инвентаря не прослеживаются. Исключение составляет скопление каменных изделий на участке кв. 12,13/5,6 (рис. 4, 5, 15), где найдены 111 предметов, включая 17 скреблей (41% от всей совокупности этого типа орудий в коллекции), два скребка, нож, нуклеус, два отбойника, абразив, четыре преформы для изготовления рубящих орудий, скол переоформления шлифованного орудия, две кремневые и пять некремневых галек. Это может свидетельствовать о двух ситуациях: 1) функционирование на указанном месте производственной площадки по изготовлению рубящих орудий (судя по категориям изделий из некремневых пород) и обработке твердых материалов кости/рога или дерева (скребели); 2) результат уборки жилого помещения.

Значительная доля «кухонных остатков» – обломков кальцинированных костей и фрагментов керамических сосудов – была найдена на участке кв. 10–15/15–19 и приурочена к очагам 2, 3 и вентиляционному ходу II (рис. 6). Анализ состава посуды из последнего объекта показывает, что в нем присутствуют фрагменты нескольких сосудов. Это может указывать на то, что они были фрагментированы еще в древности и их части намеренно уложены в вентиляционный ход и его устье.

Количественные и качественные характеристики каменного инвентаря изучаемого комплекса представлены в табл. 1 и 2. Среди продуктов расщепления кремня значительно преобладают отщепы в основном мелких (от 1 до 3 см) и средних (от 3 до 5 см) размеров. Также многочисленны осколки. Обращает на себя внимание сравнительно низкое число

чешуек, в небольшом количестве представлены куски, слабо окатанные гальки, в том числе с пробными единичными снятиями (рис. 11), пластины. К технологически значимым продуктам расщепления кремня относятся нуклеусы с различной степенью утилизации (рис. 12). Все сколы имеют разнообразную форму, серии стандартных снятий отсутствуют. Подавляющее число орудий (52 из 67) изготовлено на отщепах, реже на осколках (10) и пластинах (3), единично присутствуют орудия, изготовленные на гальке и куске. Сколы, отобранные для вторичной обработки и использования в качестве орудий, также разнообразны по качеству и цветности кремня, по форме. Все это указывает на конкретно-ситуационное, избирательное расщепление кусков и слабо окатанных галек разнообразного по качеству кремня для получения сколов-заготовок, преимущественно отщепов. Бифасиальное расщепление в изученном комплексе не представлено вовсе.

В орудийном наборе из кремня резко преобладают скребели (41 экз.), в меньшей мере представлены ножи (12), скребки (7), резчики (2), резцы (2), комбинированные орудия (2), единично – проколка (табл. 2).

Скребели (41 экз.) преимущественно изготовлены на отщепах средних и мелких размеров (33), реже их заготовкой служили осколки (5), единично представлены орудия на гальке и куске. В качестве рабочих участков использовались кромки фрагментированных сколов и орудий, ретушированные сравнительно прямые края и концы изделий (рис. 13, 1–8, 10, 16; рис. 15, 1–10).

Ножи (12 экз.) представлены в основном отщепами (9), реже пластинами (2) с участками регулярной краевой ретуши (рис. 13, 11–15).

Скребки (7 экз.) относятся к типу концевых одинарных и изготовлены на отщепах. Рабочие края орудий, как правило, выпуклые, лишь в двух случаях скошенные прямые (рис. 14, 4, 5). Все оформлены на дистальных концах заготовок (рис. 14, 1–7).

Как резчики (2 экз.) можно интерпретировать отщеп и осколок со следами утилизации.

Два комбинированных орудия изготовлены на пластине и отщепе. В одном случае регулярной краевой ретушью на обоих краях

неправильной сильно изогнутой в профиле пластины оформлены лезвия ножа, а покрывающей ретушью – скошенный вправо рабочий край скребка (рис. 14, 8).

В качестве проколки использован угол среднего отщепа (рис. 12, 9).

Изделия из некремневых пород представлены гальками с негативами снятий, возможно, являющихся преформами для изготовления шлифованных рубящих орудий (рис. 16, 17). В коллекции также присутствуют две основы для таких изделий, одно из которых изготовлено на сломанном шлифованном топоре или тесле (рис. 18, 1), а другое на фрагментированном абразиве (рис. 18, 2). Орудия из некремневых пород представлены шлифованным теслом (рис. 19, 1), скобелем на отщепе (рис. 19, 2), абразивами на плитчатых отдельностях галек или валунов (3 экз.; рис. 19, 3–5) и гальками-отбойниками (4 экз.; рис. 20). Один из отбойников по периметру несет следы утилизации в качестве абразива (рис. 20, 4).

Наибольшее соответствие описанный каменный инвентарь находит в материалах чужъяёльской культуры долины р. Мезени (Стоколос, 1986. С. 7–112). Среди типичных признаков отметим конкретно-ситуационное расщепление наряду с отсутствием достоверных свидетельств бифасиального расщепления; крайне низкое количество дебитажа, включая чешуйки; изготовление орудий на сколах нестандартных (т.н. «случайных») форм; отсутствие кремнёвых наконечников стрел. Последнее характерно для большинства чужъяёльских комплексов, но вместе с тем следует отметить их единичное присутствие в коллекциях ряда памятников. Всего же на всей территории ЕСВ найдено не более 10 целых орудий этого типа, которые можно ассоциировать с керамикой чужъяёльского типа. В.С. Стоколос объяснял это использованием костяных наконечников стрел, которые не сохранились в силу особенностей геохимии культуровмещающих отложений (Стоколос, 1986. С. 105, 106). Примечательно, что среди обломков костей жилища №5 поселения Ваднюр I, возможно, присутствуют два невыразительных фрагмента костяных наконечников стрел (насадов?).

Вся керамическая посуда жилища №5 поселения Ваднюр I сильно фрагментирована (рис. 21–23). На основании морфологии и

орнаментации венчиков выделены 15 сосудов, включающих восемь крупных горшков, пять емкостей средних размеров и две миниатюрные чаши (рис. 21, 22). Характерны венчики с утолщением и прямым, реже округлым торцом (шесть сосудов разных размеров) (рис. 21, 1, 2, 5, 7, 8; 22, 1), внутренними бортиком (две средних емкости) (рис. 21, 4, 9) и наплывом (малый сосуд) (рис. 21, 6). Визуально определяются минеральные и органические примеси к глиняному тесту. Возможно, пористая поверхность некоторых обломков обусловлена воздействием на нее высокой температуры, что не исключено в силу их залегания в заполнении каналов вентиляционно-отопительной системы постройки.

Орнамент сосудов в целом носит разреженный характер, за исключением одного фрагмента с очень плотно нанесенными монотонными оттисками углом гребенчатого штампа (рис. 23, 2). В силу фрагментарности посуды, целостное представление о композиции декора отсутствует. Можно предположить, что она проста и представлена чередованием сравнительно разреженных орнаментальных зон, состоящих из рядов наклонных, вертикальных и горизонтальных оттисков гребенчатого штампа, нанесенных преимущественно углом орнаментира. Реже использованы угловые оттиски гладкого штампа, напоминающего лопаточку (рис. 22, 2) и вдавления округлой формы (рис. 21, 3). Примечательно, что ямка как элемент орнаментации в изученном комплексе отсутствует полностью.

«Гребёнка» образует многократным переносом оттисков штампа горизонтальные (рис. 21, 3, 5, 8, 9; 22, 1; 23, 1, 2, 4, 5, 7) и наклонные (рис. 23, 8) ряды, горизонтальные сплошные (рис. 21, 4) и «разорванные» (рис. 21, 7, 9; 23, 3) линии, парные зигзаги (рис. 23, 1). В одном случае они, возможно, создают неопределимое в силу фрагментарности изображение (рис. 23, 3). Гладкие вдавления образуют примерно те же мотивы за исключением фрагмента, на котором сохранился участок тройного зигзага (рис. 22, 2).

Ближайшими аналогами керамической посуде и каменному инвентарю жилища №5 поселения Ваднюр I являются части керамических коллекций поселений Энты II р. Вычегде (Логинова, 1986. Рис. 2, 7, 9–11) и Ниремка I (жил. 2, 3, 12) на р. Выми (Косинская, 1986),

а также мезенских комплексов поселений Чужьяёль I (Стоколос, 1986. Рис. 6, 22; 7, 5; 10, 3; 19, 1, 2; 23, 1; 25; 26; 30; 36), Ошчой I (Стоколос, 1986. Рис. 64). При этом необходимо отметить сравнительную простоту орнамента керамики поселения Ваднюр I, полное отсутствие ямочного компонента, отсутствие «классических» для чужьяёльской культуры типов венчиков с высоким внешним наплывом и воротничков.

Особенности керамической посуды изученного комплекса в контексте с индустрией чужьяёльского типа и специфическими традициями в домостроительстве требуют развернутых комментариев. Необходимо отметить, что с аналогичной проблемой столкнулась еще в середине 1980-х гг. Э.С. Логинова, которая пыталась найти место изученным ею материалам жилища Эньты II (Логинова, 1986). Отличием этой керамической коллекции является наличие двух типичных чужьяёльских сосудов (Логинова, 1986. Рис. 3–1, 2) наряду с керамикой, украшенной монотонной гребенчатой орнаментацией, реже ямками и округлыми вдавлениями. Венчики этих сосудов имеют в одном случае внутренний высокий наплыв, у двух сосудов треугольный внутренний налп, еще два горшка средних размеров имеют простые венчики со слегка округлым торцом. Визуально исследователем определена примесь шамота и органики к глиняному тесту. Эту керамическую коллекцию сопровождала индустрия чужьяёльского типа, а в изученной постройке можно распознать и такую специфическую черту, как вентиляционный канал, примыкающий к длинной стенке котлована и согласованный с парой очагов, в северной части постройки. Последний был интерпретирован ошибочно, на наш взгляд, как выход №2 (Логинова, 1986. Рис. 1). При сравнении с материалами жилища №5 поселения Ваднюр I можно обратить внимание на присутствие в двух близких территориально и типологически памятниках сосудов с гребенчатой орнаментацией и типами венчиков, выбивающихся из наших представлений о классической чужьяёльской керамике (Стоколос, 1986. С. 7–112).

Как была решена эта проблема Э.С. Логиновой? Ею был осуществлен поиск аналогий отдельным признакам керамической посуды Эньты II в материалах ближайших памятников раннего и позднего неолита (Эньты I, III,

IV), волосовско-гаринской культурной общности и чужьяёльской культуры. Исходя из этого, жилище Эньты II, по мнению исследователя, было оставлено энеолитическим населением, которое «в результате тесных контактов восприняло некоторые элементы культуры северных племен (чужьяёльских) и южных (волосовско-гарино-борских), при этом культура его остается местной, своеобразной. Своими корнями она уходит в местный неолит...» (Логинова, 1986. С. 53).

Спустя 30 лет в связи со значительно увеличившейся источниковой базой назрела необходимость применения иных подходов для корректного сопоставления сравниваемых материалов. Очевидно, что поиск аналогий отдельным признакам в разновременных и разнотрадиционных керамических традициях актуален лишь для предварительного определения места вновь выявляемых материалов. Еще более очевидно это стало в случаях с изучением гребенчатой керамики, которая по последним данным начала распространяться на ЕСВ еще в раннем неолите (Karmanov et al, 2014) и с тех пор гребенчатый стиль проходит «красной нитью» через все разновременные культурные образования севера. При этом, несомненно, варьируются длина оттисков и форма зубцов в них, способы их нанесения, изменчивы формы венчиков сосудов при сохранении общих форм сосудов. Однако в условиях высокой мобильности сравнительно малых групп населения и нестабильности социальных, культурных связей постоянно возникают различного рода стандартные и необычные сочетания признаков. Определить какие из них имеют генетическую основу, какие обусловлены заимствованиями или спорадической конвергентностью с применением сложившихся подходов к сравнительному анализу керамики бесперспективно. В настоящее время актуальны отбор и сравнение одноуровневых по познавательной возможности и степени изученности источников с учетом образа жизни первобытного населения и его географии.

Например, гомогенность комплексов чужьяёльской культуры в долине р. Мезени объясняется только с учетом ее географического положения. Верховья Мезени – сравнительно изолированная от остальной части ЕСВ территория. Помимо отмеченной

особенности чужъяельских традиций в ходе ее изучения аналогичная ситуация выявлена для позднего железного века: именно в этой речной долине изучены однородные керамические коллекции ванвиздинской археологической культуры (Мурыгин, 2001. С. 140–143, а также статья в настоящем издании). Позднее уже в новое время здесь формируется специфическая этнографическая группа удорских коми. Косвенным указанием на географическую изолированность Мезени является отсутствие достоверных или сопоставимых по информативности памятников известных на ЕСВ культурных образований мезолита, эпохи бронзы и средневековья.

Кроме того, энеолит долины р. Вычегды по сравнению с Мезенью и Вымью изучен сравнительно слабо. Раскопками исследованы 12 комплексов, из них лишь пять в разной степени сопряжены с чужъяельскими – Энты II, VII (жил. 1 и 2), Ваднюр I (жил. 5 и 7). Затем керамические коллекции жилищ поселения Ваднюр I сильно фрагментированы, не восстанавливаются в сопоставимом для сравнения с мезенскими количестве и сосуда жилищ Энты II и VII. Каково в этих условиях соотношение гомогенных чужъяельских комплексов Мезени и их проявлений в других речных долинах? На имеющемся материале можно предположить разные сценарии, но, в конечном итоге, мы не можем пока уверенно утверждать о том, что обозначают выявленные в вычегодских комплексах симптомы: проявления локальных или хронологических особенностей и/или различной степенью изолированности регионов, их разным уровнем изученности. Таким образом, в настоящее время следует остановиться на констатации факта сочетания указанных признаков в рамках этих комплексов и отложить решение этой проблемы с надеждой на получение дополнительных данных – новых источников или ревизии имеющихся.

Содержавшиеся в заполнении двух вентилиационных ходов жилища №5 поселения Ваднюр I угли дали возможность провести их радиоуглеродное датирование. Получены четыре даты, по две для разных компонентов структуры, при этом находящихся на разных

участках раскопа (рис. 3): 4530 ± 40 (ГИН-15191), 4400 ± 70 (ГИН-15192), 4520 ± 80 (ГИН-15193) и 4480 ± 100 14С л.н. (ГИН-15190). В калиброванных значениях они соответствуют периоду 3376–2904 гг. до н.э., т.е. второй половине IV – началу III тыс. до н.э. Это согласуется с некоторыми датировками памятников чужъяельской культуры (одна из дат контекста Чойновты I, жилище № 3 Ошчой V) и комплексов, сопряженных с нею (Ниремка I, жил. 12) (Карманов и др., 2017). Согласовано это и с результатами радиоуглеродного датирования зауральского памятника ясунской АК – Ловсанг-хум II (Васильев, Глызин, 2010. С. 123) – одного из ближайших керамических аналогов чужъяельским коллекциям, а также некоторых других комплексов, входящих в общность культур гребенчатого геометризма (Шорин, 1999. С. 84; Чаиркина, 2005. С. 289).

Обнаруженные в ходе раскопок жилища №5 поселения Ваднюр I материалы расширяют наши представления о домостроительстве населения эпохи раннего металла, хронологии памятников чужъяельской культуры. Впервые получены достоверные свидетельства применения сравнительно сложной системы вентиляции и отопления жилища на крайнем северо-востоке Европы во второй половине IV – начале III тыс. до н.э. Эти сведения наряду с результатами изучения планиграфии находок, стратиграфии и количественного и качественного состава коллекции, а также убедительными данными радиоуглеродного датирования позволяют утверждать об одномоментности отложения комплекса жилища №5. Культурные остатки других археологических периодов и культур отсутствуют. Это, в свою очередь, позволяет отнести контекст жилища №5 к опорным комплексам для изучения эпохи раннего металла на ЕСВ. Новые сведения служат руководством и для дальнейших раскопок углубленных построек в регионе, в ходе которых необходимо иметь в виду возможность обнаружения компонентов структур, аналогичных описанным в настоящей статье*.

* Исследование выполнено в рамках темы научно-исследовательской работы «Археологическое наследие европейского Северо-Востока России: выявление, научное описание и систематизация» (2017–2019 гг.) №AAAA-A17-117021310069-5.

Литература

- Буравская М.Н., Голубева Ю.В., Марченко-Вагапова Т.И. Расчленение старичных отложений в обнажении Седкыркещ (среднее течение р. Вычегды) по результатам комплексного анализа // Известия Коми НЦ УрО РАН. 2012. Вып. 2 (10). С. 84–97.
- Васильев Е.А., Глызин И.П. Ясунская энеолитическая культура севера Западной Сибири // Культура как система в историческом контексте: опыт западно-сибирских археолого-этнографических совещаний. Материалы XV Междунар. Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции / Отв. ред. М.П. Чёрная. Томск: Аграф-Пресс, 2010. 506 с. С. 121–124.
- Верещагина И.В. Структура поселений мезолита – раннего металла на северо-западе России (бассейн Северной Двины) // Записки ИИМК. СПб., 2008. №3. С. 118–136.
- Карманов В.Н. Новые данные по домостроительству населения крайнего северо-востока Европы в эпоху раннего металла // Вестник Пермского университета. Сер. История. 2017. Вып. 1 (36). С. 26–40.
- Карманов В.Н., Макаров А.С., Зарецкая Н.Е. Новые данные по хронологии чужъяльской культуры (крайний северо-восток Европы) // РА. 2017. №2. С. 55–62.
- Косинская Л.Л. Керамика поселения Ниремка I // Памятники материальной культуры на Европейском Северо-Востоке. Сыктывкар, 1986. С. 35–44 (МАЕСВ. Вып. 10).
- Логинова Э.С. Научный отчёт Вычегодского археологического отряда о полевых исследованиях в Усть-Куломском и Сыктывдинском районах Коми АССР в 1975 г. // НА ИА РАН. Р-1. № 5349, 5349а.
- Логинова Э.С. Поселение Энхты II // Памятники материальной культуры на Европейском Северо-Востоке. Сыктывкар, 1986. С. 45–53. (МАЕСВ. Вып. 10).
- Логинова Э.С. Поселение Чудгудоръяг // Взаимодействие культур Северного Приуралья в древности и средневековье / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар, 1993. С. 41–59. (МАЕСВ. Вып. 12).
- Логинова Э.С. Поселение Юванаяг на Нившере // Этнокультурные контакты в эпоху камня, бронзы, раннего железа и средневековья в Северном Приуралье / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар, 1995. С. 43–58. (МАЕСВ; Вып. 13).
- Лузгин В.Е. Древние культуры Ижмы. М.: Наука, 1972. 128 с.
- Мурыгин А.М. Археологические памятники ванвиздинской культуры бассейна Мезени. Екатеринбург: УрО РАН, 2001. 210 с.
- Стоколос В.С. Древние поселения Мезенской долины. М.: Наука, 1986. С. 105–153.
- Стоколос В.С. Культуры эпохи раннего металла Северного Приуралья. М.: Наука, 1988. 256 с.
- Стоколос В.С. Энеолит и бронзовый век // Археология Республики Коми. М.: ДиК, 1997. С. 213–246.
- Чаиркина Н.М. Энеолит Среднего Зауралья. Екатеринбург: УрО РАН, 2005. 313 с.
- Шорин А.Ф. Энеолит Урала и сопредельных территорий: проблемы культурогенеза. Екатеринбург: УрО РАН, 1999. 183 с.
- Karmanov V.N., Zaretskaya N.E., Volokitin A.V. Another Way of Early Pottery Distribution in Eastern Europe? Case Study of the Pezmog 4 Site, European Far Northeast // Radiocarbon, vol. 56, n. 2, 2014. P. 733–741.

Таблица 1

Состав коллекции Ваднюр I, жилище №5

Предмет	Количество
Изделия из кремня	
Отщеп	271
Осколки	267
Чешуйка	46
Кусок	18
Галька с пробными снятиями	10
Пластина	4
Заготовка не определена	3
Галька	3
Галька, обломки	2
Плитка	1
Всего	625
Изделия из некремневых пород	
Осколок	187
Отщеп	48
Галька некремневая	25
Галька с пробными снятиями	8
Плитка	3
Валун	1
Всего	272
Фрагменты керамических сосудов	
Венчики	35
Стенки	944
Придонные части	2
Всего	981
Кости кальцинированные, обломки	143
Итого	2021

Таблица 2

Состав орудийного набора и технологически значимые продукты расщепления

Орудие	Заготовка								Всего
	Валун	Галька	Плитка	Кусок	Отщеп	Пластина	Осколок	Не ясна	
Орудия из некремневых пород									
Отбойник	0	4	0	0	0	0	0	0	4
Абразив	0	2	1	0	0	0	0	0	3
Тесло	0	0	0	0	0	0	0	1	1
Всего	0	6	1	0	0	0	0	1	8
Кремневые изделия									
Скобель	0	1	0	1	33	1	5	0	41
Нож	0	0	0	0	9	1	2	0	12
Скребок	0	0	0	0	7	0	0	0	7
Орудие комбинированное	0	0	0	0	1	1	0	0	2
Резец	0	0	0	0	0	0	2	0	2
Резчик	0	0	0	0	1	0	1	0	2
Проколка (?)	0	0	0	0	1	0	0	0	1
Всего	0	1	0	1	52	3	10	0	67
Технологически значимые продукты расщепления									
Нуклеус	0	0	1	1	3	0	0	3	8
Преформа рубящего некремневого орудия	1	3	0	0	4	0	0	0	8
Скол переоформления рубящего некремневого орудия	0	0	0	0	2	0	0	0	2

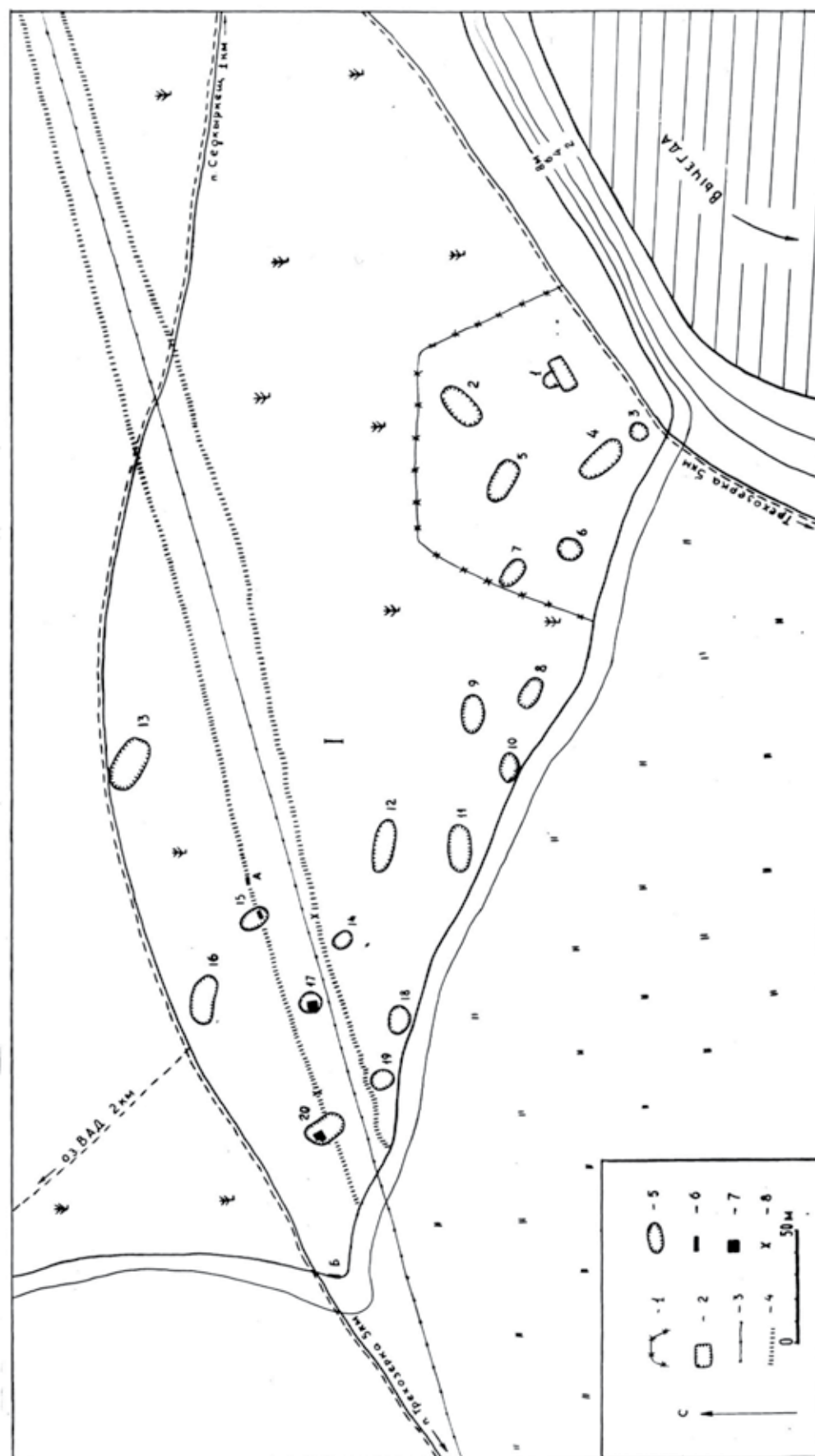

Рис. 1. План-схема расположения жилищных впадин на поселении Ваднор 1. По Э.С. Логиновой (отчет за 1975 г., рис. 38).
Условные обозначения: 1 – границы впадин; 2 – яма; 3 – линия впадин; 4 – противопожарные траншеи; 5 – жилищная впадина; 6 – зачистка 1975 г.; 7 – шурф 1975 г.; 8 – пятно яркой минеральной краски

Рис. 2. Ваднюр I. Местоположение исследованного в 2014 г. объекта – жилища № 5 (1) на спутниковом снимке. Положение компонентов ландшафта: 1 – абразионного уступа террасы и 2 – русла реки (по состоянию местности в 1972 г.); 3 – положение русла реки до 2-й четв. II тыс. до н.э. (1695–1600 гг. до н.э.) по данным радиоуглеродного датирования торфа из обнажения, вскрываемого в настоящее время рекой и 4 – место отбора образцов

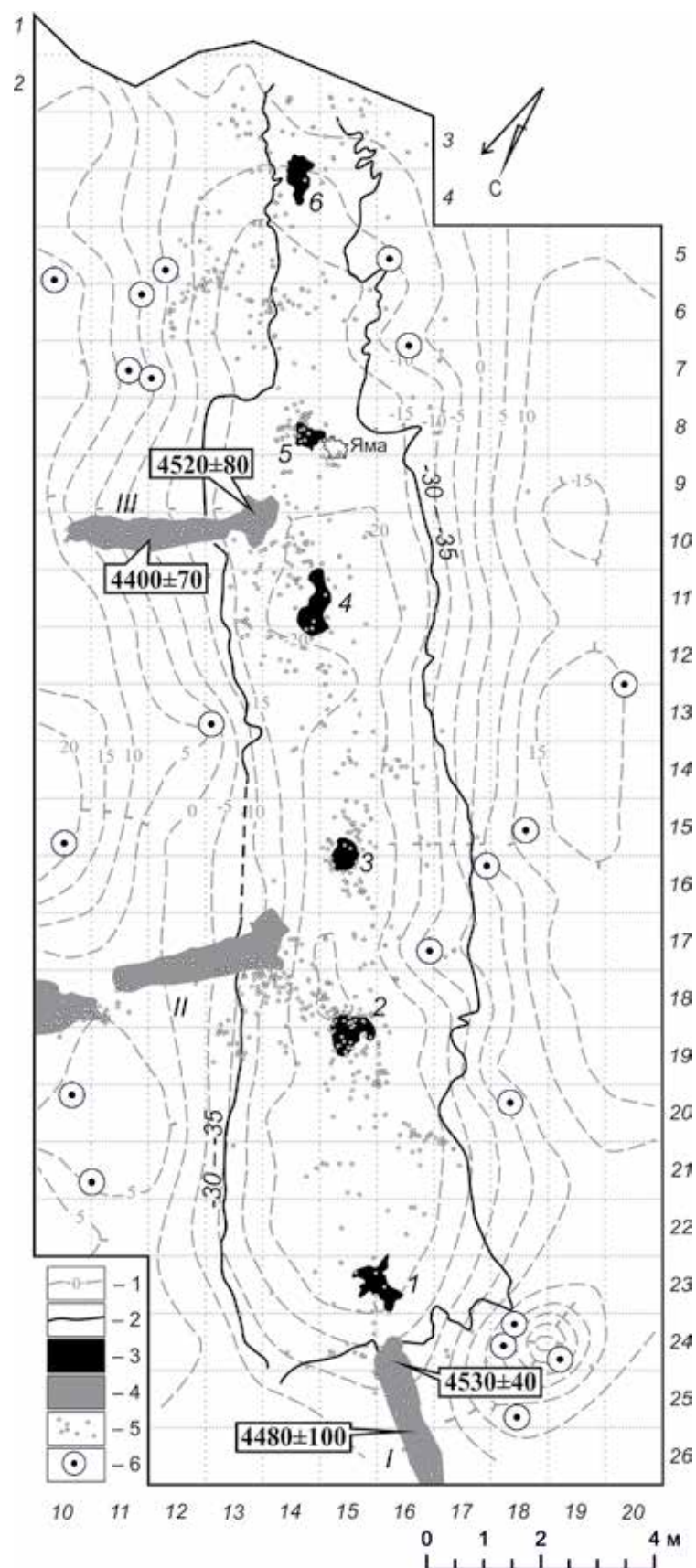

Рис. 3. Ваднюр I. План исследованной в 2014 г. постройки и результаты радиоуглеродного датирования.

1 – горизонталь рельефа впадины на современной дневной поверхности, сечение горизонталей 0,05 м;
2 – контуры котлована постройки; 3 – остатки очагов; 4 – углубления; 5 – артефакты; 6 – современные деревья

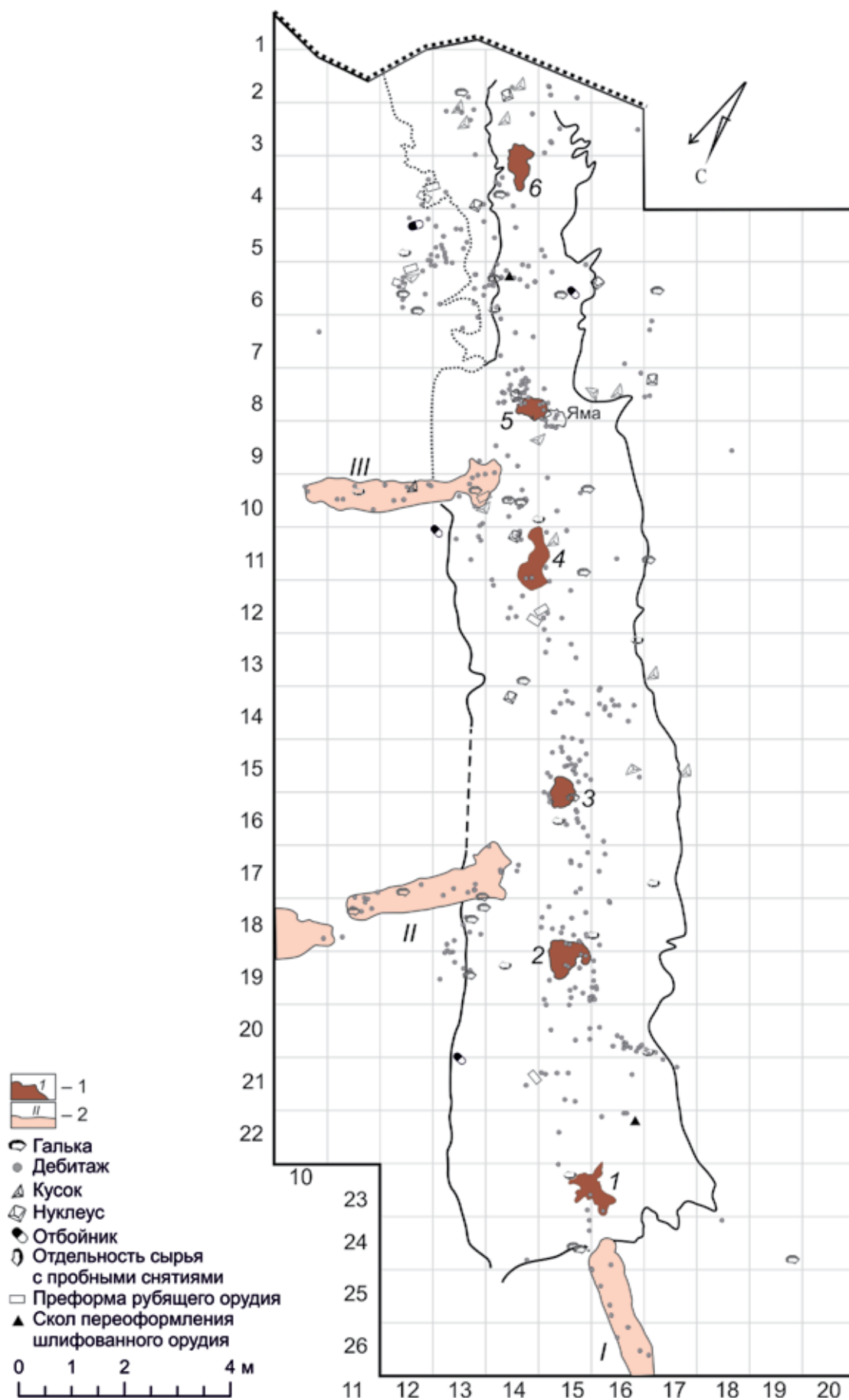

Рис. 4. Ваднюр I. Жилище № 5. Планиграфия находок – продуктов расщепления камня.

1 – остатки очагов; 2 – остатки вентиляционных ходов

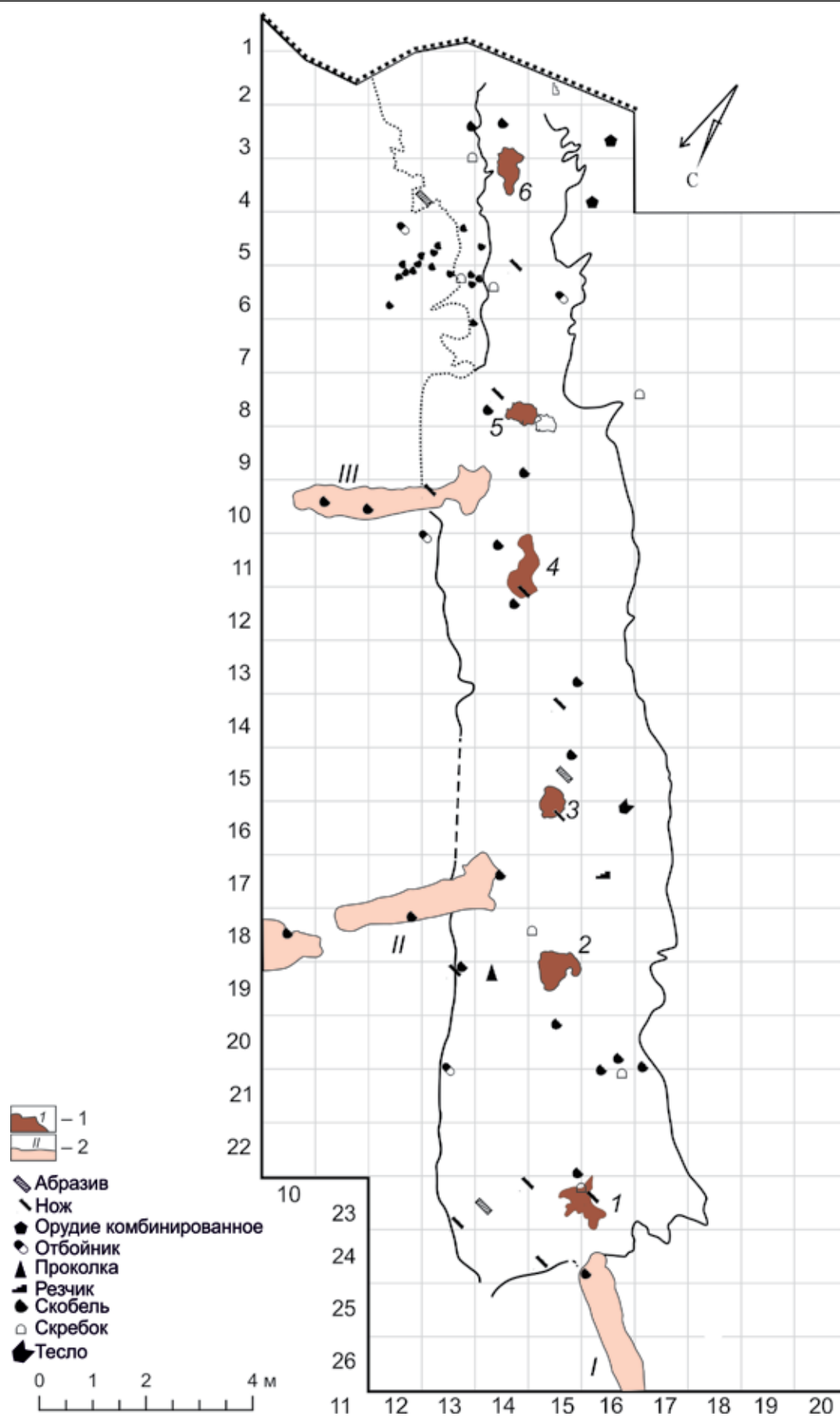

Рис. 5. Ваднюр I. Жилище № 5. Планиграфия находок – орудий из кремня и некремневых пород.

1 – остатки очагов; 2 – остатки вентиляционных ходов

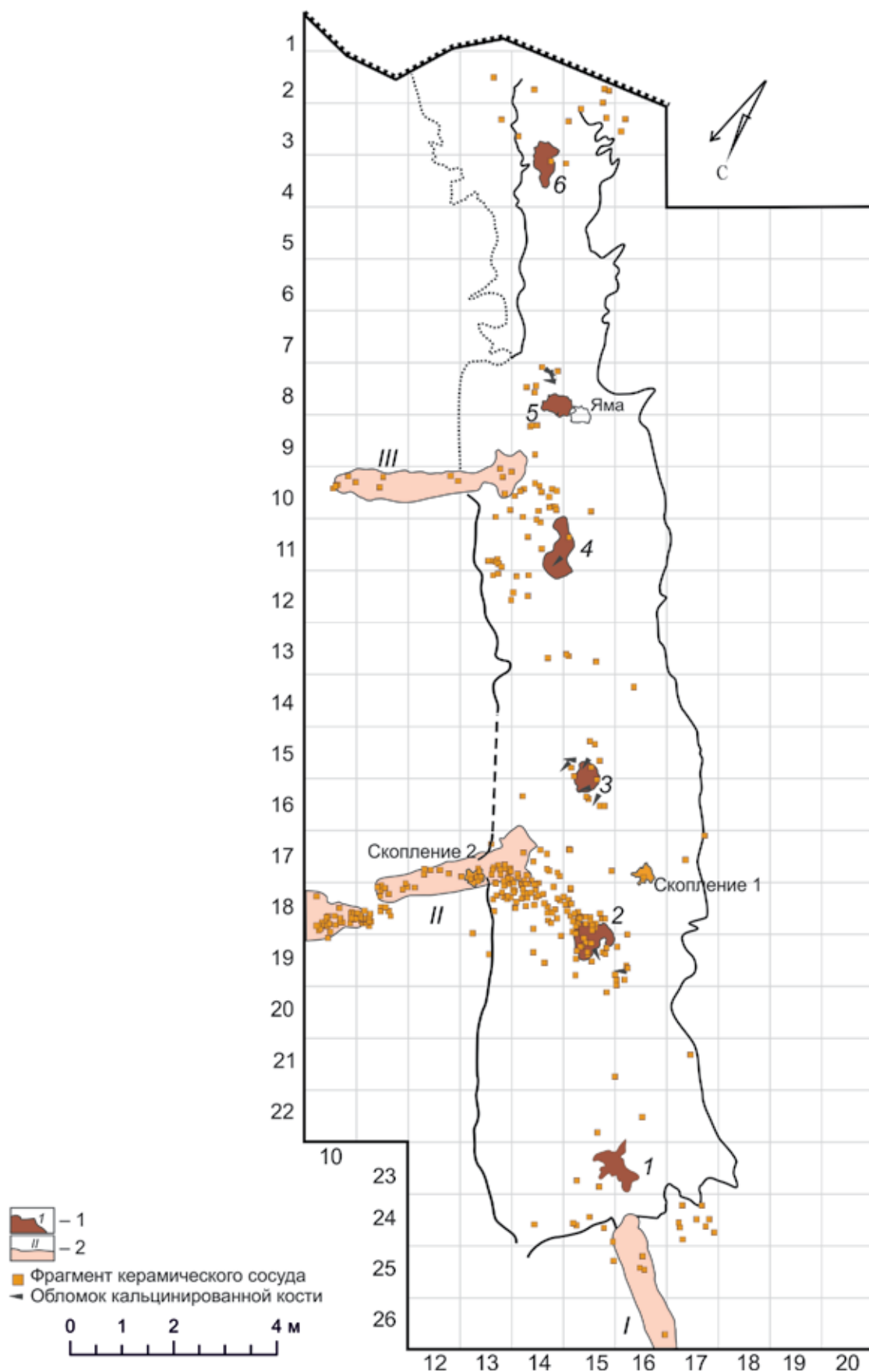

Рис. 6. Ваднюр I. Жилище № 5.

Планиграфия находок – обломков керамических сосудов и кальцинированных костей.

1 – остатки очагов; 2 – остатки вентиляционных ходов

Рис. 7. Ваднюр I. Жилище № 5. Поверхность раскопа (деталь, кв. 15-17/24-26).

В левой части снимка – остатки вентиляционного хода № I, в правой – следы очага № 1 на первом уровне фиксации (-25 см). Снимок сверху

Рис. 8. Ваднюр I. Жилище № 5. Поверхность раскопа (деталь, кв. 15-17/24-26).

В левой части снимка – остатки вентиляционного хода № I, в правой – следы очага № 1 (уровень фиксации -34 см). Снимок сверху

Рис. 9. Ваднюр I. Жилище № 5. Поверхность раскопа (деталь, кв. 15-17/24-26).
В левой части снимка – остатки вентиляционного хода № I, в правой – следы очага № 1
(уровень фиксации -51 см). Снимок сверху

Рис. 10. Ваднюр I. Жилище № 5. Поверхность раскопа (деталь, кв. 15-17/24-26).
В левой части снимка – остатки вентиляционного хода № I, в правой – следы очага № 1
(уровень фиксации -60 см). Снимок сверху

Рис. 11. Ваднюр I. Жилище № 5. Отдельности сырья

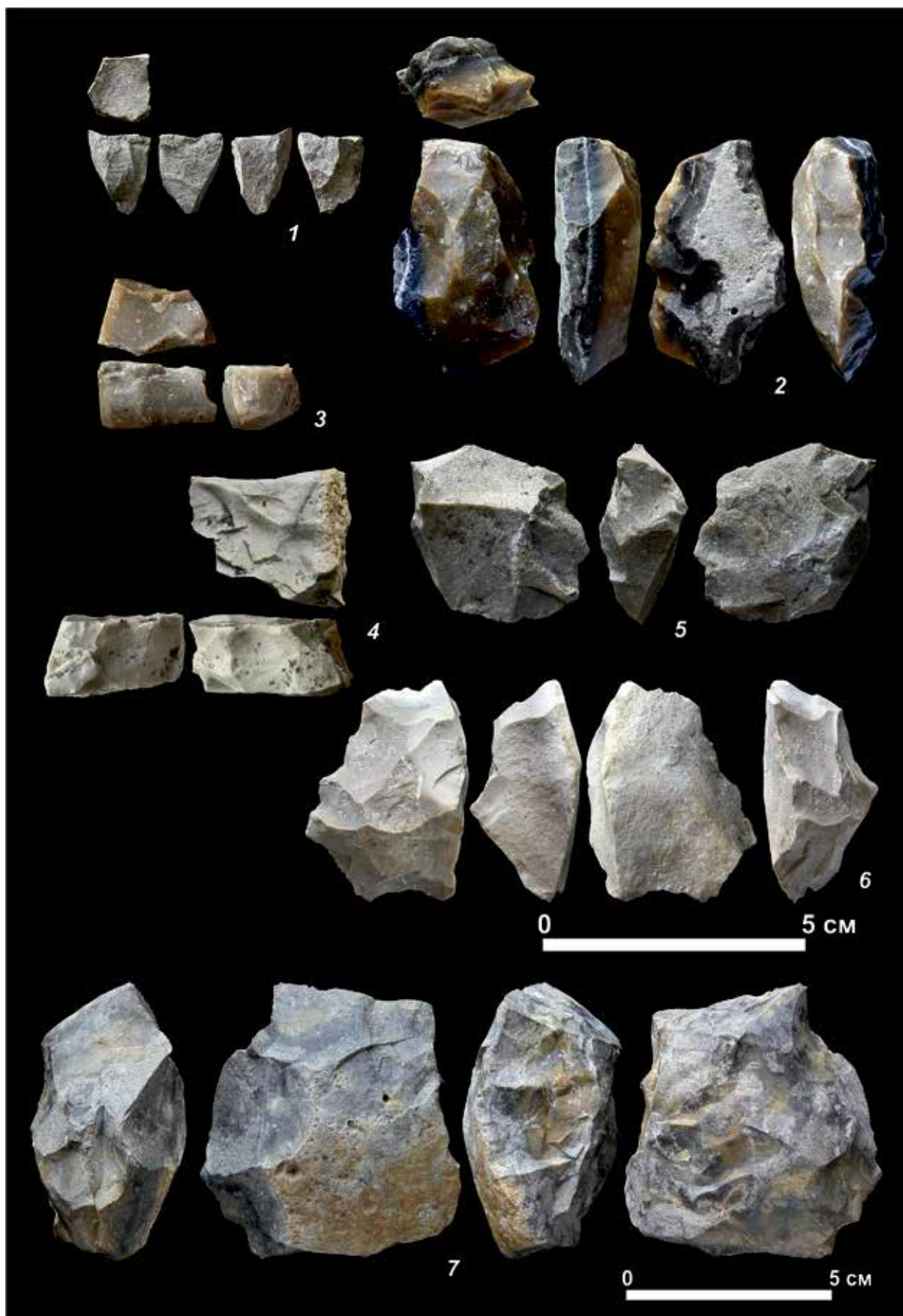

Рис. 12. Ваднюр I. Жилище № 5. Кремневые изделия. Ядрища на различных стадиях утилизации

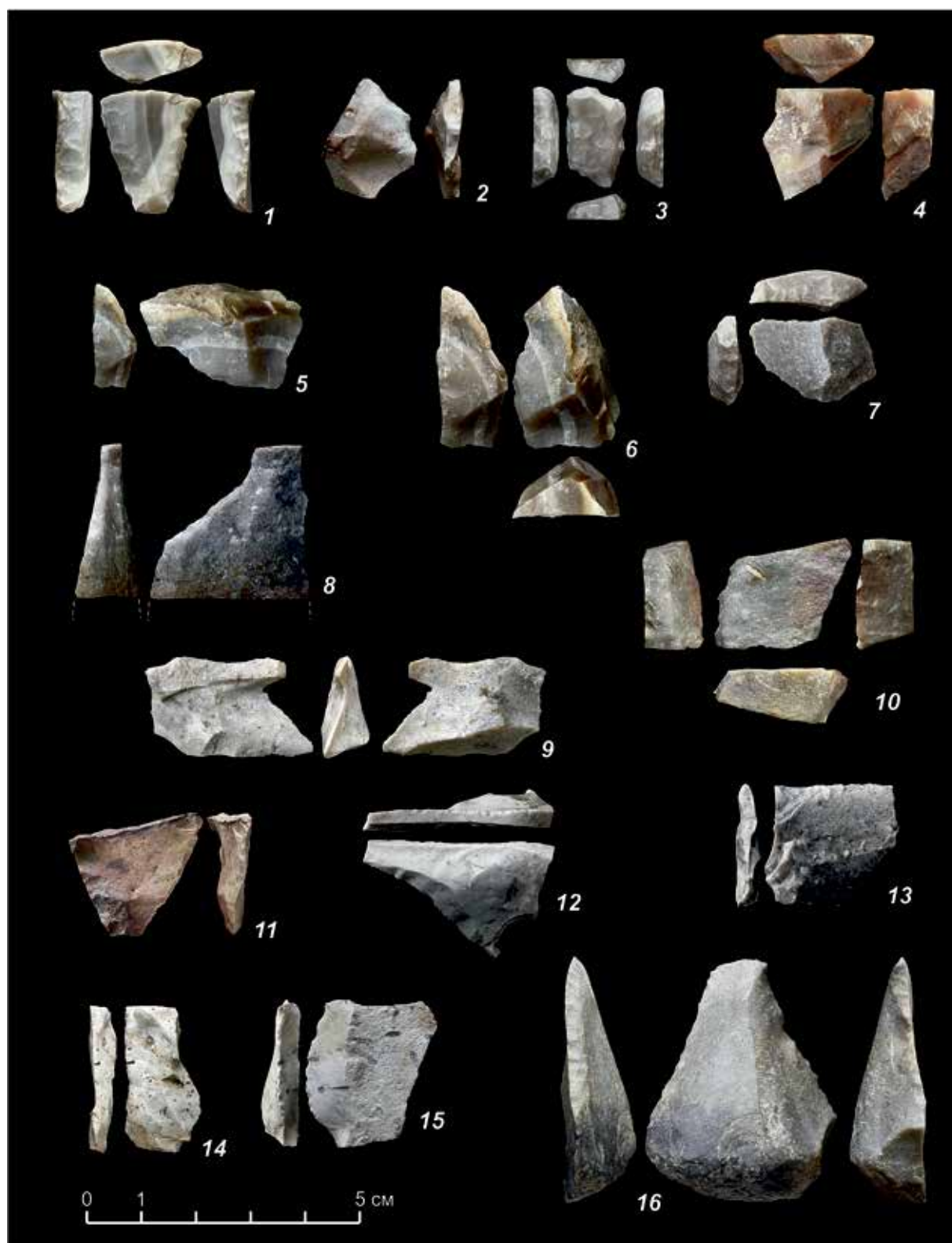

Рис. 13. Ваднюр I. Жилище № 5. Кремневые изделия. Скобели (1–8, 10, 16), ножи (11–15), перфоратор (9)

Рис. 14. Ваднюр I. Жилище № 5. Кремневые изделия. Скребки (1–7), комбинированное орудие (8)

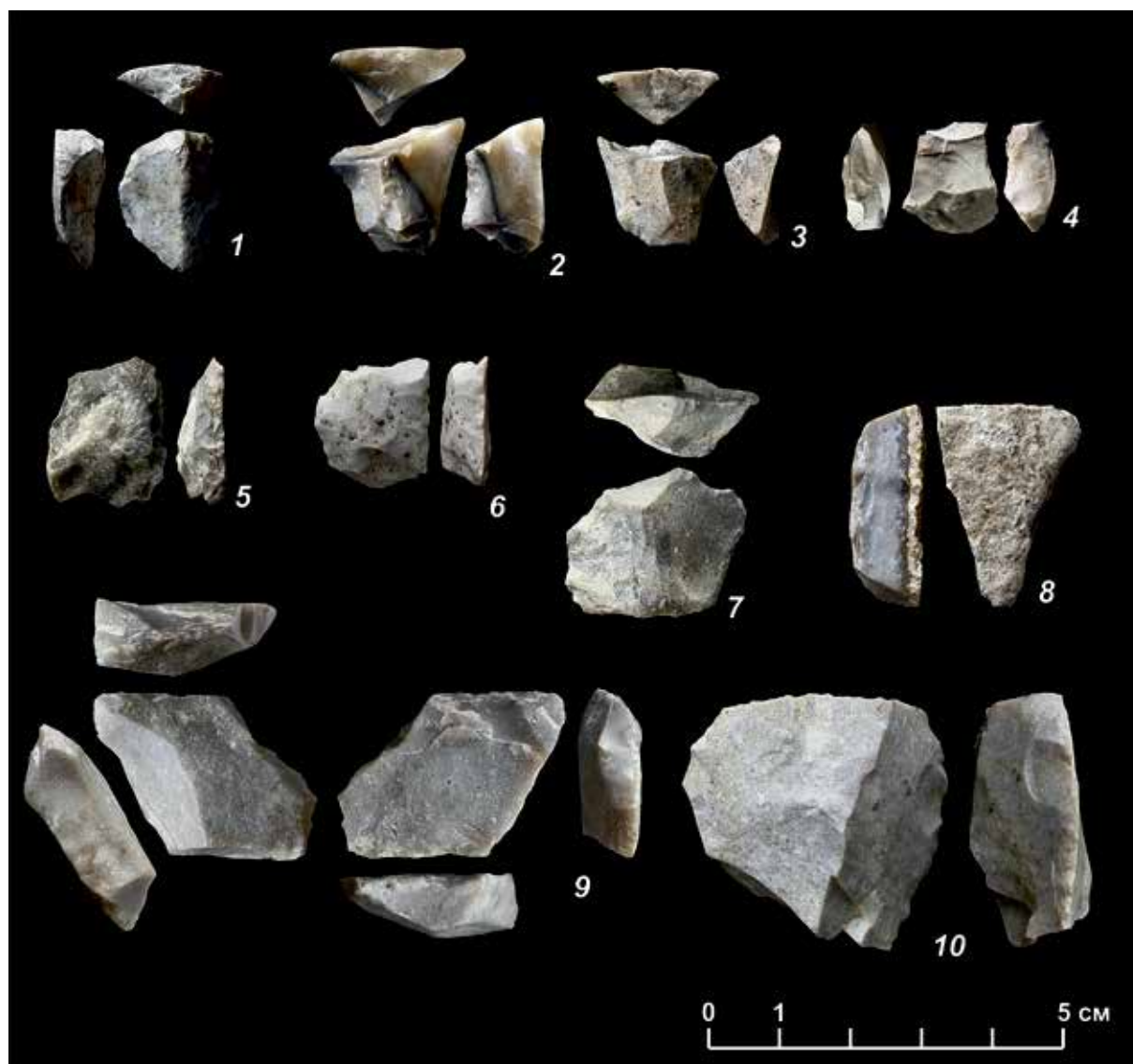

Рис. 15. Ваднюр I. Жилище № 5. Кремневые изделия. Скопление на участке кв. 12,13/5,6. Скобели

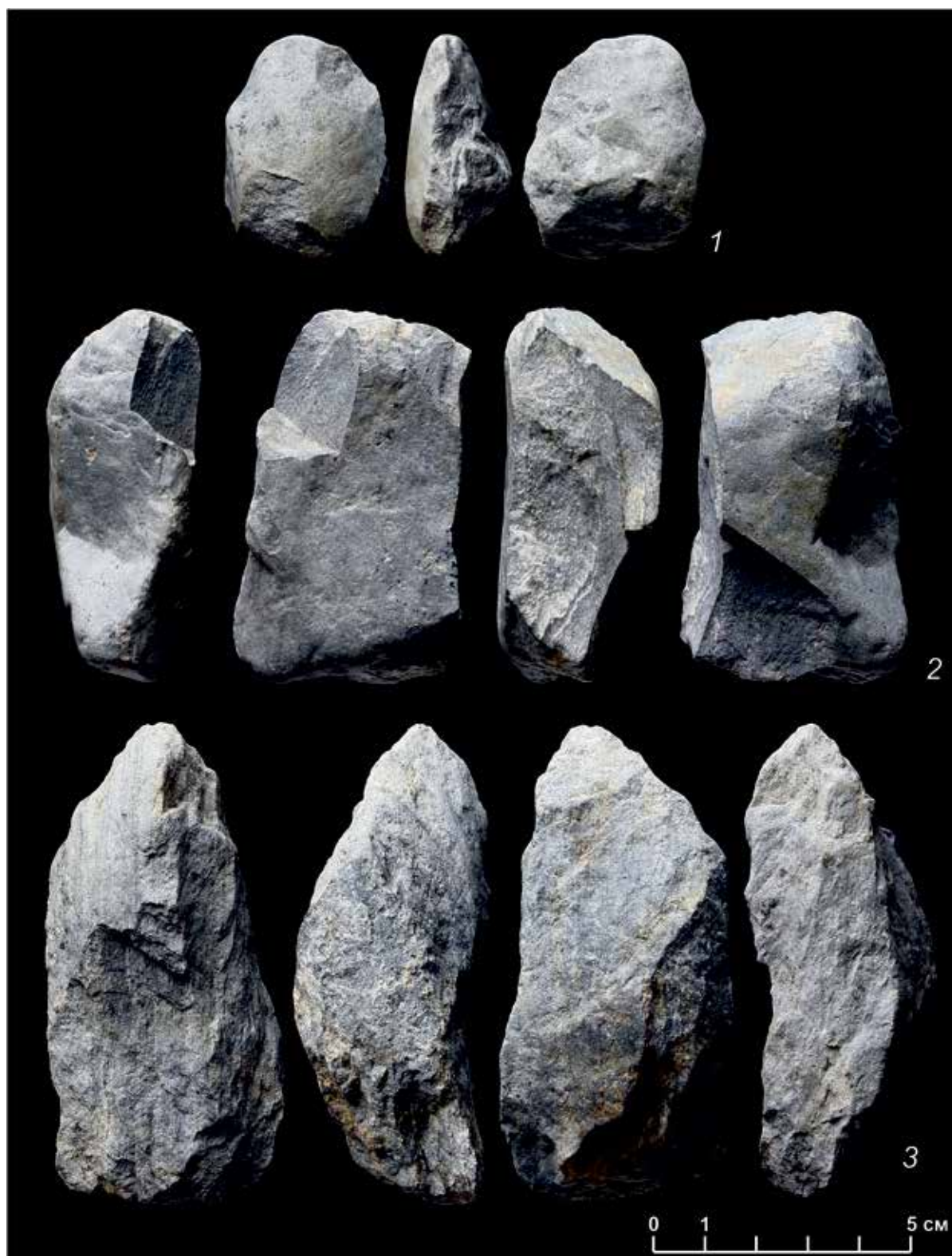

Рис. 16. Ваднюр I. Жилище № 5. Изделия из некремневых пород – основы рубящих орудий (?)

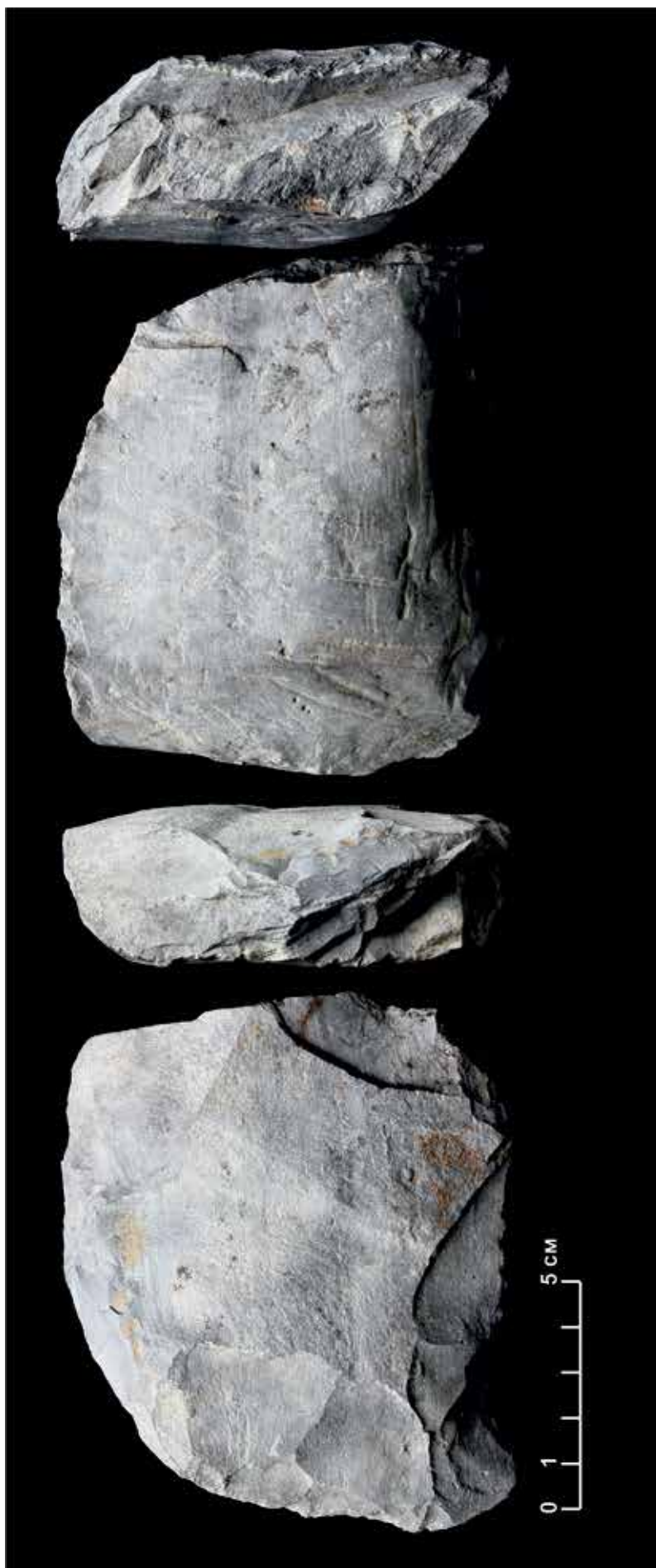

Рис. 17. Ваднюр I. Жилище № 5. Заготовка рубящего орудия из некремневой породы

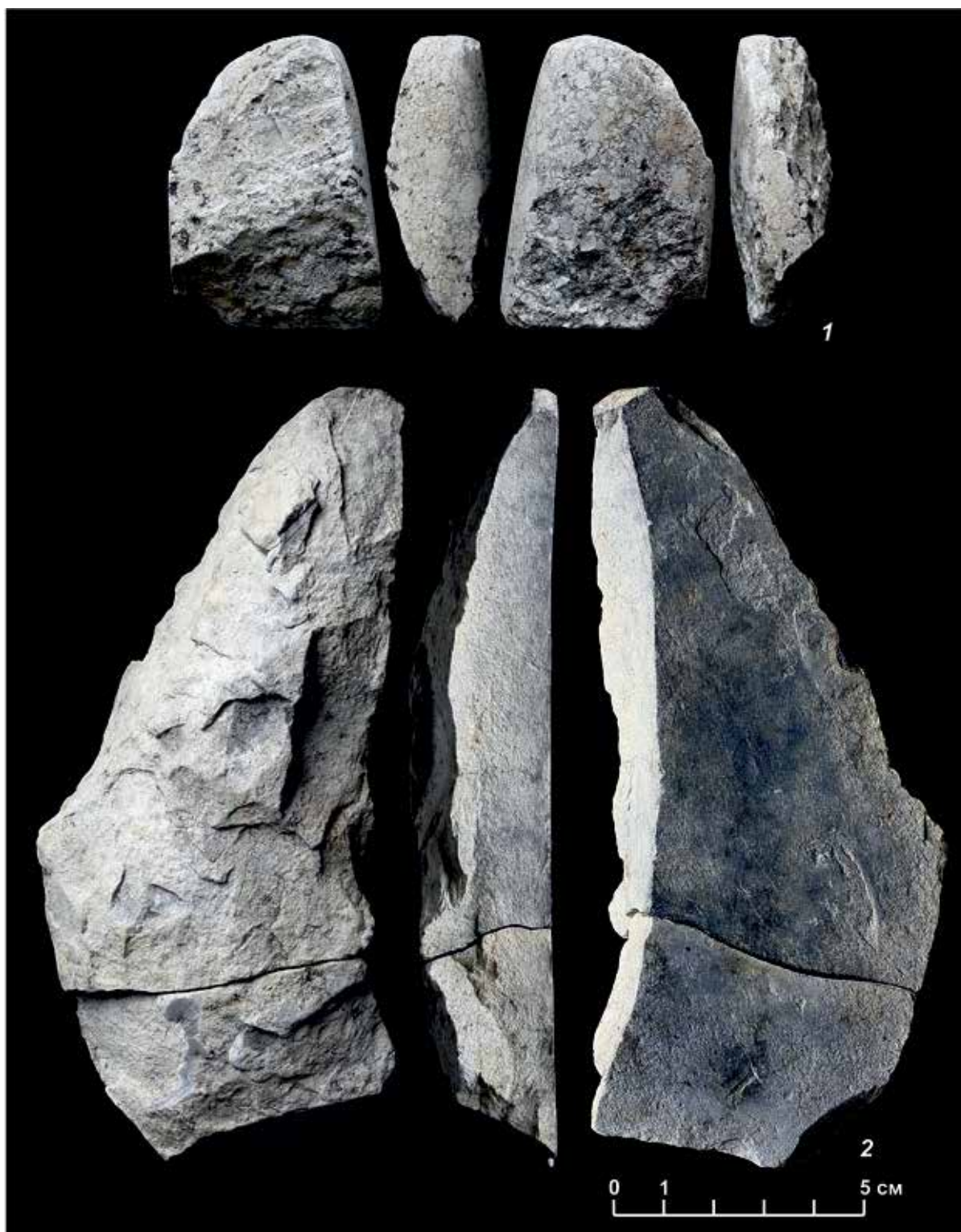

Рис. 18. Ваднюр I. Жилище № 5. Изделия из некремневых пород. 1 – заготовка рубящего орудия, оформленная из сломанного (?) шлифованного топора/тесла; 2 – заготовка рубящего орудия из фрагментированного абразива

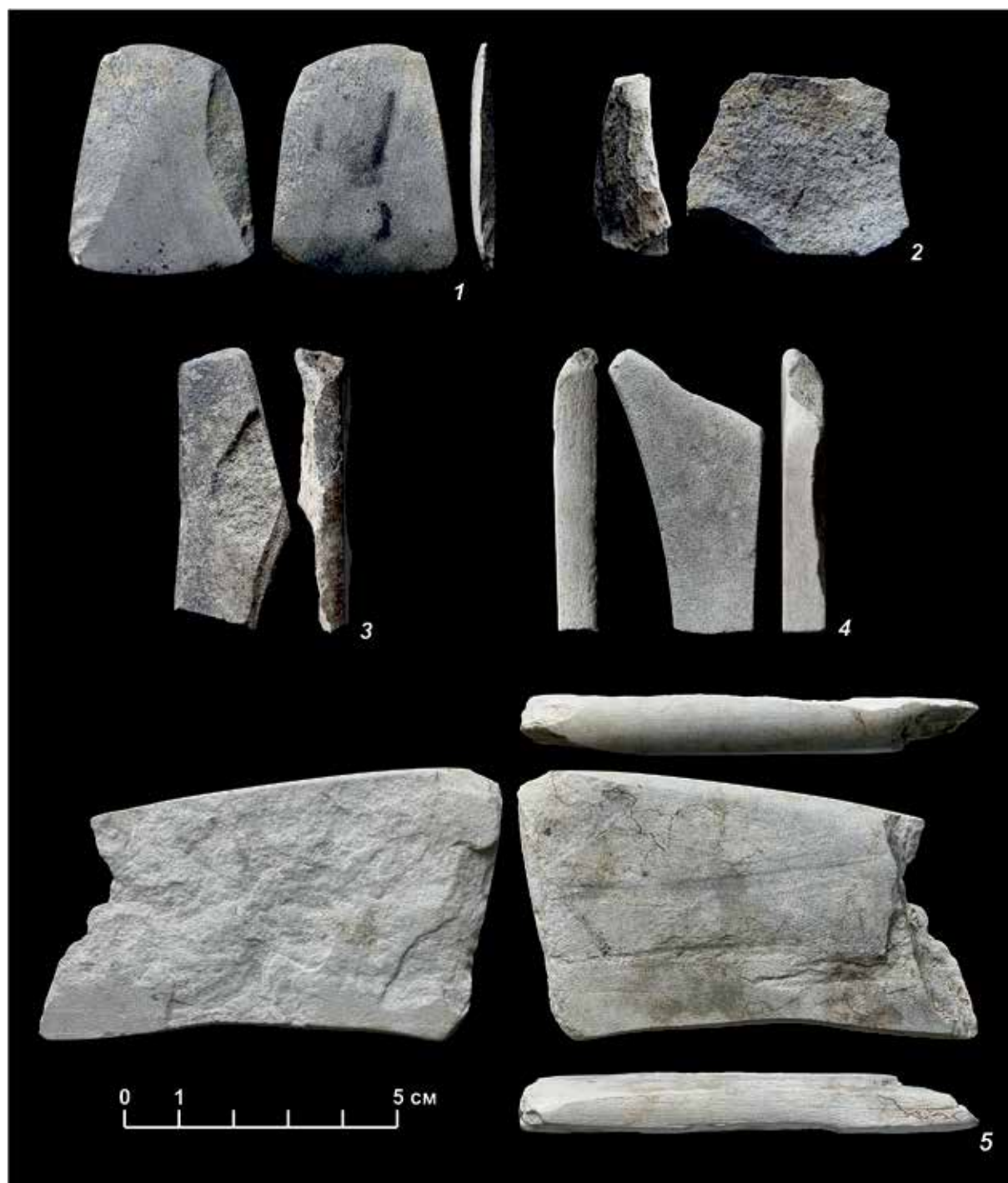

Рис. 19. Ваднюр I. Жилище № 5. Изделия из некремневых пород.

1 – тесло; 2 – скобель; 3–5 – абразивы

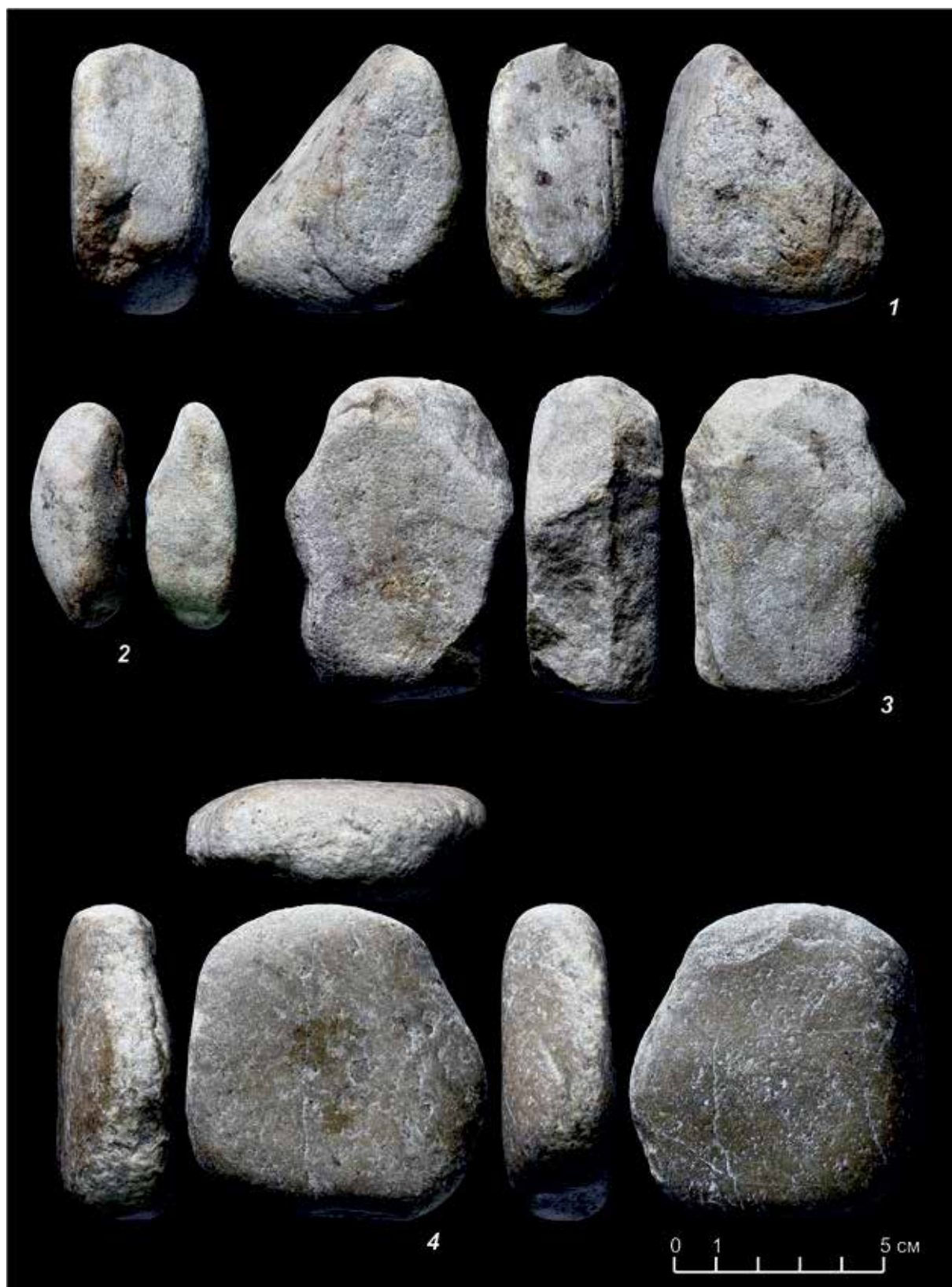

Рис. 20. Ваднюр I. Жилище № 5. Изделия из некремневых пород. Гальки-отбойники

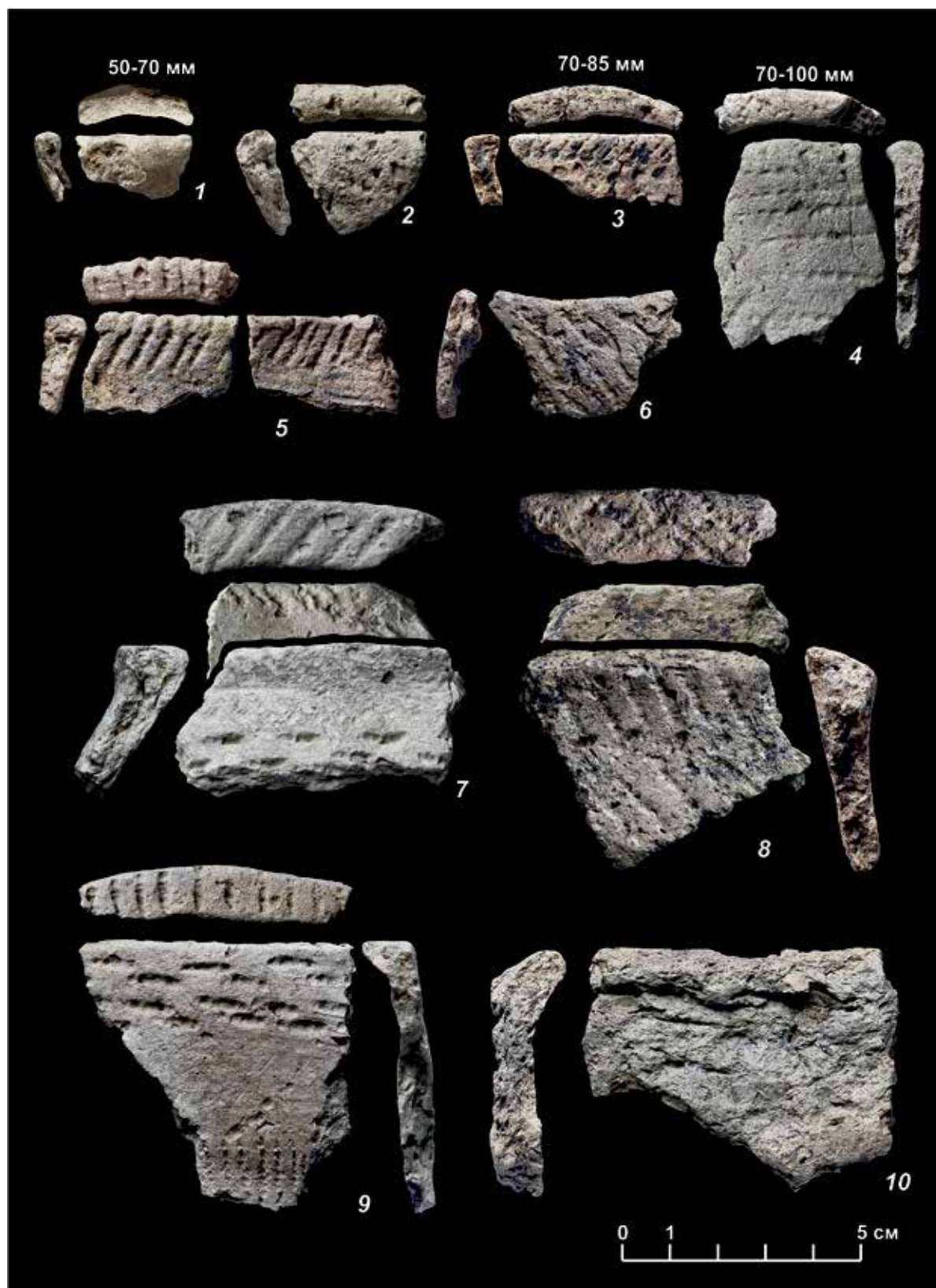

Рис. 21. Ваднюр I. Жилище № 5. Фрагменты керамических сосудов

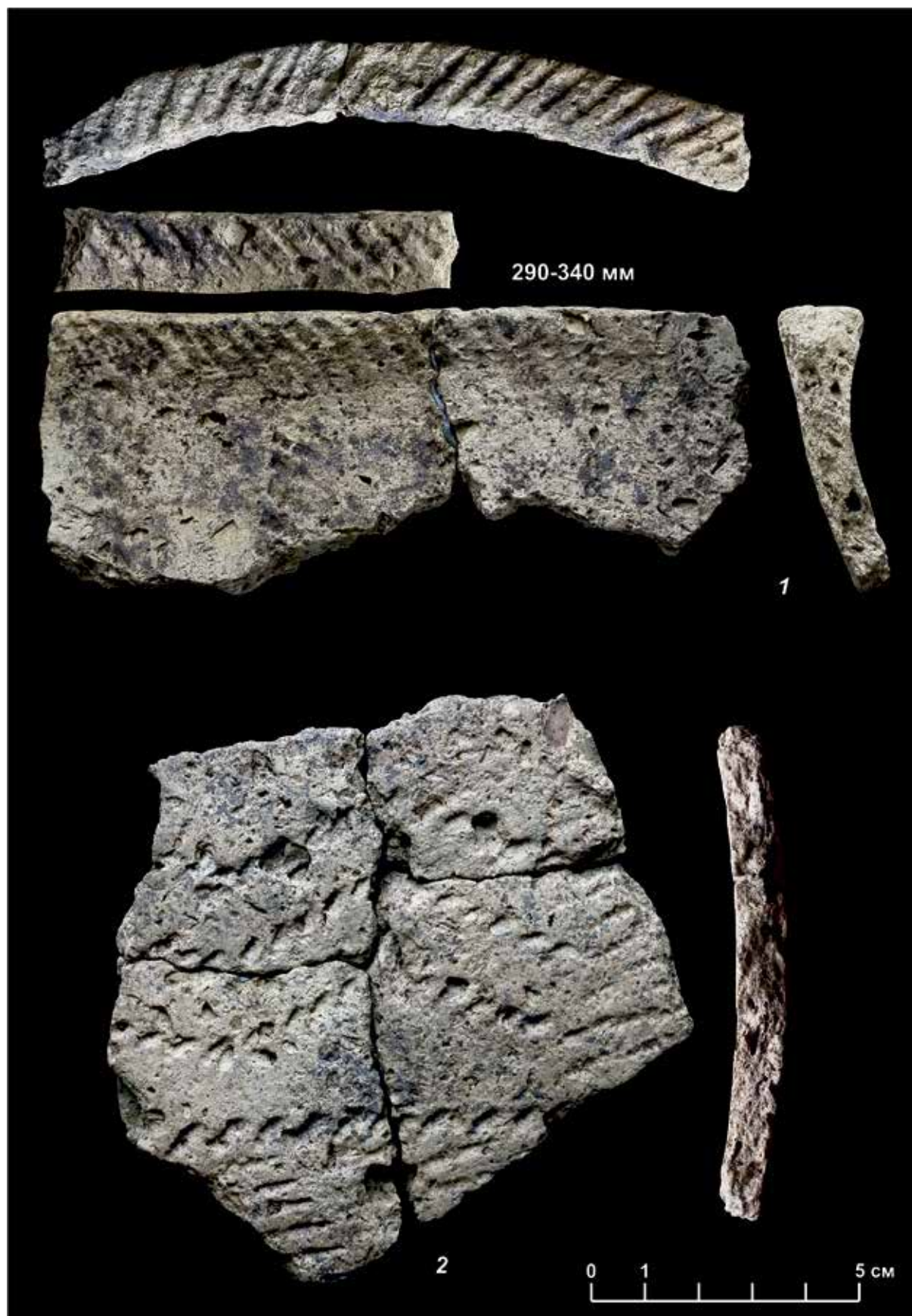

Рис. 22. Ваднюр I. Жилище № 5. Фрагменты керамических сосудов

Рис. 23. Ваднюр I. Жилище № 5. Фрагменты керамических сосудов

С.Ю. Васильев И.М. Тимушева

ПОСЕЛЕНИЕ БРОНЗОВОГО ВЕКА ЯГЪЁЛЬ: ПЛАНИГРАФИЯ И СТРУКТУРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ

Исследование планиграфии поселения Ягъёль, его структурных элементов позволило проследить механизмы адаптации древнего населения к окружающей среде. Определение особенностей и общих свойств в планировке поселения, постройке жилищ рассматриваемого памятника в рамках атаманнюрской культуры имеет большое значение для изучения материальной культуры населения II–I тыс до н.э. Основной задачей являются описание, введение в научный оборот ранее не опубликованных данных и их сравнительный анализ.

Ключевые слова: поселение, жилище, планиграфия, эпоха бронзы, атаманнюрская культура, р. Печора.

S.Yu. Vasilyev, I.M. Timusheva

THE BRONZE AGE SETTLEMENT YAGYEL: PLANIGRAPHY AND STRUCTURAL ELEMENTS

The study of the planigraphy of the Yagyel settlement, its structural elements allows to trace the mechanisms of adaptation of the ancient population to the environment. Determination of the peculiarities and common properties in the layout of the settlement, the construction of dwellings of the considered site within Atamannyur culture is of great importance for the study of the material culture of the population of the I-II Millennium B.C. The main objective is the description, introduction into scientific circulation of previously unpublished objects and their comparative analysis.

Keywords: settlement, dwelling, planigraphy, the Bronze age, Atamannyur culture, the Pechora river.

Поселение Ягъёль было открыто В.И. Канивцом в 1969 г. и исследовалось им же в 1970 г. разведочными раскопами и шурфами. Полученные материалы позволили отнести памятник к позднему периоду эпохи бронзы (Канивец, 1970. С. 9). В 1981 г. раскопки поселения возобновлены экспедицией Интинского краеведческого музея под руководством С.Ю. Васильева и продолжались до 1985 г. (Васильев, 1981–1985).

Памятник расположен на правом берегу р. Усы в 250-ти метрах ниже по течению реки от д. Ягъёль (Интинский район Республики Коми). На поверхности террасы были зафиксированы очертания семи ям, две из которых (№ 6 и 7) в значительной степени разрушены. На памятнике исследовано раскопами пять жилищ и межжилищное пространство между постройками. Общая исследованная на поселении площадь составила свыше 1435 кв. м и охватила только жилищные впадины и часть межжилищного пространства.

Необходимо отметить, что на информативность памятника оказали негативное воздействие локальные разрушения в виде ловушек на боровую дичь, а также разрозненные разведочные раскопы и шурфы 1969–1970 гг. Отдельные участки разрушены в результате

проводимых лесопосевных работ. Имеющиеся в плане раскопов многочисленные мелкие и отдельные крупные разрушения затрудняют реконструкцию отдельных элементов жилищного пространства.

Топография поселения характеризует общие предпочтения в выборе места обитания первобытного населения региона. Памятник занимает прикраевой участок надпойменной террасы высотой до 16 м и примыкающей на юге к старичной протоке р. Усы, на севере – к верховому болоту, а на востоке и западе заключен между руч. Ягъёль и безымянным стоком из болота. Протяженность площадки террасы с севера на юг не более 500 м, а с запада на восток – 1000 м.

Поселения на ЕСВ не имеют выраженного культурного слоя вне искусственных сооружений и четко выраженных границ, которые, как правило, проходят по периметру распространения культурного слоя.

Организующим моментом на большинстве поселений эпохи энеолита-бронзы является край песчаной террасы или ее останца, вдоль которого располагаются постройки на различном удалении друг от друга. Поселение Ягъёль состоит из пяти жилищ, расположенных довольно компактно, ориентированных

с СЗ на ЮВ (три жилища) и с ЮЗ на СВ (два жилища) (рис. 1).

Сравнивая стратиграфические ситуации раскопов всех жилищных котлованов поселения Ягъёль, следует отметить их идентичность. Во всех случаях представлены три стратиграфические зоны (жилище, материковый вал и межжилищное пространство) с одинаковой внутризонной стратиграфической ситуацией.

В каждой отдельной зоне следующая стратиграфия:

Жилище:

- гумус (2–5 см.),
- подзол (2–10 см.),
- культурный слой жилища (18–26 см.),
- материк

Пространство с материковой отсыпкой:

- гумус (2–5 см.),
- подзол (2–10 см.),
- материковая отсыпка (до 48 см.),
- подстилающий белесый песок (2–10 см.),
- материк

Межжилищное пространство:

- гумус (2–5 см.),
- подзол (2–10 см.),
- культурный слой (16–20 см.),
- материк

Культурный слой межжилищного пространства и культурный слой самого жилища отличаются между собой отсутствием у первого подстилающего розового прокала, который выстилает дно жилища по всей его площади.

Жилища 1, 2, 3 поселения Ягъёль на поселении ориентированы с СЗ на ЮВ, а жилища 4, 5 с ЮЗ на СВ. Такое расхождение, по мнению С.Ю. Васильева, связано с ориентацией последних на внешний признак, непосредственно включенный в среду поселений.

Постройки 1, 2, 4 имели шестиугольную форму со скругленными вершинами углов, постройки 3, 5 – форму близкую к прямоугольной и скругленные углы, однако явных признаков наличия в углах столбов обнаружить не удалось. Все жилища были незначительно углублены в землю (до 30 см). Наличие на поселениях как традиционных прямоугольных жилых сооружений, так и своеобразных многоугольных характерно для памятников атаманнюрской культуры.

Жилище 1 – 12,9 м, с СВ на ЮЗ (в средней части) – 10,5 м. (размеры условные из-за частичного разрушения культурного слоя). Жилище 2 – 12,7х9,4 м (в средней части с СВ на ЮЗ). Жилище 4 – с ЮЗ на СВ – 9,67 м; с СЗ на ЮВ – 6,88 м и 7,07 м.

Жилище 3 с СЗ на ЮВ – 10,4 м, максимальная ширина (с СВ на ЮЗ) – 8,3 м. Жилище 5 Размеры с ЮЗ на СВ – 10,6х9,6 м.

Стенки всех жилищ относительно полные, заполнение котлована однородное по всей площади и глубине. Пол во всех постройках ровный, только в четвертом зафиксированы небольшие перепады высоты, имеющие плавные переходы. Дно подстилается розовым прокалом, мощность которого нарастает к стенкам конструкций. Находки распределялись достаточно равномерно по всей площади. Некоторое уменьшение количества находок можно отметить в северо-западной части постройки 2, а в четвертом строении большая часть находок (скопления керамики, кремня) тяготела к стенкам жилища, где также было обнаружено пятно охры прямоугольной формы. Мощность культурного слоя построек составила 12–20 см.

Очаги достоверно выявлены только в жилищах 4 и 5. В остальных из-за шурфов и других разрушений они определяются условно по пятнам с вкраплениями золы и углей (жилища 2, 3) и по прокаленным участкам материка (жилище 1).

Очаг, расположенный в центре постройки 4, представляет собой пятно неправильной овальной формы размерами с ЮЗ на СВ – 1,7 м, а с СЗ на ЮВ – 1,12 м, выделяющееся от остальной площади темно-коричневым заполнением с большим процентным содержанием органики. После разборки пятна выявилось еще одно – подстилающее первое и несколько меньших размеров: с СЗ на ЮВ – 0,86 м, с ЮЗ на СВ – 1,49 м. Его составлял прокаленный песок, мелкие обломки кальцинированных костей и фрагментов ошлакованной керамики и углей.

В центре строения 5 было выявлено очажное пятно с темно-коричневым заполнением и обильными включениями золы и мелких углей. Размеры пятна, которое имело форму близкую к кругу, 78 см с севера на юг и 82 см с запада на восток. Очажная яма углублена в пол жилищного котлована на 30 см.

Заполнение ямы однородно по всей глубине. При разборе очажного заполнения встречались мелкие фрагменты керамики, часть из которых ошлакована.

Вход в виде языкообразного выступа спуска зафиксирован в жилищах 3 и 5 (в юго-восточной части жилища 3 и северо-восточной стены жилища 5). Языкообразный выступ, длина которого достигла 1,1 м, был расположен посередине и плавно переходил в пол.

В северной части котлована 4 отмечено пятно округлой формы. Пятно соответствовало яме 2, имеющей в профиле коническую форму. Диаметр ямы на уровне пола жилища 0,22–0,23 м, заполнение ямы состоит из темно-коричневого песка с большим процентным содержанием органики. Глубина ямы – 0,27 м.

В пределах границ постройки 3 выявлено 15 ям. Судя по профилям, они имели коническую форму в профиле и являлись столбовыми. Заполнение ям состояло главным образом из желтого смешанного песка с включениями розового прокала. В границах пространства жилища 5 выявлено 45 ям. Говорить о строгом порядке расположения ям нельзя, однако в плане намечаются центральная (с ЮЗ на СВ) и периметральная линии. Ямы 3, 4, 5, 7–29, 31–38, 41–45, по всей видимости, столбовые. Яма №30, вероятно, имела какое-то хозяйственное назначение. Большинство ям имели однородное заполнение, состоящее из смешанного желтого и розового прокаленного песка. Находки встречены при разборке ям №2–5, 7, 30, 33, 45.

Культурный слой межжилищного пространства, который представлен желтым смешанным песком с включениями золы и углей, отличается от культурного слоя жилища только отсутствием подстилающего розового прокала, малой интенсивностью зольных включений. Находки в области межжилищного пространства единичны, это небольшие скопления мелких фрагментов керамики и кремневых отщепов.

Раскоп пространства между жилищами 1 и 2 обозначил края валов и яму округлой формы размерами с СВ на ЮЗ – 2,3 м, с СЗ на ЮВ – 1,52 м. Заполнение ямы (мощность 0,72–0,74 м) состояло из желтого смешанного с золой и углями песка. За пределами материкового вала жилища 2 расположены яма 3 (непосредственно у края вала) и яма 4 (в 2,2 м

от северного участка вала на север). Ямы 1 и 2 расположены прямо на валу в южной его части.

Раскопом также была охвачена и часть межжилищного пространства постройки 3. Исследованы 3, 13 и 14 ямы. Яма 3 имеет в плане форму неправильного овала, вытянутого с запада на восток. Размеры ямы с З на В – 1,76 м, а с Ю на С – 1,14 м. Заполнение ямы состоит из желтого, смешанного с розовым прокаленным, песка с включениями золы и углей. Интенсивность включений углей не одинакова на всей глубине ямного заполнения и нарастает к дну ямы. На глубине 0,6 м от дневной поверхности угли образуют самостоятельную прослойку толщиной до 0,1 м. Центральную часть заполнения как бы опоясывает прослойка белесого песка с включениями золы и углей. Эта прослойка идет вдоль стенок ямы на всю глубину. В нижней части заполнения цвет ее постепенно меняется на розовый. Дно ямы выстилает прослойка розового прокаленного песка толщиной 0,05–0,06 м. Глубина ямы, которая в профиле имеет полукруглую форму – 0,95 м.

Яма 13 в плане имеет форму неправильного овала, вытянутого с ЮВ на СЗ. Размеры ямы с ЮВ на СЗ – 2,11 м, а с СВ на ЮЗ – 1,85 м, глубина достигает 0,73 м. Заполнение состоит из достаточно однородной смеси желтого и розового прокаленного песка с включениями углей. В отдельных участках заполнения эти включения довольно интенсивны. Материк у дна ямы достаточно сильно прокален. На дне ямы обнаружено несколько фрагментов керамики.

Яма 14 имеет форму неправильного овала, вытянутого с ЮВ на СЗ. Размеры ямы по линии основной ориентации – 1,58 м (от южного края раскопа), а СВ на ЮЗ – 1,17 м. Заполнение ямы выглядит однородным по всей площади и глубине и состоит из желтого смешанного с розовым прокаленным песка. Интенсивность включения углей в заполнении невелика. Угли хорошо прослеживаются только у самого дна ямы. В профиле яма имеет неправильную форму, глубина достигает 0,6 м.

Памятник датирован поздней бронзой, концом II – началом I тыс. н.э. На материалах поселения, в особенности по керамическим комплексам жилищ, отчетливо прослеживается западно-сибирский компонент. Раскопки

у д. Ягъель можно было бы считать завершёнными, если бы удалось исследовать относительно большую часть межжилищного пространства. Слабая степень изученности межжилищного пространства связана главным образом с необходимостью рубки леса, которая запрещена в районе крайней северной тайги не только по берегам рек, но и на значительном удалении от них.

Топография поселения характерна для большинства памятников эпохи раннего металла – расположение на высокой боровой террасе притоков второго порядка, старичных озёр. Каких-либо общих черт и особенностей в расположении жилищ на поселениях и их ориентации по отношению к реке на поселениях эпохи бронзы отмечено не было, за исключением поселения Борганъель IV, на котором сооружения располагались параллельно.

Стратиграфия, планиграфия и инвентарные комплексы жилищ 1, 2, 3, 4, 5 идентичны, что позволяет сделать некоторые предположения относительно методики строительства жилищ. Для постройки жилища выбиралась площадка с незначительным естественным углублением, но доминирующая над окружающей местностью. Затем на площадке отрывался неглубокий котлован (до 30 см), а материковый «отвал» выбрасывался на край площадки, что соответствует заполнению материкового вала. Погребенный белесый песок (древний подзол) соответствует сегодняшнему подстилающему белесому песку, этим и можно объяснить его наличие только в области материкового вала. Дальнейшая культурная деятельность древнего населения вела к накоплению культурных остатков как в жилищном котловане, так и за его пределами. При разборе материковой отсыпки изредка встречаются отдельные находки, которые, вероятно, связаны с деятельностью в период строительства жилища. Жилища были наземными.

Жилища 3, 5 поселения Ягъель имели прямоугольную форму, причем с таким соотношением сторон, которое приближает прямоугольник к квадрату (10,6х9,3 м; 10,4х8,3 м). Учитывая материалы, можно сделать вывод о двускатности крыши наземной постройки и наличии опор вдоль стенок жилищного котлована (столбовых опор как элементов конструкции стен и кровли). Однако этот вывод

нуждается в дальнейшей проверке, а, возможно, и корректировке.

Подобные прямоугольные жилища с одним центральным очагом и языкообразным выходом были широко распространены в эпоху раннего металла ЕСВ.

Жилище 3 окружено ямами на поверхности, которым соответствуют незначительные углубления, такие же ямы окружают и жилище 5. Следует отметить, что последние просматриваются на поверхности менее отчетливо и несколько дальше отстоят от самого жилища, в результате чего и не были охвачены раскопочными работами. Имеющиеся такие же ямы на аналогичных поселениях бассейна р. Печора рассматриваются В.С. Стоколомом как культовые. Вскрытые ямы не противоречат этим предположениям, но и не подтверждают их прямо. Культовый характер окружающих поселение ям выводится В.С. Стоколомом по наличию в них охры и сильно прокаленных слоев песка. Прокаленные слои имеются и на поселении Ягъель, но во вскрытых ямах не обнаружены следы охры. Предположить какое-то хозяйственное назначение ям трудно в связи с чрезвычайно слабой инвентарной насыщенностью. Также слабо насыщена инвентарем и зона материкового вала. Единичные находки, которые встречаются здесь, связаны, главным образом с разборкой подзола. В отношении материкового вала можно предположить как сакральную (круг-граница), так и утилитарную нагрузку.

Жилища 1, 2, 4 имели шестиугольную форму котлована со скругленными углами, что, по мнению С.Ю. Васильева, связано с наличием в них столбовых опор, на которых держалась вся конструкция жилища. У трех жилищ (Адъзва II, Чудгудоръяг) эпохи бронзы также отмечены округленные углы жилищных котлованов. В центре располагался очаг (возможно, не один). Все постройки имели отвесные стенки и относительно ровный пол и завалинку. Практически все шестиугольные постройки окружали насыпные завалинки, представлявшие из себя сложное сооружение, включавшее и стены жилища. Обращает внимание полное отсутствие достоверных столбовых и, следовательно, стены постройки сооружались не на столбовой основе, а как-то иначе (Стоколом, 1988. С. 101).

Незначительная глубина котлована для жилища не предполагала, по всей вероятности, какой-нибудь специальной конструкции входа (коридорообразной и т.д.) и как следствие этого вход в жилище можно определить только по языкообразному спуску, образовавшемуся, вероятно, в результате разрушения одной из стенок жилищного котлована во время существования поселения. Аналогичные спуски имеются и на поселениях эпохи бронзы бассейна р. Печоры. В ряде случаев отмечено посыпание пола жилища и пандусов красной охрой, на поселении Ягъель пятно охры отмечено у стенки жилища 4.

Исследователи, изучавшие жилища, неоднократно пытались реконструировать их по имеющимся остаткам. В.С. Стоколос полагал, что атаманнюрские сооружения были шатрового типа с бревенчатой конструкцией, опущенной на дно вырытого котлована, которая предохраняла его от деформации (Стоколос, 1988). Конструкция жилища Чудгудоръяг представлялась в виде изолированной полуземлянки шатровой конструкции со срубным каркасом, утепленным мощной завалинкой. Внутреннее пространство делилось перегородкой на две части – центральную шестиугольной формы и вдоль стен по периметру постройки с лежанками и кладовыми (Логинова, 1993. С. 44).

Поселение Ягъель, являясь одним из самых северных памятников эпохи бронзы, существенно дополняет знания, имеющиеся сведения о материальной культуре населения конца II–I тыс. до н. э. на р. Уса, традициях домостроительства и организации жилищного пространства*.

* Исследование выполнено в рамках темы научно-исследовательской работы «Археологическое наследие европейского Северо-Востока России: выявление, научное описание и систематизация» (2017–2019 гг.) №АААА-А17-117021310069-5.

Литература

Васильев С.Ю. Научный отчет о работе комплексной экспедиции отдела истории в полевом сезоне 1981 года // НА ИА РАН. Р.- 1. №8738. Москва.

Васильев С.Ю. Отчет о работе комплексной экспедиции Интинского краеведческого музея в полевом сезоне 1982 году в бассейне реки Большая Роговая // НА ИА РАН. Р.-1. №9003. Москва.

Васильев С.Ю. Отчет о работе комплексной экспедиции Интинского краеведческого музея в бассейне реки Уса в полевом сезоне 1983 года // НА ИА РАН. Р.-1. №9903. Москва.

Васильев С.Ю. Отчет о работе комплексной экспедиции Интинского музея в полевом сезоне 1984 года // НА ИА РАН. Р.-1. №10517. Москва.

Васильев С.Ю. Отчет о работе экспедиции Интинского краеведческого музея в полевом сезоне 1985 года // НА ИА РАН. Р.-1. №11235. Москва.

Логинова Э.С. Поселение Чудгудоръяг // Взаимодействие культур Северного Приуралья в древности и средневековье / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар, 1993. С. 41–59. (МАЕСВ. Вып. 12).

Стоколос В.С. Культуры эпохи раннего металла Северного Приуралья. М.: Наука, 1988. 256 с.

Стоколос В.С. Поселение Чойновты II на Мезени // Древние памятники Северного Приуралья. Сыктывкар, 1980. С. 20–41. (МАЕСВ. Вып. 8).

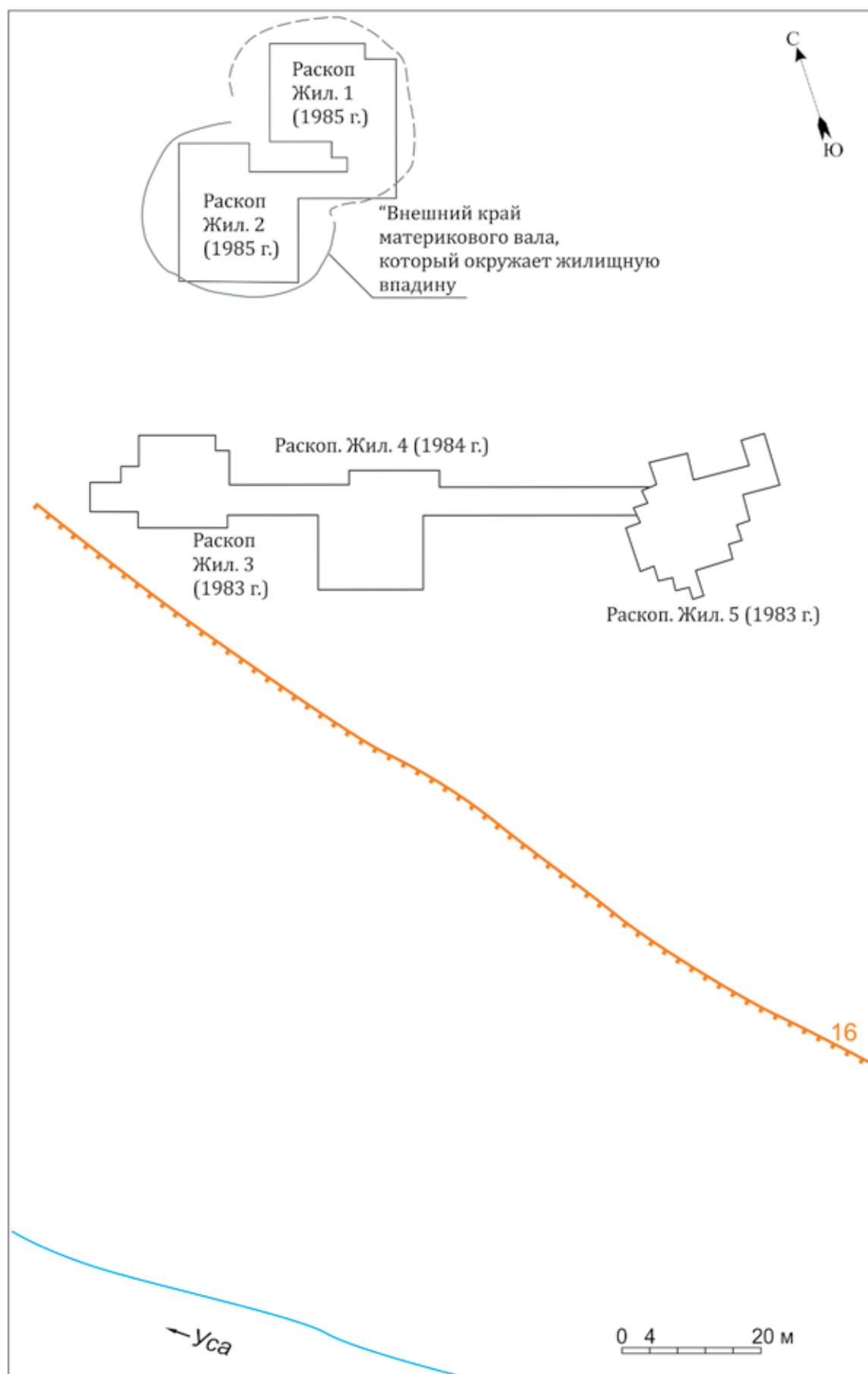

Рис. 2. Поселение Ягёль. План раскопа жилищной впадины № 1

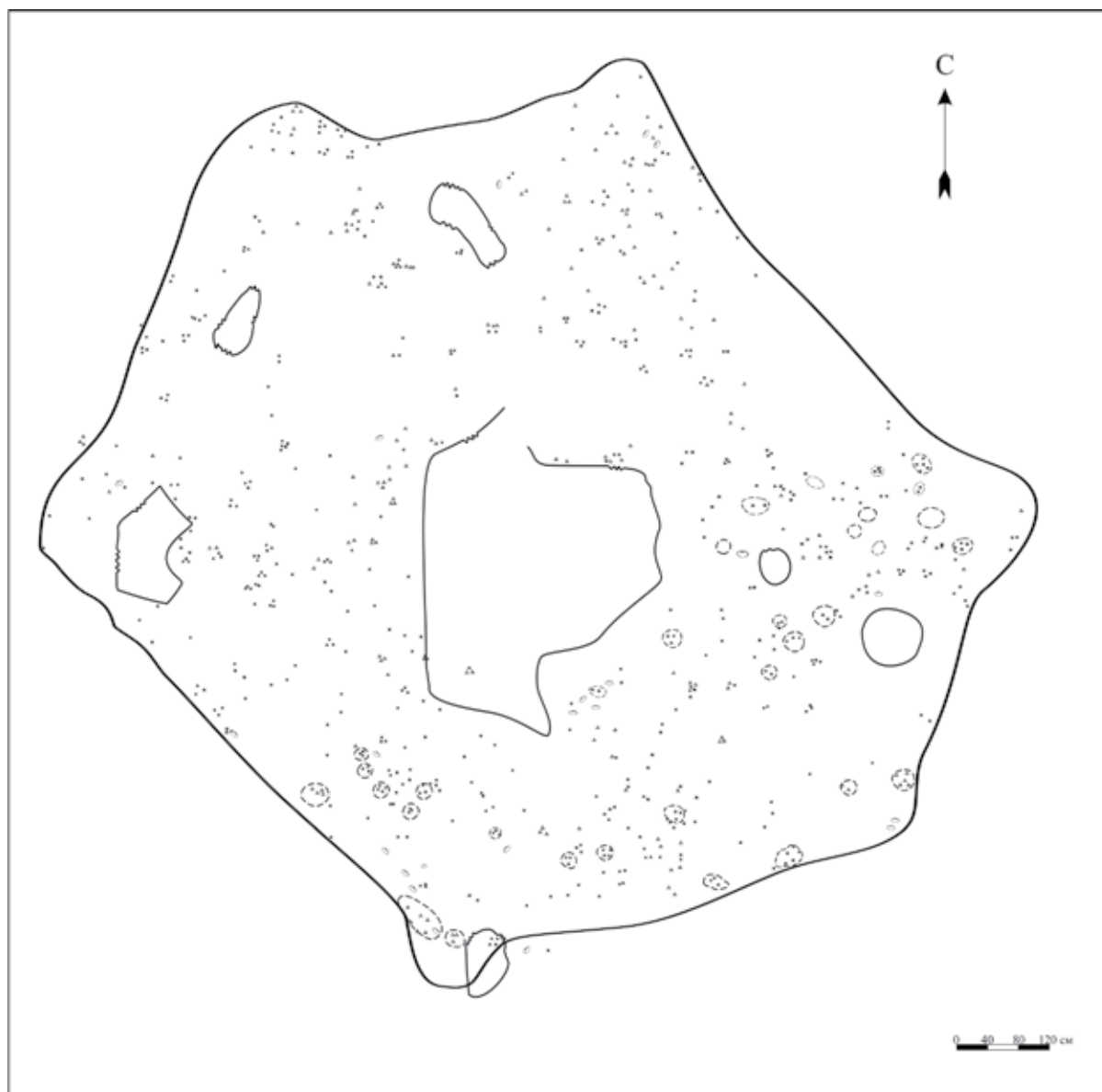

Рис. 3. Поселение Ягёль. План раскопа жилищной впадины № 2

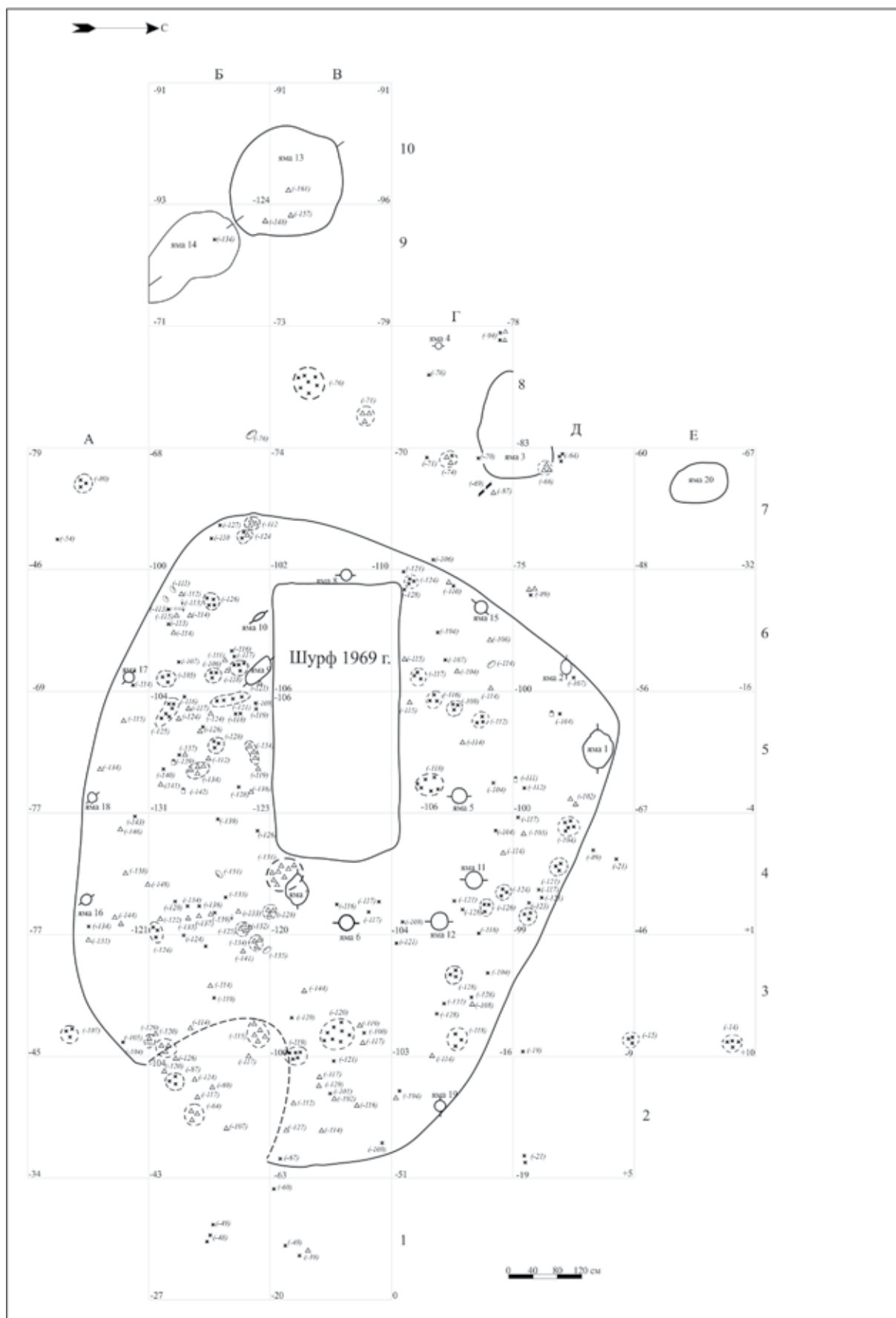

Рис. 4. Поселение Ягъель. План раскопа жилищной впадины № 3

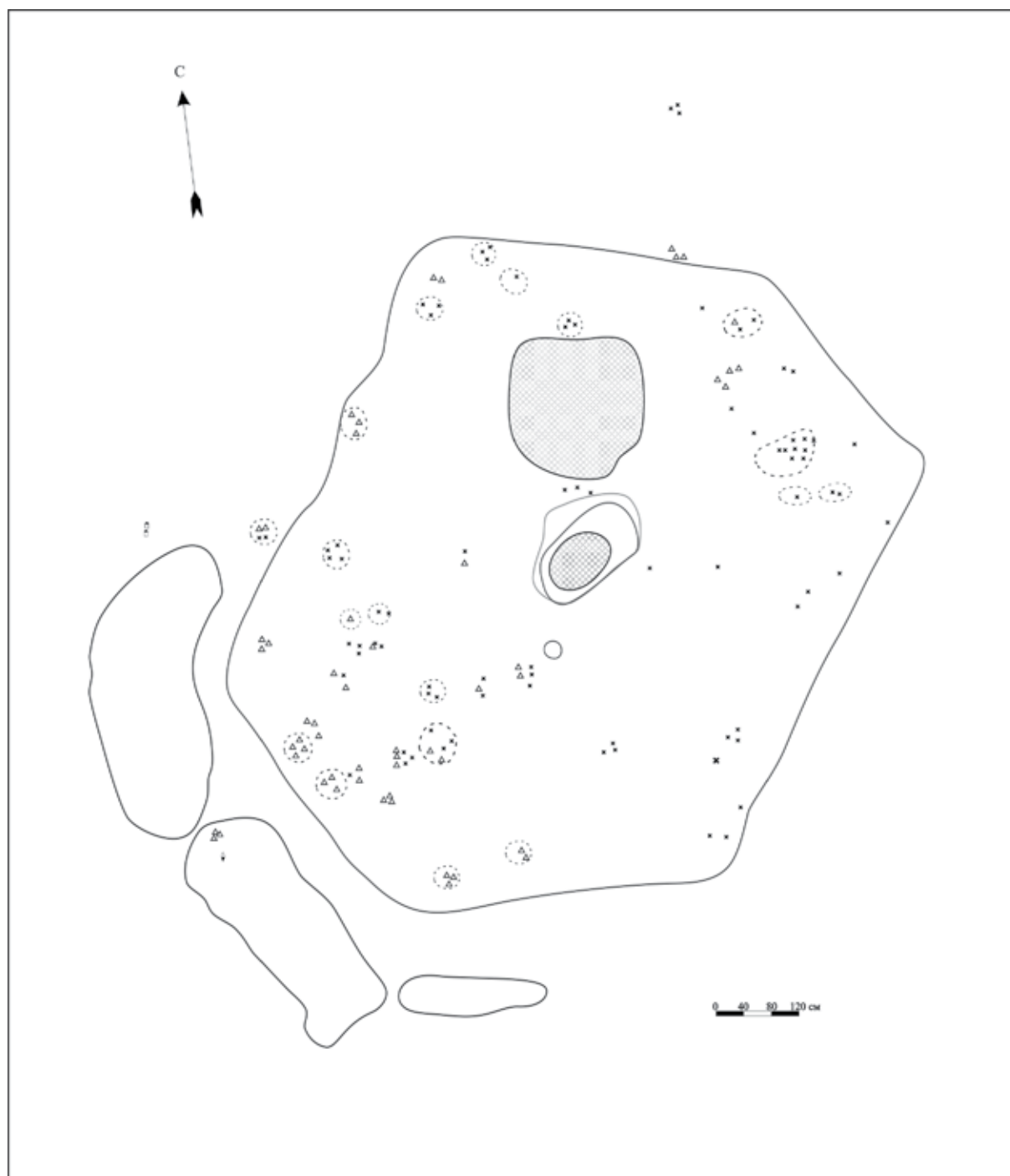

Рис. 5. Поселение Ягъель. План раскопа жилищной впадины № 4

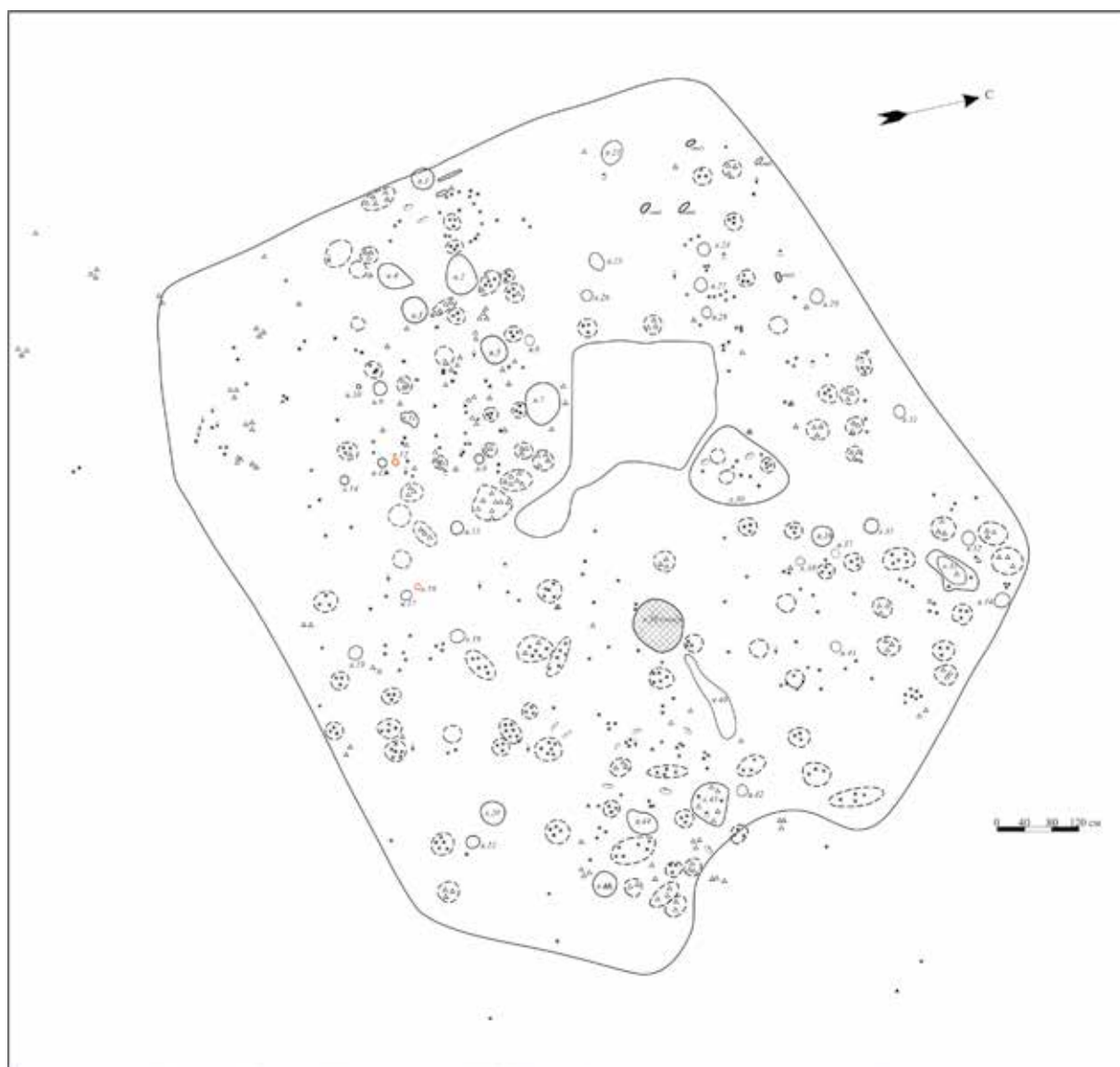

Рис. 6. Поселение Ягъель. План раскопа жилищной впадины № 5

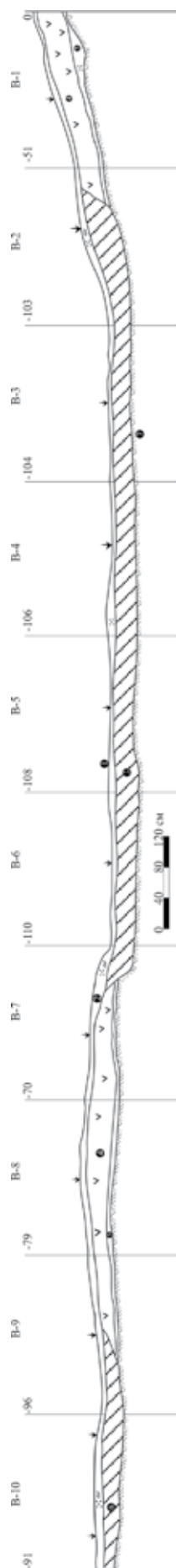

Рис. 7. Поселение Ягтьель. Раскоп жилища 3. Профили стенок.

Условные обозначения: 1 - гумус; 2 - подзол; 3 - культурный слой жилища; 4 - материковая отсыпка; 5 - подстилающий белесый песок; 6 - культурный слой межжилищного пространства; 7 - материк.

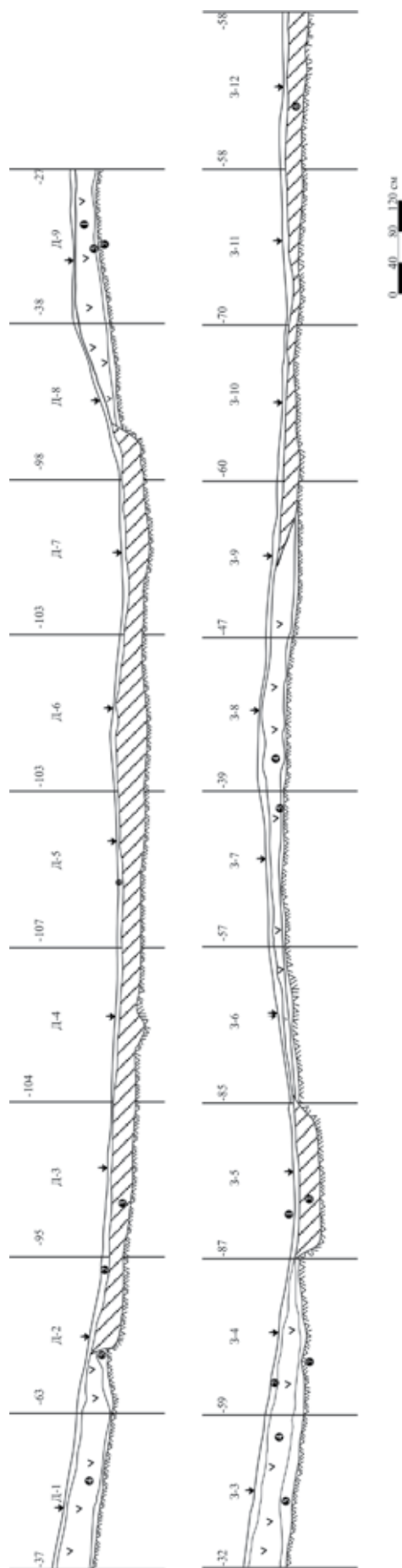

Рис. 8. Поселение Ягтьель. Раскоп жилища № 5. Профили стенок

В.А. Семенов, И.О. Васкул

**ПАМЯТНИКИ АНАНЬИНСКОГО ВРЕМЕНИ В БАССЕЙНЕ РЕКИ ВЫМИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК ЭКСПЕДИЦИЙ
СЫКТЫВКАРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ ПИТИРИМА СОРОКИНА)**

В научный оборот вводятся материалы ананьинского времени, полученные в ходе полевых исследований Сыктывкарского университета в бассейне р. Выми. Дается характеристика памятников и полученного в ходе их раскопок инвентаря. Делается вывод, что публикуемые комплексы относятся к раннему этапу развития древностей ананьинской культурно-исторической области на территории европейского Северо-Востока.

Ключевые слова: бассейн р. Вымь, ранний железный век, керамика.

V.A. Semenov, I.O. Vaskul

**SITES OF THE ANANYINO TIME IN THE BASIN OF THE RIVER VYM
(ON MATERIALS OF EXCAVATIONS OF THE EXPEDITIONS
OF PITIRIM SOROKIN SYKTYVKAR STATE UNIVERSITY)**

The materials of the Ananyino time obtained in the course of field studies of Syktyvkar University in the basin of the river Vym are introduced into scientific circulation. The characteristics of the sites and the implements obtained in the course of excavations is given. It is concluded that the published complexes belong to the early stage of the Ananyino cultural and historical area antiquities development in the territory of the European North-East.

Keywords: basin of the river Vym, the Early Iron Age, ceramics.

Эпоха раннего железа – один из наименее обеспеченных источниками периодов в археологии европейского Северо-Востока (далее – ЕСВ). В связи с этим пополнение источниковедческой базы, ввод в научный оборот материалов из раскопок археологических памятников являются одной из наиболее актуальных задач в изучении древностей железного века в регионе.

В 1970–1990-е гг. Северодвинской археологической экспедицией Сыктывкарского университета были проведены масштабные полевые изыскания в долине р. Выми. В результате этих работ были выявлены десятки разновременных археологических памятников. На пяти из них обнаружены материалы (поселение-мастерская Весляна IV, поселения Шомвуква II, Усть-Кедва (раскоп II), стоянки Усть-Ворыква (Кордон), Усть-Ворыква II (Карта)*, относящиеся к ананьинской культурно-исторической области (далее – АКИО) раннего железного века. Общие сведения об этих памятниках содержатся в «Каталоге

археологических коллекций Сыктывкарского университета» (Каталог археологических коллекций..., 1996. С. 19–21) и «Археологической карте Республики Коми» (Археологическая карта, 2014. С. 131–133). Материалы из раскопок поселения Весляна IV и стоянки Усть-Ворыква II опубликованы (Савельева, Васкул, 2000. С. 64–68; Семенов, Игушев, 2003. С. 129–133). Цель данной публикации – характеристика неизданных материалов ананьинского периода эпохи раннего железа, полученных в ходе раскопок поселений Шомвуква II, Усть-Кедва III (раскоп 2), стоянки Усть-Ворыква I (Кордон).

Поселение Шомвуква II расположено на 1-й надпойменной террасе левого берега р. Выми в приустьевой части безымянного ручья (Семенов, Несанелене, 1997. Рис. 40). Обнаружено В.А. Семеновым в 1981 г. Раскопками изучены две полуземлянки четырехугольной формы в плане, датирующиеся эпохой энеолита-бронзы. Во время исследований жилища №2 были получены материалы эпохи раннего железа. Автор раскопок полагает, что это жилое сооружение прямоугольной в плане формы размером 5х12,5 м первоначально имело меньшие размеры, затем в раннем

* В литературе имеются сведения еще об одном памятнике, содержащем керамику ананьинского периода – стоянке Усть-Комыс (Каталог археологических коллекций..., 1996. С. 18). Однако в ходе просмотра коллекции материалы этого времени не выявлены.

железном веке оно было расширено и углублено. О вторичном использовании жилища, по мнению В.А. Семенова и В.Н. Несанелене, свидетельствует тонкая прослойка белесого с угольками песка в желтом смешанном (Семенов, Несанелене, 1997. С. 63. Рис. 44). Коллекция раннего железного века включает обломки тигля с плоским дном (рис. 1, 2), обломок бронзовой пластинки, мелкие фрагменты глиняной посуды. Керамика зафиксирована во время снятия верхнего слоя в местах очагов-кострищ. Сохранность неудовлетворительная (Семенов, Несанелене, 1997. С. 65). Выделяются два сосуда, содержащих дресву и раковину (?) в глиняном тесте. От одного из них сохранился крупный фрагмент стенки, декорированной девятью рядами веревочки (наклон прядей вправо), ниже которых нанесен ряд наклонно поставленного двузубого штампа (рис. 1, 1). От второго сосуда сохранился небольшой фрагмент шейки. Венчик уплощен, декорирован зигзагом, выполненным гладким штампом. Шейка прямая, украшена двумя рядами тонкой веревочки (наклон прядей вправо), ниже которых нанесен зигзаг, выполненный гладким штампом, пересекающийся мелкими ямками. Замыкают сохранившуюся часть орнаментальной зоны два ряда тонкой веревочки с наклоном прядей вправо (рис. 1, 3).

Поселение Усть-Кедва (раскоп 2, поселение Усть-Кедва III по Ю.В. Паршукову, Г.А. Лысюк (Паршуков, Лысюк, 2003. С. 68)) расположено на левобережной 7-метровой боровой террасе р. Выми (Семенов, Несанелене, 1997. Рис. 13). Выявлено в 1981 г. В.А. Семеновым, исследовалось в 1984, 1986 гг. Е.Н. Рябцевой. В ходе раскопок на площади 112 кв. м выделено несколько культурно-хронологических комплексов эпохи бронзы, раннего железного века и раннего средневековья (Каталог археологических коллекций, 1996. С. 20). Изучены четыре ямы и два наземных кострища, рядом с которыми зафиксированы каменные вымостки. Ямы округлой или овальной в плане с округлым и уплощенным дном. Заполнение – зольно-углистое. Керамика ананьинского времени обнаружена в яме Д и в кв. 8, 13. Наибольшее число сосудов найдено в яме Д, которую Ю.В. Паршуков и Г.Н. Лысюк интерпретируют как неспециализированное кострище производственно-бытового

назначения, предназначенное для группового обжига керамики. Всего в пределах ямы выявлены обломки 18 сосудов, которые исследователи подразделяют на четыре группы: лебяжскую (4 экз.), ананьинскую (3 экз.), смешанных технологических традиций (10 экз.). Еще в одну группу выделен сосуд, отличающийся от других рецептом составления формовочных масс. Три группы сосудов интерпретируются как разнокультурные. Группа смешанных технологических традиций, по мнению исследователей, «маркирует процесс смешения технологических традиций лебяжского и ананьинского населения и сложения на их основе «новой технологической однородности»». При этом новые навыки труда были привнесены в традиционную систему работы гончаров лебяжской традиции (Паршуков, Лысюк, 2003. С. 68–79). За пределами ямы Д найдены обломки не менее пяти сосудов ананьинского облика. В целом керамическую коллекцию памятника можно охарактеризовать как слабопрофилированные сосуды с невысокой прямой или отогнутой наружу шейкой, слабовыпуклым туловом (рис. 1, 4–7; 2, 3; 4, 1–5, 8). В глиняном тесте содержатся дресва, раковина, жидкая органика. Один из сосудов имеет воротничок (рис. 4, 8). Орнамент располагался на венчике, шейке и плечиках. По венчику декорированы шесть сосудов. Узор нанесен косыми отпечатками зубчатого штампа, насечками, волнистой линией, выполненной гладким штампом. По шейке и плечикам орнамент образован ямками, зубчатыми отпечатками, шнуровыми оттисками. Полностью орнаментальная зона сохранилась на 14 сосудах. Ямки нанесены в основании шейки, на двух сосудах они сгруппированы по две, еще на одном – по три. Они располагаются либо поверх шнура и зубчатых отпечатков, либо разделяют шнуровые линии. Оттиски шнура образуют горизонтальные линии с наклоном прядей вправо или влево, покрывающие всю верхнюю часть сосуда (шейку и плечики), или группирующиеся по две-четыре линии, между которыми располагаются ямки и зубчатые оттиски. На одном сосуде шнуровые отпечатки образуют «косую сетку» (рис. 4, 2). Зубчатым штампом выполнены горизонтальные ряды, линии, зигзаг. Зубчатые узоры открывают и замыкают орнаментальную зону или чередуются с отпечатками шнура. Восемь сосудов украшены

только ямками и зубчатыми отпечатками. Один сосуд неорнаментирован. Возможно, к ананьинскому времени относится часть скребков.

Стоянка Усть-Ворыква I (Кордон) открыта Е.Н. Рябцевой в 1981 г. Памятник расположен на 1-й надпойменной террасе на мысу, образованном правым берегом р. Вымь и левым берегом р. Ворыква (Рябцева. Отчет 1989 г. Табл. 3). Стоянка исследовалась в 1989 г. Е.Н. Рябцевой. В раскопе площадью 240 кв. м расчищены две ямы, зольно-углистое пятно, найдены фрагменты глиняных сосудов, кальцинированные кости животных, кремневые изделия и неопределимый обломок железного предмета. Ямы округлой и овальной в плане формы с покатыми стенками и округлым дном.

В коллекции насчитываются обломки не менее чем от 21 сильно фрагментированного сосуда (рис. 4, 6–7; 5, 1–6). Большая часть сосудов с прямой или отогнутой наружу невысокой шейкой, слабовыпуклыми плечиками. Три сосуда не профилированы. На шейке одного из сосудов имеется воротничок (рис. 5, 7). Орнамент содержится на 18 сосудах, два из них декорированы только ямками, один – не орнаментирован вовсе. Венчик плоский, округлый, г-образный по форме. Орнамент по венчику нанесен на девяти сосудах и выполнен зубчатыми отпечатками, вдавлениями, шнуром. По шейке и плечикам узоры нанесены зубчатым штампом, ямками, шнуром. Полностью орнаментальная зона сохранилась на трех сосудах (рис. 5, 1–3). Два из них украшены отпечатками шнура и ямками, один – зубчатым штампом, шнуром и ямками. Ямки нанесены в основании шейки. В одном случае они расположены поверх шнуровых линий, в двух других разделяют их. Горизонтальные ряды наклонно поставленного зубчатого штампа открывают и замыкают орнаментальную зону.

Еще два сосуда украшены только ямками, один – не орнаментирован (рис. 5, 4–6). Коллекция каменных изделий представлена отходами кремневого производства (217 экз.), одним дротиком, двумя ножевидными орудиями, 53 скребками (Рябцева. Отчет 1989 г. С. 5). С ананьинским комплексом уверенно можно связать скребки, изготовленные из серого кремня, рабочий край которых обработан крутой ретушью (рис. 5, 7–8). Автором раскопок памятник отнесен к ананьинскому

периоду раннего железного века (Рябцева. Отчет 1989 г. С. 6).

Исследованные университетскими археологами памятники являются типичными стоянками охотников и рыболовов, для которых характерна незначительная мощность культуросодержащих отложений (подзол и верхняя часть материкового песка), концентрация находок в кострищах и ямах и в пространстве, непосредственно прилегающем к ним. На исследованных памятниках не зафиксированы остатки жилищ. На поселении Шомвуква II прослежено использование в качестве жилища жилого сооружения эпохи бронзы. Как неспециализированное кострище производственно-бытового назначения, предназначенное для группового обжига керамики, Г.Н. Лысюк и Ю.В. Паршуков интерпретируют, как было указано выше, яму Д на поселении Усть-Кедва III.

Керамическая коллекция памятников насчитывает обломки не менее чем от 44 сосудов. Большая часть из них сильно фрагментирована. Судя по наиболее полно сохранившимся фрагментам, эти емкости с уплощенным, округлым, грибовидным венчиком, прямой или слегка отогнутой наружу невысокой шейкой, плавным переходом от нее к слабовыпуклому тулову. В керамическом тесте преобладает примесь дресвы, зафиксированы раковина, жидкая органика. Большинство сосудов орнаментированы по венчику и в верхней части тулова (шейка и плечики). Венчик декорирован у 26 из них. Орнамент выполнен двух-трехзубыми отпечатками зубчатого штампа, вдавлениями, зигзагом, выполненным гладким штампом, шнуром. В верхней части туловища украшен 41 сосуд. Узоры нанесены зубчатыми отпечатками, ямками, шнуром, гладким штампом. Полностью орнаментальная зона сохранилась у 23 экземпляров.

В целом коллекцию можно охарактеризовать как ямочно-гребенчато-шнуровую. Форма, примеси к глиняному тесту, орнамент позволяют включить керамику исследованных поселений и стоянок в круг, выделенных В.И. Канивцом, памятников типа Ластва (позднеябежских по Г.М. Бурову), распространенных на ЕСВ в VIII–VI вв. до н.э. (Канивец, 1974. С. 129–136; Буров, 1965. С. 174–175; 1989. С. 2–3; Ашихмина, Васкул, 1997. С. 324–325). Л.И. Ашихмина отнесла памятники, подобные

вышеописанным, к первой стадии развития керамики ананьинского времени в бассейнах рек Вычегды, Северной Двины и Мезени (Ашихмина, 1985, С. 32). Обращает на себя внимание крайне незначительное количество в поселенческих комплексах в верховьях р. Выми более поздних материалов ананьинского времени, которые В.И. Канивец выделил в культурный тип Перный (Канивец, 1974. С. 136–137), а Г.М. Буров связывал напрямую с ананьинской культурой Волго-Камья, предполагая переселение носителей этой культуры на территорию европейского Северо-Востока (Буров, 1965. С. 176–180; 1989. С. 4–5). Один сосуд обнаружен на поселении Усть-Кедва III, еще по одному – на стоянках Усть-Ворыква I (Кордон) и Усть-Ворыква II (рис. 5, 6–7; Семенов, Игушев, 2003. С. 130, рис.), где найдены вместе с раннеананьинской керамикой. Этот факт требует дополнительных исследований, так как перныйские памятники хорошо представлены в Синдорском археологическом микрорайоне, а также ниже по течению на р. Вымь (поселение-мастерская Весляна IV, поселения Ягу-яр, Ниремка I)*.

Литература

Археологическая карта Республики Коми. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 2014. 416 с., илл.

Ашихмина Л.И. Культуры эпохи раннего железа в этногенезе народа коми // Проблемы этногенеза народа коми. Сыктывкар, 1985. С. 20–34. (Труды ИЯЛИ; Вып. 36).

Ашихмина Л.И., Васкул И.О. Памятники ананьинской культурной общности //

* Исследование выполнено в рамках темы научно-исследовательской работы «Заселение и освоение циркумполярной зоны северо-востока Восточно-Европейской равнины и Урала по данным археологии» (2017–2019 гг.).

Археология Республики Коми. М.: ДиК, 1997. С. 314–348.

Буров Г.М. Вычегодский край. Очерки древней истории. М.: Наука, 1965. 198 с.

Буров Г.М. Ранний железный век Крайнего Европейского Северо-Востока. Симферополь, 1989. 47 с. Деп. № 38239.

Канивец В.И. Печорское Приполярье. Эпоха раннего металла. М.: Наука, 1974. 150 с.

Каталог археологических коллекций / Сост. Т.И. Чудова. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 1996. 54 с.

Паршуков Ю.В., Лысюк Г.Н. Керамика поселения Усть-Кедва III (механизмы адаптации гончарной технологии) // Геолого-археологические исследования в Тимано-Североуральском регионе. Доклады 6-й научной студенческой конференции. 30 октября 2003 г. Сыктывкар: Геопринт, 2003. С. 68–79.

Рябцева Е.Н. Отчет Приуральского археологического отряда экспедиции СГУ в 1989 г. Сыктывкар, 1990 // Архив музея археологии и этнографии СыктГУ. Ф.2. Д. 53. 44 л.

Савельева Э.А., Васкул И.О. Поселение раннего железного века Весляна IV // Труды Национального музея РК. Сыктывкар, 2000. Т. 2. С. 64–68.

Семенов В.А., Несанелене В.Н. Европейский Северо-Восток в эпоху бронзы (по материалам раскопок Сыктывкарского университета). Учебное пособие. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 1997. 169 с.

Семенов В.А., Игушев А.Р. Усть-Ворыква II – разновременный памятник в долине р. Вымь // Вестник Сыктывкарского университета. Серия История. Философия. Политология. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2003. Вып. 4. С. 129–133.

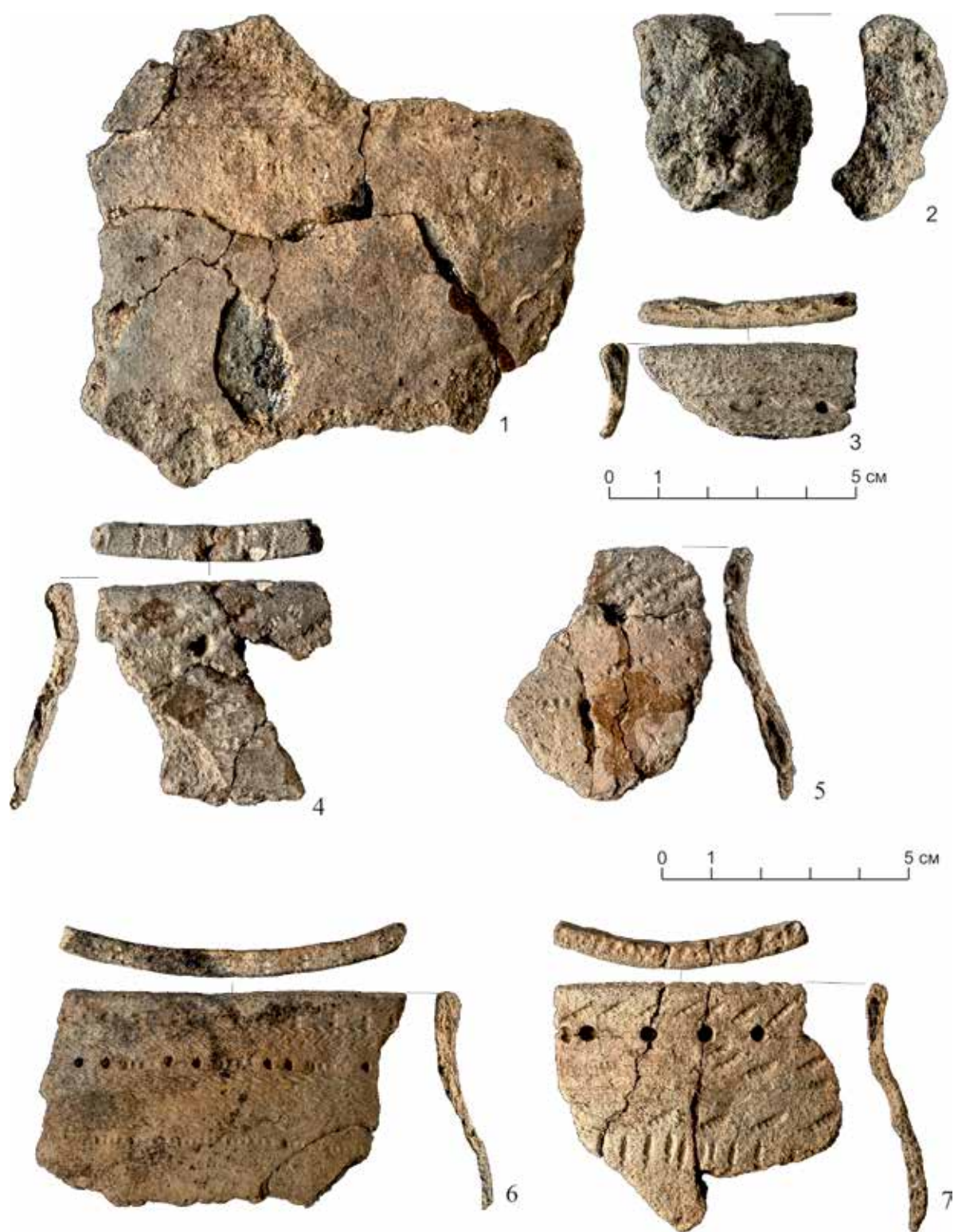

Рис. 1. Памятники ананьинского времени в бассейне р. Выми.

1–3 – поселение Шомвуква II. 1, 3 – обломки глиняных сосудов, 2 – обломок тигля. 1–3 – глина.

4–7 – поселение Усть-Кедва III. Керамика

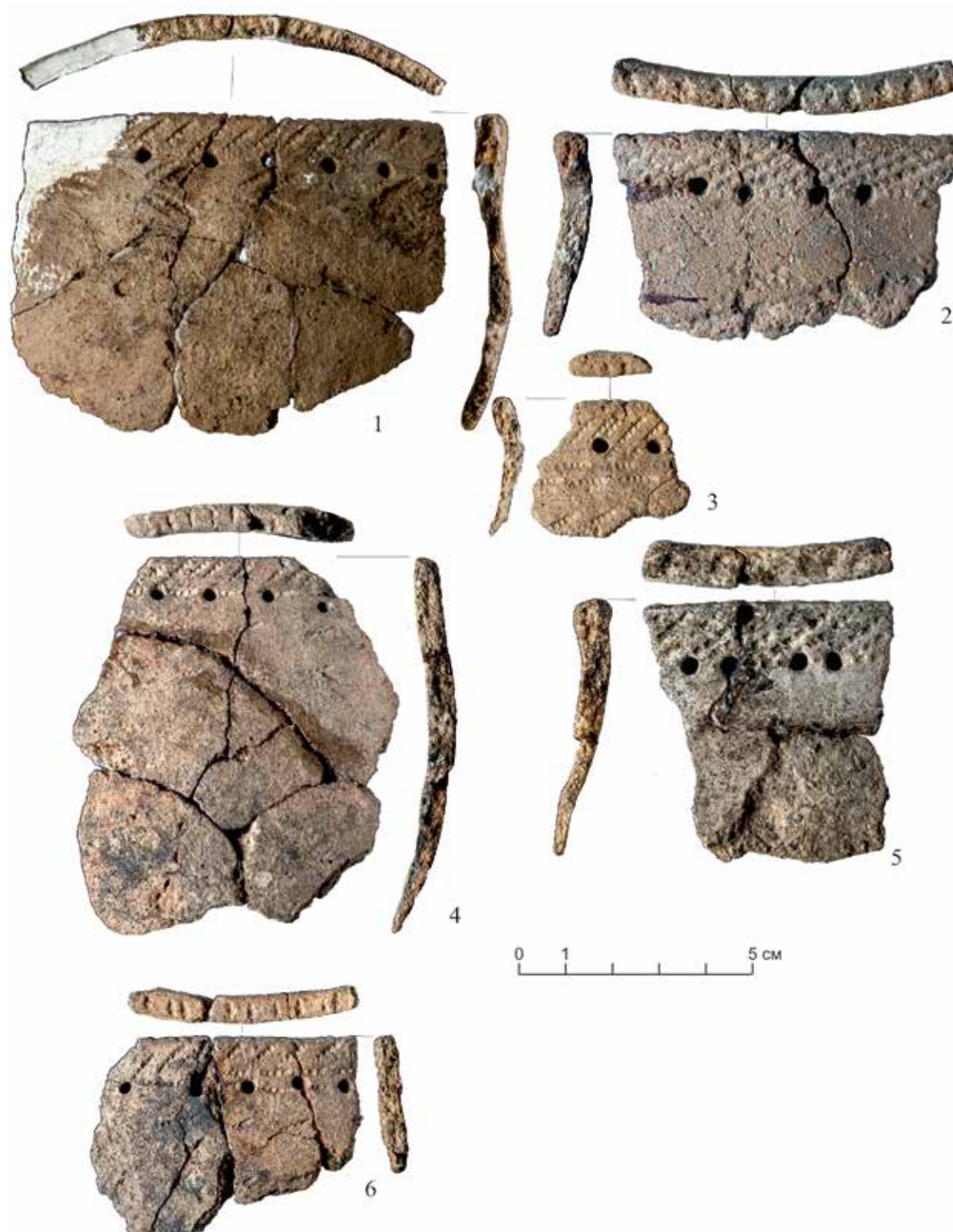

Рис. 2. Памятники ананьинского времени в бассейне р. Выми.
Поселение Усть-Кедва III. Керамика

Рис. 3. Памятники ананьинского времени в бассейне р. Выми.
Поселение Усть-Кедва III. Керамика

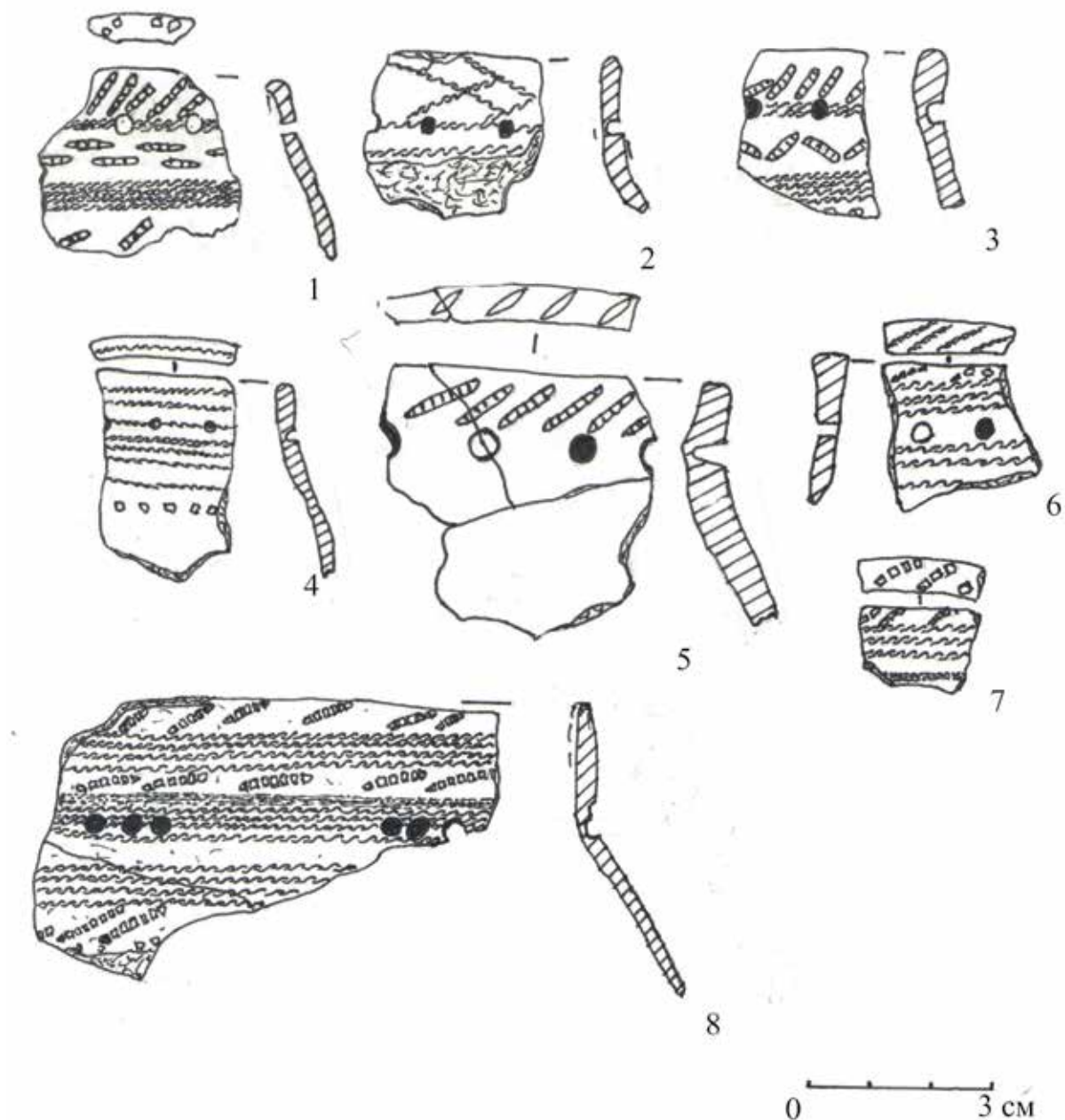

Рис. 4. Памятники ананьинского времени в бассейне р. Выми.
1–5, 8 – поселение Усть-Кедва III. 6–7 – стоянка Усть-Ворыква I (кордон). Керамика

Рис. 5. Ананьинские памятники в бассейне р. Выми. Стоянка Усть-Ворыква I (Кордон).
Инвентарь: 1–6 – керамика, 7–8 – кремневые скребки

А.Ф. Мельничук, Д.А. Майстренко, М.А. Перескоков, А.А. Ракишин, Э.В. Чурилов

ПЕРВЫЕ СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ДРЕВНОСТИ РЕКИ ВЕСЛЯНЫ ПЕРМСКОГО КРАЯ

Представлены материалы новых средневековых памятников слабоизученной археологически территории бассейна р. Весляны в Северном Прикамье. Выявленные древности характеризуют особенности быта и хозяйства охотников и рыболовов ванвиздинской, вымской и родановской культур. Новые данные свидетельствуют, что значительная часть территории Северного Прикамья входила в ареал обитания населения ванвиздинской культуры, родственной ломоватовским древностям.

Ключевые слова: Северное Прикамье, р. Весляна, ванвиздинская, вымская, родановская культуры, средневековье.

A.F. Melnichuk, D.A. Maystrenko, M.L. Pereskokov, A.A. Raksin., E.V. Churilov

THE MEDIEVAL SETTLEMENTS ON THE VESLYANA BASIN IN THE NORTHERN KAMA REGION

Presents materials of new medieval archeological monuments from the territory of the river basin Veslyana in Northern Kama region. Revealed ancient features characterize the household and the economy of hunters and fishermen vanvizdino, rodanovo and vym cultures. New data show that a significant part of the territory North of the Kama region was part of the area of the population vanvizdino culture, related lomovatka antiquities.

Keywords: Northern Kama region, Veslyana river, vanvizdino, Vym', rodanovo cultures, middle age.

Бассейн р. Весляны, крупного притока р. Камы в Северном Прикамье, долгое время не подвергался археологическому изучению. Достаточно сказать, что с этой территории до 70-х гг. XX в. в музейные собрания Пермского края не поступило ни одной археологической находки. Лишь в 1975–1976 гг. отрядом Камской археологической экспедиции Пермского университета под руководством К.М. Русановой была проведена разведка на берегах р. Весляны в окрестностях пос. Керос и Усть-Чёрная. В приустьевой части р. Чёрная, правого притока р. Весляны в окрестностях пос. Усть-Чёрная Гайнского района Коми-Пермяцкого округа Пермского края был выявлен комплекс древних поселений (Усть-Чёрная I–IX), содержащих материалы от неолита до раннего средневековья (Вильданов, Коренюк, Кулябина и др., 1996. С. 252; Коренюк, Майстренко, Мельничук, 2011. С. 177–178). В 2013 г. отрядом Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН под руководством Д.А. Майстренко обследовано поселение Усть-Чёрная IX. В 2016 г. отрядом КАЭ ПГНИУ под руководством А.Ф. Мельничука проведена разведка по течению р. Весляны от пос. Керос до пос. Усть-Чёрная, в ходе

которой выявлено шесть новых археологических объектов. Привлекают внимание поселения Золотуха и Усть-Руч, содержавшие яркие средневековые материалы. Другие памятники (Бор Верещатник, Гаваньский Кордон, Визяха, Усть-Чёрная X) представлены «чистыми» комплексами от эпохи позднего энеолита до начала раннего железного века.

В связи с тем, что в советское время по р. Весляне осуществлялся молевой сплав, а по её берегам располагались плотбища, поверхность почти всех наиболее высоких песчаных террас срезана на глубину до 1 м, до слоя древнего руслового галечника, отчего, по словам местных жителей, ранее глубокая река с каменистым дном значительно обмелела. Археологические памятники, явно располагавшиеся на них, подверглись полному разрушению. Наиболее хорошо они сохранились на относительно низких террасах, подступы к которым осложнены заболоченными котловинами (Визяха, Бор Верещатник) и на дальних прибрежных участках старичных водоёмов (Гаваньский Кордон).

Поселение Золотуха. Памятник расположен в 0,7 км к ЮВ от устья р. Золотуха правого притока р. Весляны и приурочен к поверхности песчаной боровой террасы левого

берега р. Весляна, высотой до 4 м над ее уровнем. Поверхность площадки поселения относительно ровная и слабо покрыта лесом. В советское время она использовалась под плотбище, отчего на ней естественные природные почвенные слои сильно повреждены и перетолжены, включая и культурный слой выявленного памятника. Лишь в северной части памятника на мысу, образованном с запада руслом р. Весляны, а с севера–северо-востока небольшим логом, относительно неплохо сохранились древние культурные напластования. Предполагаемая площадь поселения 4,5 тыс. кв. м.

В мысовидной части памятника заложен разведочный раскоп площадью 16 кв. м. В нем под дерново-почвенным слоем выявлен культурный слой в виде серо-коричневого песка с угольками, залегающий над частично сохранившимся подзолом и материковым желтоватым песком. Мощность слоя 4–14 см. В его южной части в пределах темной углистой линзы собрано большое количество расколотых костей животных со следами воздействия огня, среди которых выделялись челюсти бобра и кости пернатых. Скорее всего, данный объект представляет собой остатки достаточно позднего охотничьего становища, относящегося к 40–70-м гг. XX в.

Всего в пределах разведочного раскопа найдено 80 средневековых предметов. Керамика представлена 18 фрагментами лепных сосудов. Она сильно измельчена. Поверхность значительной части фрагментов пористая в результате выщелачивания раковинной примеси в тесте. Часть фрагментов обладала примесью песка. Поверхность посуды подвергалась грубой обработке в виде беспорядочной штриховки при помощи щепы или травы. Найдено всего два мелких венчика от слабопрофилированных сосудов (рис. 1, 2–3). С орнаментальным декором обнаружено три фрагмента керамики. Наиболее выразителен венчик сосуда, декорированный по шейке плотными рядами наклонных отпечатков гребенчатого штампа, а по торцу – косыми отпечатками этого узора (рис. 1, 3). Интересен фрагмент, орнаментированный оттисками подковообразного гребенчатого штампа (рис. 1, 4). Третий обломок посуды декорирован наклонными мелкозубчатыми отпечатками (рис. 1, 1). По облику керамика

близка сосудам северного варианта родановской культуры древних коми-пермяков, хотя имеет много общего и с материалами средневековых памятников средней Вычегды (Савельева, Истомина, Королёв, 1997. Рис. 24, 14; Савельева, 2010. Рис. 193, 2). Орнаментация сосудов гребенчатым подковообразным штампом характерна для родановских древностей, в частности, для керамических материалов Кудымкарского, Гырчиковского (Юсьвенского) и Купроского городищ X–XIII в бассейне р. Иньвы (Мельничук, 1995. С. 16; Сарапулов, Юркова, 2016. Рис. 5, 7).

В центре и южной части раскопа собраны фрагменты (17 экз.), очевидно, от одного медного котелка: стенки и ушки для подвешивания (рис. 1, 14–15). Подобные металлические сосуды были широко распространены на памятниках родановской культуры (Рождественское городище и др.), с начала XII в. (Белавин, Крыласова, 2008. С. 207–208. Рис. 130, 1–6; 131, 1, 2, 4). По данным исследования К.А. Руденко, котлы данного типа (М-4) производились в XII – второй половине XIII в. (Руденко, 2000. С. 29–32, Рис. 5, М-4; Рис. 9, 1, 2; Рис. 10–11). Возможно, концентрация фрагментов этого медного сосуда на раскопе следует рассматривать как своеобразный лом для выплавки новых изделий. Вместе с этими находками выявлены медные литники, очевидно, связанные с этим же котлом. Привлекает внимание серебряное с темной патиной округлое проволочное височное кольцо (рис. 1, 5). Подобные женские украшения бытовали в пермских древностях уже в ломоватовскую эпоху (VII–IX вв.) и характерны для памятников родановской культуры во второй половине X–XI вв. (Белавин, Крыласова, 2008. С. 264. Рис. 181, 10). Из металлических изделий следует отметить также два железных предмета в виде небольших стержней, являющиеся обычной находкой на памятниках родановской культуры, связанных с металлургическим производством (Головчанский, Мельничук, Рублев и др., 2011. С. 55–56. Рис. 11–28). К средневековому комплексу относятся девять кресальных кремней (рис. 1, 9–13). Они производились из руслового цветного галечника и коричневатого полупрозрачного халцедона.

К более раннему хронологическому горизонту (очевидно, неолит) относятся три

кремнёвых предмета. Среди них концевой скребок на пластинчатом отщепе из сероватого бежевого кремня (рис. 1, 8), узкая ножевидная пластина из прозрачного серо-коричневого халцедона (рис. 1, 7) и короткое широкое сечение пластины с дорсальной и ventральной краевой ретушью из серого кремня (рис. 1, 6). Эти предметы выявлены в верхней части материкового желтоватого песка. Таким образом, поселение Золотуха – памятник двухслойный. Нижний слой относится, очевидно, к эпохе неолита, а верхний – связан с деятельностью охотников и рыболовов северной общины средневековой родановской культуры коми-пермяков и датируется по выявленному материалу в пределах XI – первой половины XIII в.

Поселение Усть-Руч. Памятник расположен на площадке левобережной песчаной террасы р. Весляны, возвышающейся над уровнем реки на 2–3 м. Северный пологий склон террасы, обращённый к устью р. Руч, переходит в ровные пойменные луга этого водоёма. Значительная часть террасы, судя по рельефу её площадки, сильно потревожена во время создания плотбища. Только в центральной её части сохранился небольшой «островок», покрытый в основном хвойной растительностью (50х25 м), где почвенные естественные образования сохранились более или менее удовлетворительно. Памятник обнаружен в ходе осмотра береговых абразионных обнажений, в осыпях которых собраны фрагменты средневековой лепной посуды.

В месте обнаружения находок был заложен разведочный раскоп площадью 17 кв. м, который примыкал к разрушенному береговой абразией западному краю террасы. В связи с этим стратиграфия памятника прослежена только по трём стенкам раскопа: 1) лесная подстилка в виде тёмного гумусированного песка с включениями растительного перегноя, мощностью от 2 до 5 см; 2) тонкий культурный слой в виде серо-коричневого песка с угольками и находками средневековых предметов, мощностью от 4 до 8 см, в углублениях 20 см; 3) слой светлого оподзоленного песка, мощностью от 5–30 см, в углублениях до 40 см; 4) материк – желтоватый мелкозернистый песок.

В северо-восточной части раскопа отмечено углубление, связанное с остатками

металлургического объекта эпохи раннего средневековья, верхняя часть которого явно разрушена в результате новейшего антропогенного воздействия (рис. 2, А). Его очертания, проявившиеся после снятия слоя лесной подстилки, были очень расплывчаты и невзрачны. Наиболее чётко они фиксировались на уровне 0,43–0,55 м от нулевой точки и распадалась как бы на две части. Южная часть объекта имела форму близкую к овальной (1,4х1 м), а северная представляла своеобразный вытянутый удлинённый вход в основное углубление длиной 1,4 м и шириной 0,6 м. По разрезам отмечено (рис. 2, Б), что восточная и южная части овального углубления были заполнены тёмным углистым слоем (слой 4), который проникал, минуя светлый подзол, в материк на глубину до 0,2 м. В западной части его заполнение представляло собой серо-коричневый песок с угольками (слой 3), который углублялся в светлый подзол на 0,22 м (слой 2). При переходе овального углубления к выходу отмечалась своеобразная перемычка, где углистый слой имел мощность до 4 см. Заполнение «перехода» представляло собой сверху в центре слой серо-коричневого песка с угольками, мощностью до 0,24 м, который подстилался тёмной углистой линзой, мощностью от 0,1 до 0,24 м. Общая мощность напластований в углублении достигала 0,4 м. К северу в непосредственной близости от него выявлены две столбовые ямы. В заполнение объекта собраны мелкие фрагменты ванвиздинской посуды, обожженной глиняной обмазки, обломки тиглей, медные шлаки и выплески металла.

Средневековый вещевой комплекс в основном тяготел к остаткам углублённого объекта, связанного с металлургическим производством. Его можно разделить на два культурно-хронологических горизонта:

1. Ванвиздинская культура эпохи раннего средневековья (VII–VIII вв.);

2. Позднее средневековье (XIII–XIV вв.).

На площадке памятника собрано более 500 фрагментов измельчённой керамики, подавляющее большинство которой относится к раннему средневековью. По венчикам выделено восемь сосудов ванвиздинского облика, с примесью песка и иногда слюды в глиняном тесте. Сосуды, судя по венчикам, были слабопрофилированные. Первый сосуд

по шейке был декорирован горизонтальным рядом округлых ямок, которые проецировали на внутреннюю часть сосуда слабые выпуклины-жемчужины. Под срезом венчика над пояском ямок-жемчужин следовал горизонтальный ряд овальных мелкоямочных вдавлений. Ещё один ряд этого декора отмечен ниже пояса глубоких ямок (рис. 2, 3). Второй тонкостенный сосуд по шейке также украшен пояском круглых ямок. Ниже следовал узор в виде двойного гребенчатого зигзага. Срез венчика декорирован наклонными отпечатками гребёнки (рис. 2, 1). Третий сосуд по шейке орнаментирован пояском округлых ямок со слабыми жемчужинами на внутренней стороне. Под срезом венчика над пояском ямок следовал ряд вертикальных гребенчатых отпечатков, а ниже, ближе к тулову, декор в виде двойного гребенчатого зигзага. Срез венчика орнаментирован косыми отпечатками гребёнки (рис. 2, 7).

Четвёртый и пятый сосуды декорированы по шейке только округлыми неглубокими ямками (рис. 2, 8–9). Шестой сосуд украшен под срезом венчика двойным горизонтальным рядом мелкоямочных вдавлений, которые ниже переходят в тонкие мелкозубчатые наклонные оттиски. Венчик декорирован наклонными отпечатками гребенчатого штампа (рис. 2, 4). Седьмой сосуд также украшен по шейке горизонтальным рядом ямок со слабыми жемчужинами на внутренней стороне, ниже которых отмечаются оттиски шнура. Срез венчика декорирован гладкими вдавлениями (рис. 2, 2). Восьмой сосуд с плоским срезом венчика украшен под ним неглубокими овальными вдавлениями, выполненными в отступающей технике, ниже отмечены отпечатки косо поставленного гребенчатого штампа, которым также декорирован срез венчика (рис. 2, 5).

К ванвиздинскому комплексу относятся орнаментированные фрагменты стенок. Среди них выделяется обломок тонкостенного небольшого сосуда украшенного тремя рядами мелкоямочных вдавлений. Остальные фрагменты декорированы различными оттисками гребенчатого штампа, иногда образующим узор в виде ёлочки (рис. 2, 6). С ванвиздинской керамикой связаны выявленные остатки металлургического объекта, где обнаружены около 10 фрагментов глиняных тиглей с медно-бронзовой ошлаковкой, среди которых

выделяется рюмкообразный (рис. 3, 15–16). Подобные изделия на ванвиздинских памятниках характерны для VII–VIII вв. (Мурыгин, 2001. Рис. 56, 91). О существовании здесь серьёзного меднолитейного производства свидетельствуют большое количество находок обожжённой глиняной обмазки, кусков глины с медной ошлаковкой и медные шлаки.

Выявленный на поселении Усть-Руч ванвиздинский материал по своему облику близок к вещественным комплексам ванвиздинской культуры поселений Кужим II и Ошчой I (жилище 5) в бассейне р. Мезени (Мурыгин, 2001. Рис. 8, 5, 6, 10, 11, 12; 45; 46). Ванвиздинские материалы поселения Усть-Руч следует датировать в пределах VII–VIII вв.

К позднесредневековому комплексу относится меньшее число сильно фрагментированных сосудов, представленных в основном стенками (до 50 фрагментов). Крайне фрагментированных венчиков немного (3 экз.). Они без орнамента и имеют обычно уплощенный срез. К этому комплексу принадлежат фрагменты стенок, декорированные горизонтальными рядами разреженных ямочных пальцевых вдавлений (рис. 2, 10–11). Подобный орнамент характерен для памятников северного варианта родановской культуры древних коми-пермяков. Значительный комплекс посуды с этим декором собран при раскопках Чашкинского II поселения и Сёминского городища X – I пол. XIII вв. (Головчанский, Мельничук, Рублев и др., 2011. С. 53. Рис. 4, 6, 8, 11, 14, 16; Мельничук, Скорнякова, 2007. Рис. 4, 3). На памятниках вымской культуры древних коми-зырян посуда с пальцевыми ямочными вдавлениями, в частности в погребальных комплексах Жигановского городища (№ 161, 166), датирована второй половиной XII в. (Савельева, 2010. Рис. 168, 12; 186, 5). Наверняка, сосуды с подобным декором доживали в общинах родановской и вымских культур до середины XIII в.

Выделяется группа неорнаментированных фрагментов лепных сосудов (к сожалению, венчиков не найдено), насыщенных песком, дресвой и иногда слюдой, по технике обработке своих стенок, напоминающих средневековую русскую кружальную керамику. Такая керамика ассоциируется с поздней керамикой вымской культуры древних коми (зырян) XIII–XIV вв. Аналогичная

посуда была выявлена в ходе исследования Искорского городища в Северном Прикамье (Мельничук, Оборин, 1989, С. 79, 80).

Вместе с поздневымской керамикой собраны фрагменты неорнаментированной кружальной средневековой русской посуды. К сожалению, не выявлено венчиков. Следует отметить лишь крайне малый фрагмент профилированной шейки сосуда. Датировку кружального комплекса помог определить фрагмент керамики, покрытый многорядным линейным прочерченным орнаментом (рис. 2, 12), свойственным для посуды Руси XII–XIV вв. В настоящее время это самая ранняя находка средневековой русской керамики на территории Северного Прикамья. До этого значительный комплекс ранней средневековой русской кружальной посуды был выявлен В.А. Обориным в ходе исследований Кыласова (Анюшкар) городища родановской культуры в устье р. Иньвы (Макаров, 2001. Рис. 67, 7, 9).

Значительный пласт аналогичной кружальной средневековой русской керамики выявлен на памятниках вымской культуры: Пожегское городище (конец XII – XIV в.), Жигановское поселение и могильник (погр. №9, 178 – II пол. XII в.) и др. (Савельева, Кленов, 1997. Рис. 14: 19, 53; Савельева, 2010. Рис. 43, 3: 197, 11). Исключительный интерес вызывает фрагмент стенки кругового средневекового сосуда, украшенного наклонными оттисками гребенчатого штампа (рис. 2, 14). Характерно, что круговая керамика с зубчатым декором отмечена со средневековой русской посудой на Пожегском городище вымской культуры (XII–XIV вв.), материал, которого, по мнению исследователей, свидетельствует о биэтничности его населения: древнерусский и местный древнепермский этнические компоненты (Савельева, Кленов, 1997. С. 666; Рис. 13, 7).

С этим позднесредневековым комплексом связаны два железных наконечника остроги (рис. 3, 12–13). Длина наконечников 17,5 и 18,2 м. Зубцы орудий одношипные, каплевидные в сечении. Верхняя их часть отогнута для крепления к древку. Аналогии среди рыболовных изделий Старой Ладogi, исследованных И.И. Тарасовым, позволяют прийти к выводу, что найденные на поселении Усть-Руч орудия могли входить в состав трёхчастной (трёхзубой) остроги. Такие остроги использовались в таёжной полосе Восточной Европы

с раннего средневековья до новейшего времени (Тарасов, 2001. Рис. 1, с, е). Аналогичный наконечник остроги был выявлен на родановском Сёминском городище, функционировавшем в X–XIII вв. (Мельничук, Скорнякова, 2007. Рис. 9, 7). Как к раннему (ванвиздинскому), так и к позднему (вымскому) горизонтам принадлежат восемь кресальных кремней (рис. 4, 1–3, 5, 6). Изделия изготовлены из кремневых галек невысокого качества и обладают рабочими лезвиями с небрежной чешуйчатой подтёской. Позднесредневековый комплекс поселения Усть-Руч, очевидно, связан с остатками небольшой промысловой стоянки охотников и рыболовов поздней стадии вымской культуры (XIII–XIV вв.).

Второй, наиболее ранний временной комплекс, выявленный на памятнике, принадлежит к гаринской энеолитической культуре. Он представлен фрагментами пористого сосуда с уплощенным Г-образным венчиком и орнаментирован рядами наклонного гребенчатого штампа. Косыми гребенчатыми оттисками украшен плоский срез венчика сосуда (рис. 2, 13). С гаринским культурным горизонтом связаны различные отщепы (13 экз.) и сколы (13 экз.) из цветного галечного кремня, а также бесформенно оббитый нуклеидный кусок. К нему же принадлежали уплощённые аллювиальные гальки причудливых очертаний с красно-бордовой желвачной коркой, имеющие по поверхности первичные следы обработки. Кроме них, на площади раскопа часто встречались подобные образцы речного аллювия без следов человеческой деятельности, явно принесённые сюда энеолитическими охотниками. После исчерпывания ресурсов плитчатого кремня население гаринской культуры в Верхнем и Среднем Прикамье в качестве его замены было вынуждено использовать этот новый источник каменного сырья для производства двусторонне обработанных орудий. На поселении Усть-Руч найдена заготовка наконечника стрелы или ножа с частичной двусторонней обработкой из уплощенной красно-бордовой гальки (рис. 3, 11). Орудия представлены двумя скребками: 1 – трапециевидный на отщепе из розоватого кремня; 2 – концевой на рассеченной удлиненной гальке (рис. 3, 9). Привлекает внимание один скол с ретушью. С энеолитическим комплексом поселения связан также

фрагмент медной иглы или шила (рис. 3, 14). Материалы гаринской культуры стратиграфически тяготеют к контакту светлого подзола с материковым желтым песком.

Небольшой энеолитический комплекс поселения Усть-Руч близок к северным памятникам гаринской культуры, в частности, материалам поселения Корепино I в бассейне р. Колвы и датируется в целом III тыс. до н. э. (Денисов, Мельничук, 2012. Рис. 3). Кроме того, в верхней части материкового песка найдены две ножевидные пластины, одна из которых микролитического характера (рис. 4, 10). Очевидно, данные находки позволяют полагать наличие на площадке памятника следов позднемезолитической или неолитической стоянки.

Поселение Усть-Руч является ярким многослойным памятником бассейна р. Весляны. Хотя значительная часть его утрачена, но сохранился участок памятника, пригодный для исследований. Учитывая, что прибрежный край поселения разрушается береговой абразией, в будущем следует оперативно провести охранные исследования на этом интересном объекте древней культуры.

Поселение Усть-Чёрная IX. Данные о памятнике опубликованы несколько ранее в малодоступном сборнике (Майстренко, Мельничук, 2016). В связи с этим мы обращаемся вновь, с небольшими дополнениями, к материалам этого поселения, которые ярко иллюстрируют новые средневековые древности р. Весляны в представленной статье. Памятник расположен в окрестностях пос. Усть-Чёрная на краю 11-метровой песчаной левобережной террасы р. Чёрная (правый приток р. Весляны). Заложены разведочный раскоп (16 кв. м), шурф (1х1 м) и проведена зачистка обнажения берега. В зачистке и в шурфе выявлены редкие кремнёвые изделия в виде бессистемных сколов и отщепов. В раскопе была собрана информативная коллекция керамики и кремневых предметов.

Керамический комплекс памятника представлен фрагментами чаш типичных для Верхнего Прикамья. По венчикам выделено 32 сосуда, как с закрытой, так и открытой горловиной. Они обладают в большинстве выраженной шейкой и плечиком. Однако отмечаются сосуды и со слабо профилированной шейкой. Венчики чаш часто имеют уплощённый торец,

иногда с расширением кверху. Внешняя поверхность посуды обработана весьма грубо в виде расчёсов, оставленных пучком травы, щепки или гребенчатым штампом. Индекс орнаментации сосудов достаточно высок (93%). По венчику большинство сосудов декорировано насечками или овальными вдавлениями (80%) и в меньшей степени узкими косопоставленными отпечатками гребёнки (20%). По шейке сосуды украшены, учитывая керамику со сложными узорами, различными ямками (47%) и оттисками гребенчатого штампа (33%). Поясок ямок с «жемчужинами» на внутренней стороне сосудов (20%) располагался по шейке чаш как в сочетании с гребёнкой, так и отдельно (рис. 4, 3, 4, 8). Шнуровой декор на керамике отмечался крайне редко (до 7%) только в сочетании с угловым гребенчатым узором (рис. 4, 7). Особо привлекают внимание несколько фрагментов стенок и шеек, скорее всего, от одного сосуда с ямками-жемчужинами, украшенного многорядными прочерченными волнами (рис. 4, 5, 6).

Вызывает интерес небольшой грубо исполненный толстостенный сосудик из плотной глины, орнаментированный кружковым орнаментом, по всей видимости, нанесённый обломком полой трубчатой кости птицы (рис. 4, 2). Сосуды имели пористую поверхность, образовавшуюся в результате выщелачивания раковинной примеси из глиняного теста. Встречены отдельные фрагменты с примесью песка и слюды, свойственной для более северных средневековых памятников бассейна р. Вычегды. Также к керамическому комплексу относится фрагмент глиняного пряслища. О следах цветной металлургии или металлообработке свидетельствуют пять фрагментов ошлакованной глины с выплесками цветного металла (меди или бронзы).

Каменный инвентарь, связанный с раннесредневековым керамическим комплексом, представлен 14 разнообразными скребками, изготовленными из коричневатой или серой аллювиальной гальки (рис. 5, 10–12). Часть из них, судя по характеру обработки, можно квалифицировать как кресальные кремни. Большинство изделий не имело сплошной обработки поверхности, сохраняя желвачную корку. Ретушью оформлялось только рабочее лезвие орудий. Их форма во многом сохраняла естественный вид галек. Выделяются

овальные, прямоугольные и трапециевидные скребки. К каменным орудиям отнесён оселок для заточки железных ножей.

Поселение Усть-Чёрная IX представляет исключительный интерес для дальнейшего изучения. Вещественный материал памятника, особенно керамика, имеет явную близость к посуде памятников ванвиздинского культурного круга бассейна р. Вычегды в Северном Приуралье. Наиболее яркие аналогии проявляются в материалах памятников Шойнаты VI и Угдым II, исследованных в этом регионе К.С. Королёвым (Королёв, 1997. С. 99–112. Рис. 33–36), и поселения Вэрью, исследованного И.О. Васкулом и А.Л. Белицкой (Васкул, 2008; Белицкая, 2013).

Любопытны фрагменты ванвиздинского сосуда с многорядным прочерченным волнистым орнаментом (рис. 4, 5, 6). Характерно, что в глиняном тесте, этого сосуда присутствует примесь песка и слюды. Подобная керамика найдена на ванвиздинских памятниках Северного Приуралья: поселения Шойнаты VI, Угдым II, могильник Угдым II (Королёв, Мурыгин, Савельева, 1997. Рис. 12, 4; 20, 1; Королёв, 1997. Рис. 34, 1; 36, 3). Аналогии волнисто-прочерченной керамике из этого региона К.С. Королёв видит в материалах Агафоновского I могильника ломоватовской культуры в Гайнском районе Верхнего Прикамья, исследованным Р.Д. Голдиной – погребение 203 (Королёв, 1997, С. 130; Голдина, Королёва, Макаров, 1980. Табл. XXXIII).

В Пермском Приуралье лепные сосуды с волнисто-прочерченной орнаментацией выявлены в ходе раскопок Ю.А. Полякова на Назаровском городище (19 сосудов), близ известного могильника Демёнки (Ильинский район, правый берег р. Обвы) и при обследовании В.П. Мокрушиным селища Порозята (5 сосудов – Ильинский район, левый берег р. Обвы). Возможно, эта керамика отражает начало интенсивных связей Верхнего Прикамья с хазаро-раннебулгарским миром, что определяет появление в материальной культуре древнепермского ломоватовского населения предметов и украшений салтовского типа в конце VIII – IX вв. н.э. (Голдина, 1985. С. 132).

Охотники и рыболовы ванвиздинской культуры во второй половине I тыс. до н. э. активно осваивали районы Северного

Прикамья, в частности, бассейн р. Весляны, тесно контактируя при этом с родственными древнепермскими общинами ломоватовской культуры, которые принесли в этот регион и развивали в его пределах новые формы хозяйственной деятельности, основанной на производящей экономике (Оборин, 1969. С. 163; Мельничук, 2002. С. 105–106). Эти активные взаимосвязи продолжались на территории Северного Прикамья между родановскими общинами и населением вымской культуры вплоть до начала массовой русской колонизации региона в XV в. (Мельничук, Оборин, 1989)*.

Литература

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь, 2008. 603 с.

Белицкая А.Л. Поселение эпохи раннего средневековья Вэрью в бассейне средней Вычегды // Известия Коми научного центра УрО РАН. Сыктывкар, 2013. Выпуск 1 (13). С. 90–97.

Васкул И.О. Исследования поселения Вэрью в бассейне средней Вычегды // АО 2006 года. М., 2008. С. 9.

Вильданов Р.Ф., Кореньюк С.Н., Кулябина Н.В., Мельничук А.Ф., Мокрушин В.П. Памятники истории и культуры Пермской области. Материалы к археологической карте Пермской области. Пермь: Изд-во «Арабеск», 1996. Т. I. 299 с.

Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1985. 280 с.

Голдина Г.Д., Королева О.П., Макаров Л.Д. Агафоновский I могильник – памятник ломоватовской культуры на севере Пермской области // Памятники эпохи средневековья в Верхнем Прикамье. Ижевск, 1980. С. 3–66.

Головчанский Г.П., Мельничук А.Ф., Рублёв А.В., Скорнякова С.В. Чашкинское II поселение – крупнейший неукреплённый памятник родановской культуры в Верхнем Прикамье // Вестник Пермского университета. История. 2011. Вып. 1(15). С. 49–64.

Денисов В.П., Мельничук А.Ф. Стоянка Корепино I – первый энеолитический

* Работа выполнена по теме «Весляна – речная магистраль древности и средневековья в Верхнем Прикамье» при поддержке гранта имени Г.А. Бординских.

памятник на р. Колве в Северном Прикамье // Вестник Пермского университета. История. 2012. Вып. 1 (18). С. 67–79.

Коренюк С.Н., Майстренко Д.А., Мельничук А.Ф. Памятники раннего железного века Коми-Пермяцкого округа. Перспективы их выявления и изучения // Музей: новые возможности развития. Материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 90-летию Коми-Пермяцкого краеведческого музея им. П.И. Субботина-Пермяка и 125-летию П.И. Субботина-Пермяка. Кудымкар, 2011. С. 176–179.

Королёв К.С. Население средней Вычегды в древности и средневековье. Екатеринбург: УрО РАН, 1997. 196 с.

Майстренко Д.А., Мельничук А.Ф. Селище Усть-Чёрная IX – раннесредневековый памятник ванвиздинской культуры в бассейне р. Весляны // Музей в современном мире. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию Коми-Пермяцкого краеведческого музея им. П.И. Субботина-Пермяка и 130-летию П.И. Субботина-Пермяка. Кудымкар, 2016. С. 224–228.

Макаров Л.Д. Древнерусское население Прикамья в X–XV вв. Ижевск: Изд. дом. «Удмуртский университет», 2001. 140 с.

Мельничук А.Ф. Средневековое городище близ с. Юсьва // Наш край. Кудымкар: Коми-Пермяцкое кн. изд-во, 1995. Вып. 7. С. 14–18.

Мельничук А.Ф. Этнические процессы и освоение Северного Прикамья в эпоху раннего железа-позднего средневековья // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья: Материалы международной научной конференции (к 30-летию Камско-Вятской экспедиции). Ижевск, 2002. С. 101–109.

Мельничук А.Ф., Оборин В.А. Связи финно-угорских племён Верхнего Прикамья со славянами в XI–XV вв. // Материалы

VI Международного конгресса финно-угроведов. М.: Наука, 1989. Т. 1. С. 79–81.

Мельничук А.Ф., Скорнякова С.В. Сёминское городище – памятник родановской культуры в пределах города Березники Пермской области // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Пермь, 2007. Вып. IV. Рис. 4, 3.

Мурыгин А.М. Археологические памятники ванвиздинской культуры бассейна Мезени. Екатеринбург: УрО РАН, 2001. 218 с.

Оборин В.А. Культурные связи племен Верхнего Прикамья с племенами северо-востока Европы в эпоху железа // Древности Восточной Европы. М.: Наука, 1969. С. 156–167. (МИА. №169).

Руденко К.А. Металлическая посуда Поволжья и Прикамья в VIII–XIV вв. Казань: Изд-во «Репер», 2000. 180 с.

Савельева Э.А. Жигановский могильник. Сыктывкар: Изд-во Коми НЦ УрО РАН, 2010. 454 с.

Савельева Э.А., Истомина Т.В., Королёв К.С. Пермь вычегодская (XI–XIV вв. н.э.) // Археология Республики Коми. М.: ДиК, 1997. С. 561–650.

Савельева Э.В., Клёнов М.В. Древнерусская колонизация Европейского Северо-Востока (XI–XIV вв. н.э.) // Археология Республики Коми. М.: ДиК, 1997. С. 651–691.

Сарапулов А.Н., Юркова Е.В. Лепная керамическая посуда городища Купрос // Седьмые Берсовские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, 2–4 декабря 2014. Екатеринбург: Изд-во КВАДРАТ, 2016. С. 172–181.

Тарасов И.И. Рыболовный инвентарь из Старой Ладogi // Вестник молодых ученых (Серия: исторические науки. 1'01. Специальный выпуск: Археология). СПб., 2001. № 1. С. 69–73.

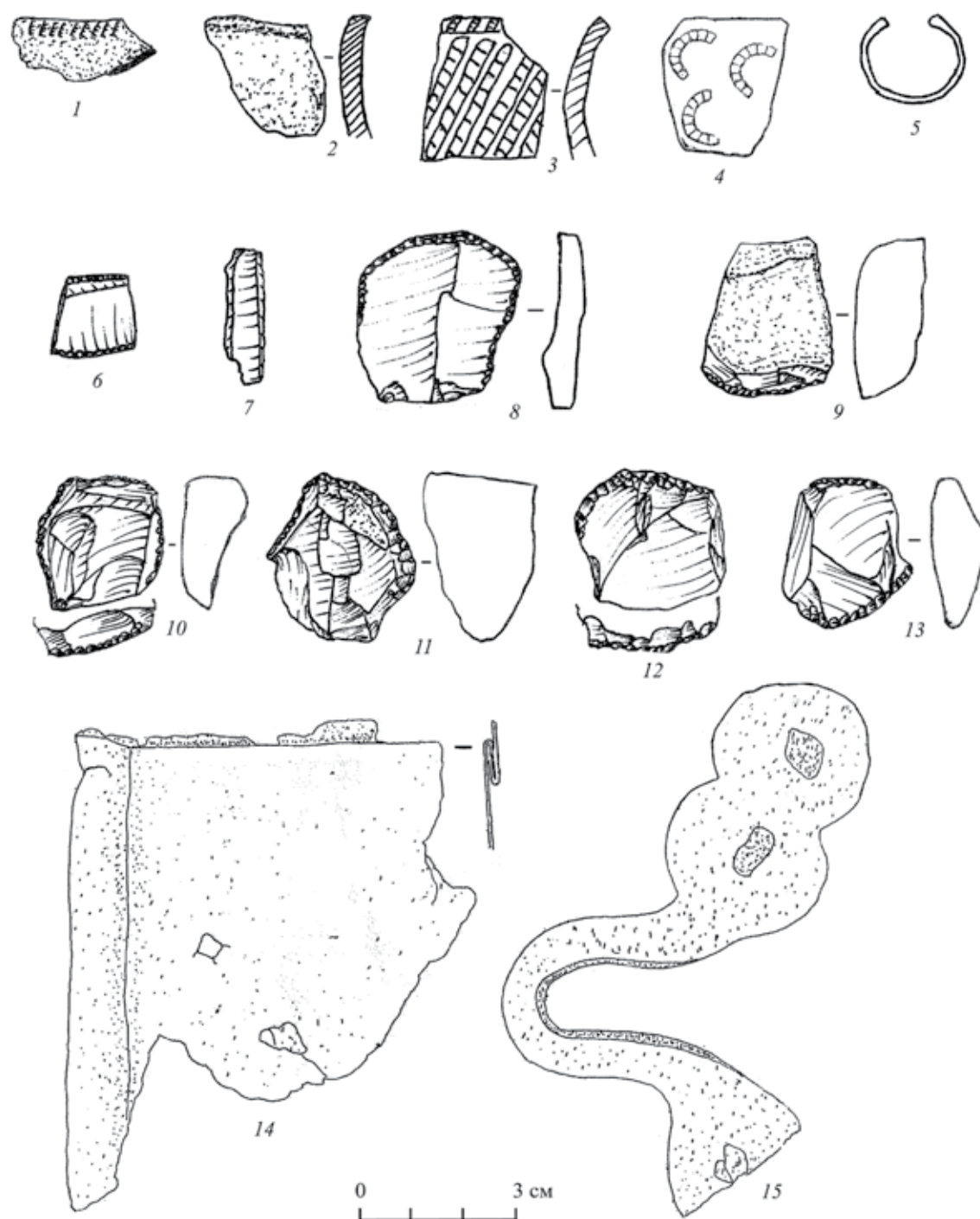

Рис. 1. Поселение Золотуха. Вещественный материал. 1–4 – фрагменты керамики; 5 – височное кольцо; 6–13 – изделия из камня; 14–15 – фрагменты бронзового котла

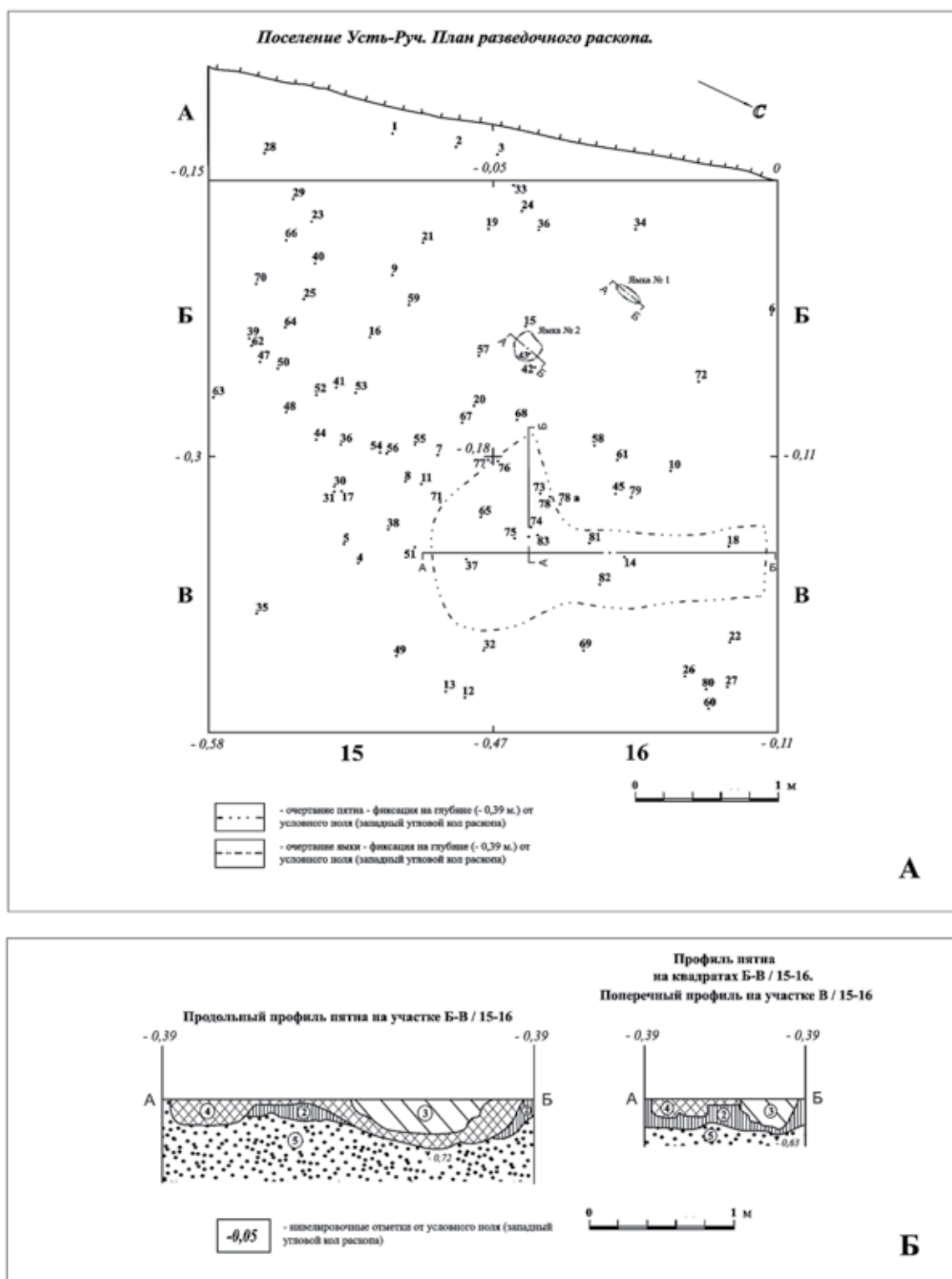

Рис. 2. Поселение Усть-Руч.

А – схема раскопа 2016 г.; Б – схема разреза объекта, связанного с металлургией

Рис. 3. Поселение Усть-Руч. Фрагменты керамики

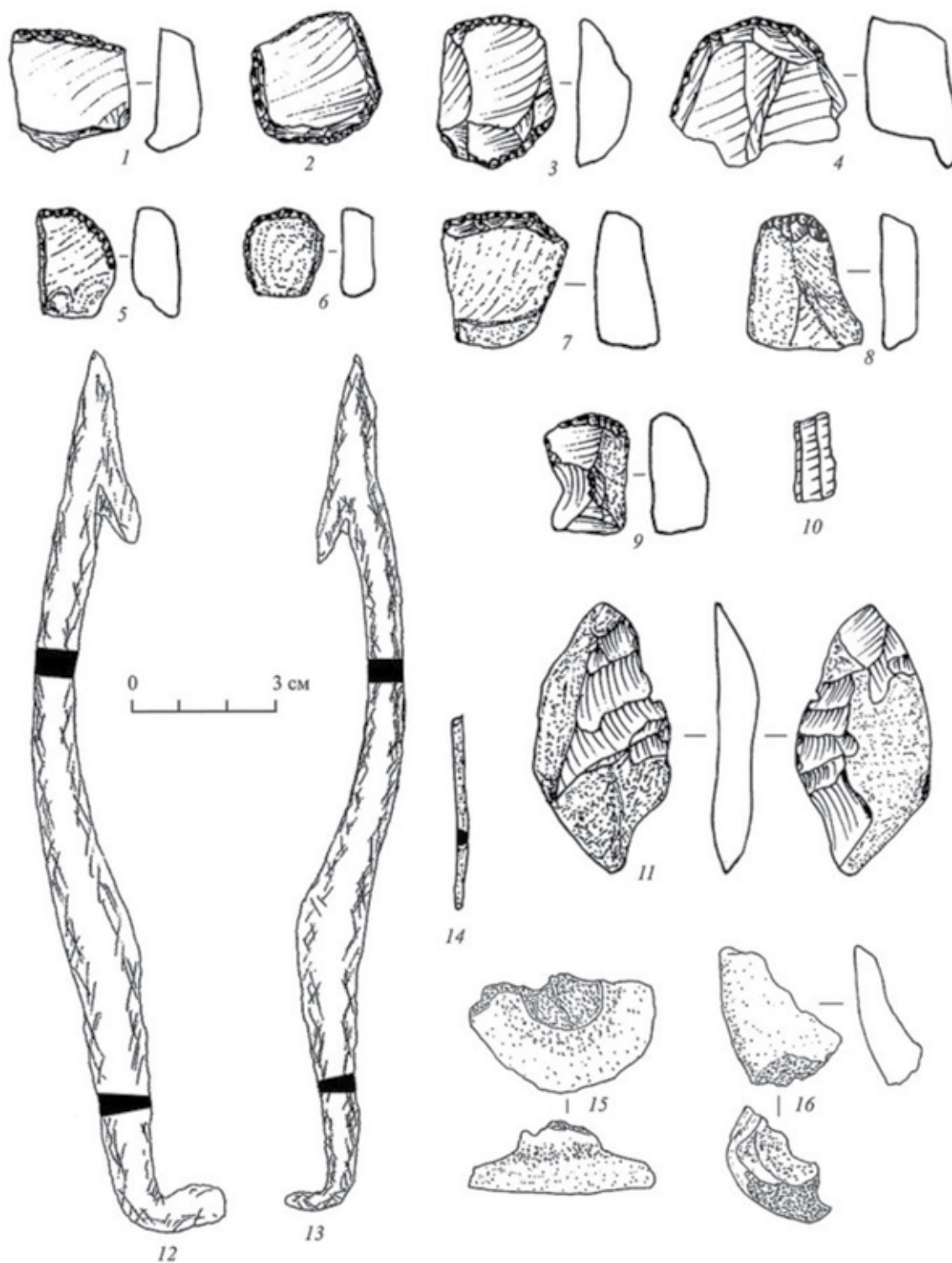

Рис. 4. Поселение Усть-Руч. Вещественный материал.

1-11 – изделия из камня; 12-13 – железные наконечники острог; 14 – фрагмент медного шила;
15-16 – фрагменты глиняных тиглей

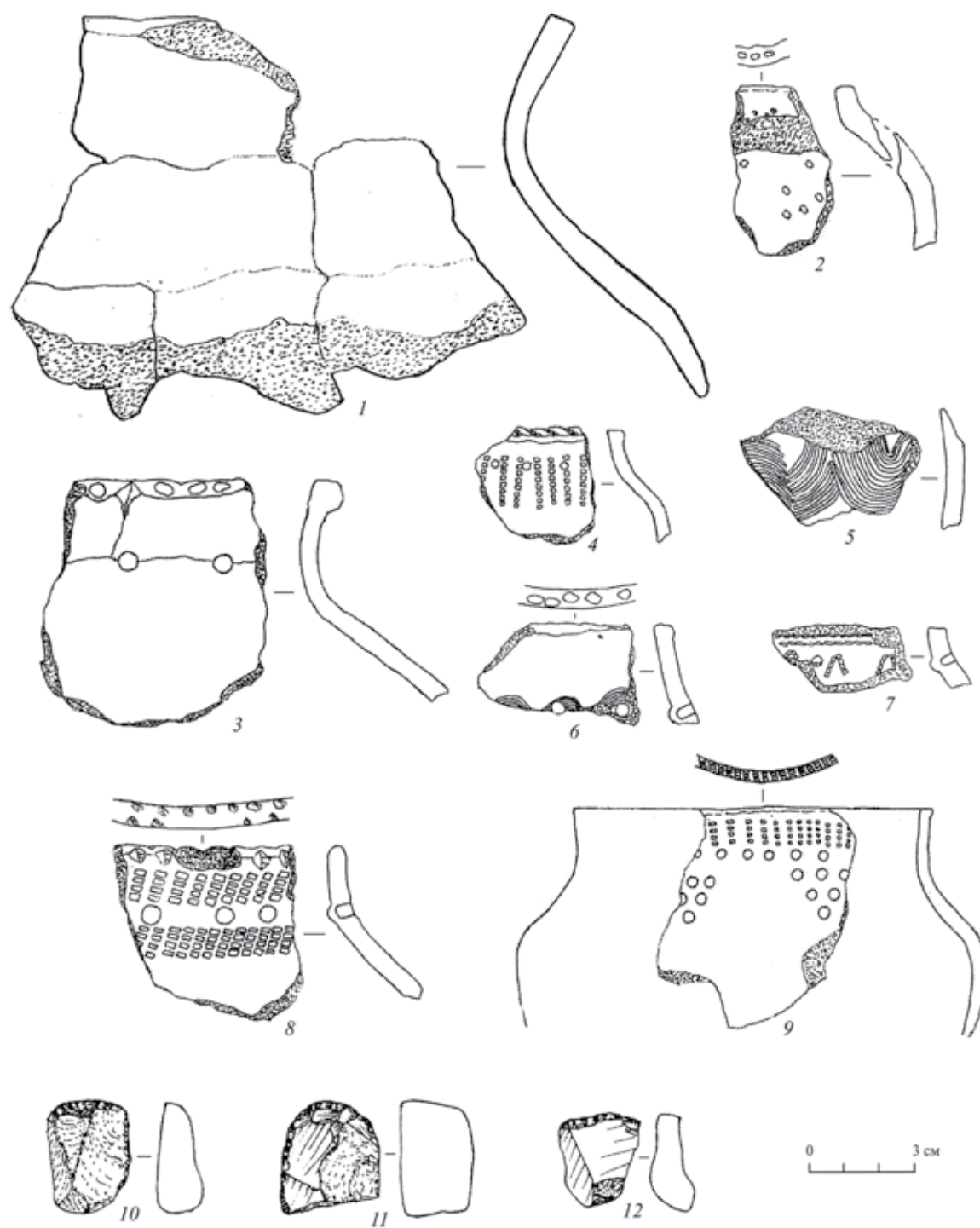

Рис. 5. Поселение Усть-Чёрная IX. Вещественный материал.

1-9 – фрагменты керамики; 10-12 – изделия из камня

А.М. Мурыгин

КЕРАМИЧЕСКАЯ ПОСУДА ПАМЯТНИКОВ ВАНВИЗДИНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ БАСЕЙНА МЕЗЕНИ

В статье обобщены источники по керамическому производству ванвиздинской археологической культуры бассейна Мезени (II пол. I тыс. н. э.). Детально представлены и проанализированы керамические материалы памятников. Выделены хронологические группы керамики, выяснены ее особенности на разных этапах развития культуры. Описан комплекс традиционных признаков посуды, определены привнесенные элементы и технические приемы исполнения орнамента и формы сосудов. Введенные в научный оборот материалы имеют большое значение для проведения дальнейших исследований в области раннесредневековой проблематики Европейского Северо-Востока.

Ключевые слова: северо-восток Европы, бассейн Мезени, эпоха средневековья, ванвиздинская археологическая культура, керамика

А.М. Murygin

CERAMIC COMPLEX OF VANVIZDINO ARCHAEOLOGICAL CULTURE OF THE BASIN OF THE MEZEN

The sources for the ceramics production of the Vanvizardino archaeological culture in the basin of the river Mezen (II half of the I millennium A.D.) are summarized. Ceramic materials of sites are presented and analyzed in detail. Chronological groups of ceramics are singled out, its peculiarities at different stages of the culture development are found out. The complex of traditional signs of ware is described, the brought elements and techniques of execution of ornament and the forms of vessels are defined. The materials introduced into scientific circulation are of great importance for further research in the field of early medieval problems of the European North-East.

Keywords: European North-East, the river Mezen, the Middle Ages, Vanvizardino archaeological culture, ceramics.

Введение

Ванвиздинская археологическая культура получила распространение во II пол. I тыс. н. э. на северо-востоке европейской части России. Основной территорией обитания носителей этой культуры являлись бассейн Вычегоды, бассейн верхней и средней Мезени.

Памятники типа Ванвиздинского поселения в рамках самостоятельного архаичного этнокультурного образования II пол. I тыс. н.э. – «ванвиздинской археологической культуры», – впервые были изучены Г.М. Буровым (Буров, 1963; 1965а; 1967а). Позднее археологические памятники ванвиздинской культуры исследовались В.И. Канивцом, К.С. Королевым, Л.Л. Косинской, А.М. Мурыгиным, Э.А. Савельевой, Н.Н. Чесноковой и др.

Для вычегодского ареала ванвиздинской культуры существуют две точки зрения на хронологию и периодизацию памятников. Общие хронологические рамки культуры не выходят за пределы II пол. I тыс. н. э. Однако в определении абсолютных рамок остаются различия V-VI – VIII вв. н. э. (Г.М. Буров) или

VI–X вв. н. э. (К.С. Королев, Э.А. Савельева, Н.Н. Чеснокова).

Попытка обобщения материалов ванвиздинских памятников европейского Северо-Востока была предпринята в начале 80-х гг. XX в. (Чеснокова, 1983). Однако что касается источников того времени по ванвиздинским памятникам бассейна Мезени, то представления о ванвиздинской культуре в этом регионе основывались большей частью на основе разведочных материалов и имели недостаточную информативность.

Некоторые итоги более чем 35-летнего изучения ванвиздинской археологической культуры, включая мезенские памятники, были подведены в коллективной монографии «Археология Республики Коми».

Достоверные археологические памятники эпохи средневековья были найдены на Мезени и Вашке только в середине 60-х гг. XX в. Материалы ванвиздинской культуры были представлены сборами подъемного материала у д. Вендинга на р. Вашке (Савельева, 1966. Отчет. С. 2–11; 1971. С. 26, 95, 96).

Систематические разведочные работы и раскопки археологических памятников в бассейне Мезени, проведенные в 70–90 х гг. прошлого столетия (В.С. Стоколос, А.М. Мурыгин) привели к открытию многочисленных поселений ванвиздинской археологической культуры.

На этой основе впервые наиболее полно весь комплекс материалов западной окраины ванвиздинского ареала был опубликован в 2001 г. (Мурыгин, 2001). В этом общем массиве новых данных большую его часть занимает керамика. Она относится к числу одного из основных источников для реконструкции культурных изменений, происходивших у раннесредневекового населения не только бассейна Мезени, но и всего европейского Северо-Востока.

В этой связи представляется целесообразным публикация мезенских керамических материалов в виде отдельного блока источников, для более рационального осуществления сравнительно-типологических исследований в археологии Северного Приуралья.

Керамика ванвиздинских поселений бассейна Мезени

Основой для систематизации ванвиздинских керамических комплексов бассейна Мезени являются культурные остатки 24 поселений и местонахождений. Культурный слой большинства мезенских памятников ванвиздинской культуры исследован разведочными шурфами или раскопами – общая изученная площадь 19 археологических памятников составляет около 2072 кв.м. Материалы пяти представлены сборами подъемного материала.

Подавляющее число из них расположены сравнительно компактной группой в восточной части бассейна Мезени, в верхнем и среднем течении реки, в пределах административных границ Удорского р-на Республики Коми (рис. 1, А). Также известны поселения с аналогичной керамикой, найденные на значительном удалении к северо-западу от удорской группы ванвиздинских памятников – поселения Селище, Мосеево, Лафтира (рис. 1, Б). Находки с них очень немногочисленны (табл. 2).

Общая характеристика керамического производства

Анализ керамики (797 сосудов) был проведен по четырем показателям: 1) формально-типологическим группам, 2) примесям в глине, 3) форме верхней части, 4) композициям орнамента.

1. В результате изучения выделено 11 основных формально-типологических групп (ФТГ) ванвиздинской керамики. Они отличаются по степени орнаментированности и сочетаниям элементов орнамента на орнаментальном поле сосуда (табл. 1).

Одним из дифференцирующих признаков является наличие на поселениях формально-типологических групп сосудов, в орнаментации которых отсутствуют глубокие ямки с жемчужинами изнутри (3–7 ФТГ).

На Мезени по этому показателю выделяется поселение Ошчой I (14/12), на котором эти формально-типологические группы в совокупности составляли 38,1% всей посуды (табл. 1). Ситуация, когда в коллекциях преобладает посуда без ямочного узора, наблюдается на поселении сер. I тыс. н. э. Шойнаты II на Вычегде (всего 86,0%; табл. 1)*. Большая группа сосудов без ямочного узора выделяется также на поселениях Усогорск III/А, Ядмас I и местонахождении Ошчой I (пункт 12) (соответственно 30,7; 18,4; 12,5%).

Очень немногочисленна и присутствует не на всех памятниках неорнаментированная посуда и украшенная только по венчику (табл. 1). Больше всего ее было на поселении Ядмас I (20,9%) и местонахождении Ошчой I (пункт 12) (18,8%).

На поселении Ошчой I (14/12) ямочно-шнуровая группа (9 ФТГ) относится к числу определяющих стиль орнаментации посуды памятника (33,3%). В меньшем количестве она присутствует на поселениях Усогорск III/Б, Усогорск III/В, Чойновты V (табл. 1; 8,7%–16,0%), единично встречена еще на одном памятнике (Усогорск III/А; 3,9%).

Наиболее характерными для мезенских поселений являются три формально-типологических группы: ямочная (8 ФТГ), ямочно-гребенчатая (10 ФТГ) и

* Керамические материалы поселения Шойнаты II (бассейн Вычегды), расположенного вне мезенского ареала ванвиздинской культуры, использованы при сравнительном анализе в качестве типологического и хронологического репера.

ямочно-гребенчато-шнуровая (11 ФТГ) посуда. В совокупности они составляют 82,0% всей керамики (табл. 1).

Ямочно-гребенчато-шнуровая посуда встречается на всех памятниках и является наиболее распространенной (47,3% всей керамики). Выделяются памятники с минимальным числом 11 ФТГ (Ошчой I, 14/12 – 9,5%), содержащими в коллекциях от 23,1 до 36,0% (Усогорск III/A, Ядмас I, Ошчой I (жил. 5), Ошчой I (пункт 12), Чойновты V) и 44,0–89,4% сосудов 11ФТГ (Кужим II и III, Ядмас II, Мичачой III, Смолокурный I, Усогорск III/B и III/Б).

Ямочно-гребенчатая формально-типологическая группа также найдена на всех поселениях. Она стоит на втором месте по степени распространения (21,9% всей посуды). На поселениях Усогорск III/A, Ошчой I (жил. 5), Ошчой I (п. 12), Кужим II, Ядмас II она составляла от 31,2 до 46,0% выделенных сосудов, Кужим III, Мичачой III, Усогорск III/Б – 19,5–22,5%, Ядмас I, Смолокурный I, Усогорск III/B, Чойновты V – 5,3–13,0%. На поселении Ошчой I (14/12) ее число минимально (4,8%).

Ямочная формально-типологическая группа керамики по распространенности занимает третье место (12,8%) и представлена почти на всех поселениях, кроме Ядмас II. На поселении Чойновты V она составляет 39,1% выделенных сосудов, на Усогорск III/Б, В, Ядмас I и местонахождении Ошчой I (пункт 12) – 12,0–20,2%, на остальных – в пределах 2,5–9,5%.

Анализ керамики выявляет памятники, которые отличаются разной совокупностью или удельным весом формально-типологических групп (табл. 1). Наиболее четко выделяется поселение Ошчой I (14/12). Характерной чертой поселений Чойновты V, Усогорск III/Б, В является сочетание ямочно-шнуровой и ямочно-гребенчато-шнуровой керамики, при повышенном содержании последней в коллекциях. Обратная зависимость на поселении Ошчой I (14/12) – сосуды ямочно-шнуровой группы значительно преобладают (в 3,5 раза) над ямочно-гребенчато-шнуровой (табл. 1). Намечаются некоторые отличия между остальными памятниками по соотношению на них ямочно-гребенчато-шнуровой формально-типологической группы: Усогорск III/A, Ядмас I, Ошчой I (жил. 5), Ошчой I

(пункт 12) – 23,1–36,0%, Кужим II и III, Ядмас II, Мичачой III, Смолокурный I – 53,6–89,4%.

2. Визуальное определение добавок в глину показывает (табл. 2), что керамика в подавляющем числе случаев изготовлена с минеральными примесями (98,2%). Сосуды с органическими добавками или без видимых примесей очень немногочисленны (1,8%).

3. Анализ лепной керамики II пол. I тыс. н.э. с памятников европейского Северо-Востока показал (Буров, 1965а. С. 141–143; Мурыгин, 1992), что одним из наиболее существенных хронологических показателей раннесредневековой ванвиздинской посуды является изменение формы верхней части тулова (табл. 3).

1) по числу закрытых чаш с непрофилированным краем (без шейки) близки поселения Усогорск III/A, Ядмас I, Ошчой I (жил. 5), Ошчой I (14/12), местонахождение Ошчой I (пункт 12) (от 28,0 до 57,1%). На них же распространены сосуды с прямой или наклонной внутрь слабо выраженной шейкой (42,9–66,45%; табл. 3).

Однако при этом следует обратить внимание на тот факт, что в керамике поселения Ошчой I (14/12), по сравнению с другими раннесредневековыми памятниками Мезени, процент чаш закрытой формы с непрофилированным краем наиболее высок (57,1%; табл. 3). Такая же тенденция характерна для керамической коллекции поселения сер. I тыс. н.э. Шойнаты II на Вычегде, на котором преобладают закрытые чаши без шейки (69,0%; табл. 3).

2) по степени распространенности чашевидных сосудов с прямой или наклонной внутрь, часто слабо выраженной шейкой, значительное сходство имеют поселения Кужим II, Смолокурный I, Мичачой III, Ядмас II (свыше 80,0%; табл. 3). На остальных памятниках доля такой керамики составила 42,9–66,7%.

На поселениях Кужим II и III, Смолокурный I, Мичачой III и местонахождение Ошчой I (пункт 12) сосуды с отогнутой шейкой немногочисленны (2,8; 8,3; 16,7; 13,9; 13,3%). На поселении Мичачой III в небольшом количестве (9 экз.; 11,1% от числа всей раннесредневековой посуды памятника) найдена керамика с утолщенным краем в виде выраженного «карниза» или валика (рис. 3, 10, 11; 9 экз.; второй культурный тип керамики поселения). На

поселении Смолокурный I один из ванвиздинских сосудов также имел слегка утолщенный и резко скошенный наружу венчик, форма которого приближена к трапецевидному утолщению, но не тождественна ему.

Несмотря на имеющиеся отличия в распределении сосудов с различной формой шейки по памятникам, первые две группы поселений (табл. 3, памятники №1–10) близки по распространенности на них чашевидных сосудов с наклонной внутрь или прямой равноутолщенной шейкой. По преобладанию чаш с непрофилированным краем (без шейки) выделяется только поселение Ошчой I (14/12). По соотношению доли сосудов в виде закрытых чаш и с прямой или наклонной слабо профилированной шейкой наибольшее сходство имеют пары памятников Ошчой I (пункт 12) – Ошчой I (жил. 5), Ядмас I – Усогорск III/A (табл. 3).

3) поселения Усогорск III/Б и III/В, Чойновты V отличаются значительным преобладанием на них чашевидных сосудов с хорошо профилированной отогнутой шейкой (соответственно – 94,0%, 82,6%, 71,8%); крайне немногочисленны или отсутствуют сосуды с наклонной внутрь или прямой шейкой и чаши (табл. 3). Проявляется тенденция к более выраженной профилировке верхней части тулова, четкому выделению шейки.

На этих же трех памятниках встречаются ванвиздинские сосуды, отсутствующие на большинстве мезенских поселений – с утолщением края в виде «карниза» или валика (табл. 3).

4. Сравнение групп сосудов, в орнаментации которых обязательным элементом являются отпечатки шнура (табл. 4), показывает наличие композиций со шнуровыми отпечатками, ограниченными снизу иными элементами орнамента (К5), на поселениях Ошчой I (14/12) (23,1%) и Ядмас I (12,5%), шнуровых отпечатков, ограниченных сверху (К3), на Ядмас I (2,5%), Усогорск III/В (7,7%) и Кужим II (3,8%). Поселение Ошчой I (14/12) выделяется наличием керамики, украшенной только отпечатками шнура (К4; 15,4%). Единичные сосуды с такой композицией найдены на поселении Усогорск III/Б (рис. 4, 9).

Композиции с чередующимися элементами (К1) встречены на сосудах всех поселений. На Кужим II, Ядмас II, Мичачой III,

Смолокурный I они составляют большинство (77,1; 75,0; 43,1; 83,3%). Несмотря на то, что на поселениях Ядмас I и Усогорск III/В найдено от 22,5 до 23,1% сосудов с композициями, в которых элементы орнамента чередуются, на них преобладает керамика с композицией К2 – шнуровые отпечатки окаймляются иными элементами орнамента (62,5; 69,2%). На поселениях Ядмас II, Мичачой III, Смолокурный I, Кужим II число сосудов с окаймляющей композицией составляет соответственно 25,0; 56,9; 16,7; 19,1%.

Обращает на себя внимание тот факт, что на поселении Ошчой I (14/12) по сравнению с другими памятниками значителен процент сосудов, украшенных только отпечатками шнура (К4) и отпечатками шнура, ограниченных снизу иными элементами (К5) (15,4; 23,1%), понижена доля сосудов, орнаментированных по принципу чередования элементов (К1) (23,1%) и повышена – орнаментированных шнуром, окаймленным иными элементами (К2) (38,4%). На остальных поселениях керамика с орнаментацией только шнуровыми отпечатками (К4) отсутствует. На поселении Ядмас I представлена композиция К5 (12,5%). Последние два типа композиционного построения орнамента чрезвычайно характерны для вычегодского поселения сер. I тыс. н. э. Шойнаты II (табл. 4).

Таким образом, по особенностям композиционного построения орнаментального поля среди сосудов со шнуровой орнаментацией, можно выделить следующие поселения: 1) Ошчой I (14/12), 2) Ядмас II, Смолокурный I, Кужим II, Мичачой III, 3) Усогорск III/В.

Динамика развития керамических комплексов мезенских поселений

Приведенные выше данные позволяют предположить, что прослеженные различия отражают явления хронологического порядка и свидетельствуют об относительной разновременности исследованных керамических комплексов и соответствующих им археологических памятников.

Обобщая результаты анализа, можно выделить основные этапы в существовании мезенских поселений.

Ранний этап. Стадия А (ошчойская). Наиболее ранним среди мезенских памятников II пол. I тыс. н. э. можно считать поселение

Ошчой I (14/12) (рис. 2). Так как датирующие вещи на памятнике найдены не были, то это суждение основывается на сравнении с вычегодской керамикой типа поселения Шойнаты II*. Керамика поселения Ошчой I (14/12) имеет сходство с шойнатыйской по тем признакам формы и орнамента, которые отличают ее от найденной на других мезенских памятниках (табл. 1, 3). В то же время, ошчойская посуда, в сравнении с шойнатыйской, не имела органических примесей в глину, в орнаменте отличается количественным соотношением формально-типологических групп сосудов (уменьшается их разнообразие), повышенным числом формально-типологических групп сосудов, украшенных глубокими ямками в сочетании с другими элементами орнамента. Хотя поселение Ошчой I (14/12) в какой-то степени может сравниваться с шойнатыйскими памятниками, но не настолько, чтобы окончательно считать их принадлежащими к одному культурному типу. Наблюдаемое сходство ошчойской и шойнатыйской керамической посуды свидетельствует, видимо, о хронологической близости памятников, а отличительные черты – о местной специфике оформления этих керамических комплексов.

На крайнем северо-востоке европейской части России совокупность поселенческой керамики с характерными для ошчойской посуды признаками, но не вполне идентичная ей, выделена в шойнатыйский культурный тип, датированный временем около сер. I тыс. н.э. (Мурыгин, Королев, Ляшев, 1984. С. 18, 19; Мурыгин, 1992. С. 145–150).** Шойнатыйский культурный тип в формально-типологическом отношении – это комплекс из нескольких формально-типологических групп сосудов, почти в одинаковом наборе встречающихся, как правило, на одном и том же памятнике; керамика имеет аналогии на разных территориях и в разных культурах (гляденовская культура – поздний этап,

ранний харинский этап ломоватовской культуры; Верхнее Прикамье, Печора, Вычегда).

В культурно-типологическом плане памятники шойнатыйского типа отражают смешанный состав и региональные особенности населения, в основном вычегодской, отчасти – печорской тайги, на переходном этапе от гляденовской к ванвиздинской культуре. Процесс взаимодействия носителей местных и пришлых этнокультурных традиций завершился на Вычегде интеграцией в общий хозяйственно-культурный комплекс, который археологически фиксируется памятниками ванвиздинской культуры (Мурыгин, 1992. С. 171).

Можно полагать, что керамика поселения Ошчой I (14/12) на Мезени, также относящаяся в целом к сер. I тыс. н.э., является частью этого же процесса с локальными и/или хронологическими особенностями, обусловленными периферийным положением территории.

Стадия Б (кужимская). Более поздними памятниками раннего этапа можно считать поселения Кужим I, Кужим II, Кужим III, Ядмас I, Ядмас II, Усогорск III/A, Ошчой I (жил. 5), Мичачой III, Смолокурный I, местонахождение Шешты и Ошчой I (пункт 12) (рис. 3).

Хронология определяется нахождением в культурном слое поселения Кужим II железного ножа с желобком по лезвию и бусиной с поселения Смолокурный I.

Подобные ножи хорошо известны по материалам харинских могильников V–VI вв. н.э. и Опутятского городища II пол. V – I пол. VI вв. н.э. из Верхнего Прикамья (Генинг, 1980. С. 126–131, рис. 13, 8, 11, 15, 6, 7; Генинг, Голдина, 1973. Табл. 8, 1–8). В Варнинском могильнике полемской культуры на р. Чепце аналогичные ножи найдены в погребениях V – I пол. VI в. н.э. (погр. №28, 55, 74), сер. VI в. н.э. (погр. №114, 130), конца VI в. н.э. (погр. №88) (Семенов, 1980. С. 56–60, 105; Табл. XXXIV, 1–4).

Ближайшие аналогии этим изделиям известны среди находок из суходольной части поселения Вис II на Синдорском озере (бассейн Вычегды), в курганных погребениях II пол. V – сер. VI в. н.э. Шойнаягского могильника на р. Сыsole (Васкул, Овчинников, 1999. Рис. 4, 1) и в Канинской пещере на Верхней Печоре (Буров, 1967а. Табл. XXXIII, 3; Канивец, 1964. Рис. 35, 3).

На поселении Смолокурный I найдена небольшая (диаметр 5–6 мм) бусина,

* Средневековый керамический комплекс поселения Шойнаты II был отнесен к раннему этапу ванвиздинской культуры (Королев, 1977. С. 54), датированного IV–V вв. н.э. (Буров, 1975. С. 306–307). Впоследствии эти комплексы на поселениях Шойнаты II и III, Уддым II были датированы V–VI вв. н.э. (Королев, 1985. С. 111), не позднее VI в. или VI в. н.э. (Королев, 1997. С. 126–128).

** Датировка и характеристики культурного типа не окончательны и нуждаются в уточнении. Так, например, часть шойнатыйской керамики может бытовать ранее предложенной даты, в пределах IV в. н.э., и сосуществовать с гляденовской (Мурыгин, 1985. С. 92).

изготовленная из отрезка тянутой стеклянной трубочки – типа посеребренного бисера, имевшим коричневатый внешний слой. В Верхнем Прикамье такие бусы датируются концом VI–VII вв. н. э. (Голдина, Королева, 1983. С. 57, Рис. 8).

Вероятная общая датировка стадии Б раннего этапа – VI–VII вв. н. э.

Косвенным признаком, подтверждающим предложенную дату, является факт находок керамики, аналогичной найденной на поселениях Кужим II и Смолокурный I, на площади средневычегодского поселения Шойнаты VI, в том числе в кострище I (замкнутый комплекс) вместе с бронзовой накладкой VI, VI–VII или VII вв. н.э. (Королев, 1986. Рис. 1, 2, 5, 8, 10, 13 2, 3, 4; 1997. С. 99–104, Рис. 28, 25; 33, 1–12; 34).

Кроме того, среди керамики поселения Шойнаты VI, как на части мезенских памятников кужимской стадии (Кужим II–III, Ядмас II, Мичачой III, Смолокурный I; табл. 1–3), большинство представлено посудой ямочно-гребенчато-шнуровой группы (11 ФТГ; 53,9%), элементы орнамента на которой сочетаются по принципу чередования (композиция K1 – 81,3%), а по форме верхней части преобладает керамика с прямой или наклонной равноутолщенной шейкой (63,3%). Интересно также отметить, что на этих памятниках отсутствует керамика шойнатыйского типа, что также предполагает их более поздний, в сравнении с поселением Шойнаты II, возраст.

Для мезенских памятников этой хронологической стадии характерно преобладание сосудов с наклонной внутрь или прямой шейкой, значительное число закрытых чаш с практически непрофилированным краем, минимальное количество сосудов с незначительно отогнутой шейкой, отсутствие – с четко профилированной отогнутой наружу шейкой.

В орнаменте встречаются неглубокие округлые вдавления и полый чекан, а также однозубые наколы (вдавления четырехугольной формы) и двузубые оттиски. Появляются редкие для ванвиздинских памятников Мезени узоры в виде треугольных фестонов из округлых вдавлений, полого чекана и однозубых вдавлений, гребенчатого горизонтального штампа, узоры из зубчатых оттисков в виде пояса ромбов, гладких и зубчатых уголков и дуг или арок.

Получают распространение вертикально свисающие ленты из горизонтальных зубчатых оттисков, группы из вдавлений и зубчатых оттисков, зубчатый и гладкий шеврон. Для поселений характерно наличие группы неорнаментированных сосудов, без ямочного узора, только с зубчатой и зубчато-шнуровой орнаментацией.

Сосуды рассмотренных памятников (ранний этап/стадия Б) наиболее близки по форме, элементам орнамента, узорам и их композиции в орнаментальном поле керамике среднего (кузьвомынского) этапа развития ванвиздинской культуры в бассейне Вычегоды, а также ванвиздинской посуде многослойных поселений водораздельных озер Тиманского края (Синдорское, Ямозеро, Косминские). Однако отсутствие опубликованных систематизированных полных данных с вычегодских поселений (исключая подсчеты автора по поселениям Шойнаты II, VI и Тохта в настоящей статье), долговременный характер их средневекового культурного слоя не позволяет дать точные соответствия мезенским коллекциям. Вариации в процентном соотношении признаков на керамике мезенских поселений могут свидетельствовать о культурно-хронологических особенностях того или иного памятника.

Именно на VI–VII вв. н.э. приходится появление на Мезени керамики «печорского» облика с утолщенным краем, оформленным в виде подтреугольного или трапецевидного «карниза», орнаментированной узорами из уголкового штампа. На поселении Мичачой III эта керамика представляет собой отдельный формально-типологический и, соответственно, культурно-типологический комплекс (рис. 3, 10, 11).

Такая форма верхней части не характерна для сосудов ванвиздинской культуры в целом, для которых типична равноутолщенная шейка. Подобные утолщения редко встречаются на керамике ванвиздинских памятников средней и верхней Вычегоды (Кузьвомын, Варламовка, Вис II, Веслянское I) (Буров, 1959. Рис. IV, 5; 1965а. Рис. 27, 2; 1965б. Рис. 3, 4; 1967а. Табл. XXXII, 5; 1967б. Рис. 38, 17; Савельева, Чеснокова, 1985. Рис. 3, 27). Заслуживают внимания аналогии в материалах стоянок «субарктической культуры» Большеземельской тундры (Чернов, 1948а.

Рис. 22, 20, 21, 23, 31, 33; 1948б. Табл. XI, 13–17, XII, 18–20, 21, 23, XIII, 25–30, XIV, 32; 1962. Табл. XVII, 4, 5) и п-ва Ямал (Лашук, 1968. Рис. 2, 1, 4) и др. Типологически с конфигурацией верхней части этих сосудов сопоставима также бичевническая керамика таежного Припечорья, одним из характерных типобразующих признаков формы которой является утолщенный (трапециевидный) край (Мурыгин, 1992).

Как на памятниках Припечорья и Евразийского Севера, так и на нижнеобских памятниках I тыс. н.э. прослеживаются некоторые аналогии орнаментации такой керамики. К ним относятся многозональность в украшении утолщенной части, отступающая техника нанесения зубчатого штампа, каннелюры, характерные «личинкообразные» гребенчатые оттиски, узор в виде вертикального зигзага или горизонтальной «елочки» на утолщенном венчике, прием «прокатанного» или «отступающего штампа», уголкового шеврона.

Интересный фактический материал, обнаруживающий определенную типологическую близость этим мезенским сосудам, найден при раскопках поселения Шойнаты III и Угдым II на Средней Вычегде (Королев, 1997. Рис. 26, 38, 2, 3, 6, 9). На них выделяются группы нетипичных для ванвиздинской культуры сосудов с утолщенным «карнизообразным» краем и включающих в систему орнаментации узоры в виде вертикального зигзага и горизонтальных линий «отступающего» штампа, а также ряд других, указывающих на их восточное происхождение.

Маловероятно, что исходные формы всей этой мезенско-вычегодской керамики были созданы в ванвиздинской среде. Они имеют резко отличный от ванвиздинского, или явно «гибридный» характер. Их истоки лежат вне ареала ванвиздинской археологической культуры, а наиболее вероятные прототипы им следует искать в материальной культуре населения, обитавшего восточнее бассейнов рек Мезени и Вычегды.

Поздний этап (усогорский). Наиболее поздними являются комплексы поселений Чойновты V, Усогорск III/Б, Усогорск III/В (рис. 4). Их хронологическое положение устанавливается по находке в комплексе В поселения Усогорск III «Ж» – образной поясной накладки из цветного металла. Подобные

украшения датируются II пол. VII – I пол. VIII в. или в пределах конца VII–VIII вв. н.э. (Голдина, 1970. С. 90, 91, Табл. 39, 29; 1979. С. 81–83, Рис. 1, 197, 5, 39; 1985. Табл. XI, 46–48; Генинг, 1979. С. 101–102, Таблица, 40; 1980. С. 140, Рис. 10, 98; Семенов, 1980. С. 60, 61, Табл. XII, 27). Ближайшие аналогии накладке известны в материалах Тохтинского поселения VII–VIII или VIII в. н.э. на Нижней Вычегде (Савельева, 1971. С. 137. Табл. 42, 11).

На памятниках позднего этапа преобладает керамика с четко профилированной отогнутой наружу шейкой (табл. 3; соответственно – 82,6; 71,8; 94,0%), единична неорнаментированная посуда, либо орнаментированная только по венчику; крайне немногочисленны сосуды, в узоре которых отсутствуют глубокие ямки в основании шейки (табл. 1). Посуда с утолщенным краем немногочисленна (табл. 3) и составляет, вероятнее всего, единый комплекс с ванвиздинской керамикой поселений.

Орнаментальная композиция на сосудах, сравнительно с керамикой VI–VII вв. н.э., становится более устойчивой: менее разнообразной по сочетаниям элементов орнамента, четче выдерживается порядок расположения узоров – на шейке и плечиках оттиски гребенчатого штампа, в центральной части орнаментального поля – ямки и шнуровые отпечатки. Продолжают бытовать узоры в виде горизонтальной гребенки, дуг или арок, уголков, треугольных фестонов из однозубых оттисков и округлых вдавлений.

Некоторые памятники предшествующего (кужимского) этапа – поселения Кужим II, Кужим III, Смолокурный I, Мичачой III, местонахождение Ошчой I (пункт 12) также содержат незначительный процент сосудов с отогнутой шейкой (2,8; 8,3; 16,7; 13,9; 13,3%). Однако на них значительно преобладает посуда с прямой или наклонной внутрь шейкой – от 42,9 до 85,0% (табл. 3).

Комплекс поздней мезенской керамики имеет аналогии на вычегодских памятниках поздней (тохтинской) стадии развития. Исключением является, пожалуй, только поселение Тохта на Нижней Вычегде. На керамике этого памятника в разных вариациях распространен «многошнуровой» принцип орнаментации (Савельева, 1971. Табл. 44; Мурыгин, Савельева, 2005. С. 19, табл. 7, схема; не менее 69,3% от числа всех сосудов).

Этот стиль практически отсутствует на сосудах исследованных поселений бассейна Мезени и не распространен на поздних этапах развития ванвиздинской культуры в бассейне Вычегды, где является скорее исключением, чем правилом при украшении керамики (Мурыгин, Савельева, 2005), но чрезвычайно развит в предшествующее время (сер. I тыс. н. э.) на вычегодских поселениях шойнатыйского культурного типа, в курганных могильниках Прикамья и средней Вычегды, а позднее – на керамике ломоватовской и поломской археологических культур камско-чепецкого региона.

Остановимся на комплексе признаков, характеризующих керамическое производство мезенских ванвиздинских памятников на раннем и позднем этапах развития. К ним относятся: 1) примесь дресвы в глине; 2) чашевидная форма сосудов с наклонной внутрь или прямой равноутолщенной шейкой и уплощенным венчиком; 3) печатная техника нанесения узоров; 4) линейность и непрерывность расположения узоров на орнаментальном поле сосудов; 5) стереотипным набором глиняной посуды является сочетание в комплексе ямочной, ямочно-ребенчатой и ямочно-ребенчато-шнуровой керамики. Ломаные и криволинейные линии (волна, подковка, уголок, дуга), кроме зигзага, – не характерны, так же, как и вертикальные мотивы (треугольный и ленточный фестон), узоры в виде групп элементов.

Неорнаментированная посуда и применение в орнаменте других элементов (округлые или овальные гладкие вдавления под углом или перпендикулярно поверхности сосуда, фигурный штамп) менее распространены или единичны.

Прослеживается закономерность в изменении количественного соотношения сосудов с различной профилировкой верхней части в зависимости от возраста памятника. От ранних к поздним значительно сокращается количество сосудов без шейки (чаши). Чашевидные сосуды с наклонной внутрь и прямой равноутолщенной шейкой, составляющие подавляющее большинство на поселениях раннего этапа (стадия Б), на позднем этапе уступает место чашевидным сосудам с отогнутой равноутолщенной шейкой.

На более поздних памятниках уменьшается количество сосудов с узорами из

ребенчатого зигзага. Они получают распространение на раннем этапе стадии Б (Кужим III – 10,4%, Усогорск III/А – 12,2%) и гораздо реже встречается на памятниках VII–VIII вв. н. э. (Чойновты V – 1,5%, Усогорск III/Б – 1,6%, Усогорск III/В – 2,0%). Зигзагообразный узор также редок на керамике поселений Мичачой III (1,8%) и Смолокский I (1,0%). На стадии Б раннего этапа очень характерными являются двузубые оттиски (Усогорск III/А – 23,1%, Кужим II – 25,6%, Кужим III – 22,5%, Мичачой III – 26,8% от числа сосудов украшенных с внешней стороны). Их частота в орнаментации керамики от ранних к поздним поселениям заметно сокращается (Усогорск III/Б – 12,0%, Усогорск III/В – 10,5% от числа орнаментированных сосудов; на поселении позднего этапа Чойновты V двузубые оттиски в орнаменте не прослежены).

На раннем этапе также получают распространение узоры из вертикальных свисающих лент, составленных из горизонтальных ребенчатых оттисков, и в виде треугольных фестонов. Наибольшее разнообразие в узорах и элементах орнамента, отличных от традиционных ямочно-ребенчато-шнуровых, отмечено на поселении Мичачой III. Это обстоятельство представляется не случайным в свете находок здесь сосудов, имеющих печорское происхождение (второй культурный тип посуды поселения).

От более ранних поселений к поздним (Усогорск III/А – 38,4%, Усогорск III/Б – 7,5%, Усогорск III/В – 22,0%) уменьшается число сосудов с ямочно-зубчатым стилем орнаментации в целом и, напротив, увеличивается с ямочно-зубчато-шнуровой орнаментацией (Усогорск III/А – 23,1%, Усогорск III/Б – 55,0%, Усогорск III/В – 44,0%). В орнаментации керамики позднего этапа (Чойновты V, Усогорск III/Б, Усогорск III/В) сокращаются узоры в виде рядов из наклонных и вертикальных оттисков и увеличивается частота узоров из горизонтальных линий.

В поздних комплексах поселения Усогорск III выделяются немногочисленные сосуды с узорами в виде многорядовых отпечатков шнура (Усогорск III/Б – 6%, Усогорск III/В – 15% от числа сосудов комплексов, включая фрагменты шеек и стенок).

Заключение

Несмотря на определенную территориальную обособленность мезенских ванвиздинских поселений, они по облику материальной культуры существенно не отличаются от основной, вычегодской, группы памятников. Можно считать установленным фактом, что подавляющее число археологических памятников II пол. I тыс. н. э., исследованных в бассейне Мезени, относятся к ванвиздинской археологической культуре.

Результат анализа керамических материалов ванвиздинских памятников бассейна Мезени свидетельствует о непрерывности бытования в этом регионе европейского Северо-Востока на протяжении VI–VIII вв. н.э. однородного комплекса керамики, дал возможность выявить некоторые закономерности ее развития и выделить хронологические группы. Ввиду немногочисленности датированных вещей, типа исследованных археологических объектов (поселения) датировка имеет предварительный характер, что не дает возможности более четко определить хронологию и периодизацию памятников.

К наиболее ранним памятникам ванвиздинского времени на Мезени относится поселение Ошчой I (пункт 14/12). Ошчойская керамика типологически близка, но не тождественна сосудам шойнатыйского культурного типа, получивших распространение в памятниках лесной части европейского Северо-Востока около сер. I тыс. н. э. Вопрос о включении аналогичной керамики в комплекс посуды ванвиздинской археологической культуры остается пока открытым.

К следующему периоду, VI–VII вв. н.э., относятся поселения Кужим I, Кужим II, Кужим III, Мичачой III, Ядмас I, Ядмас II, Усогорск III/А, Шешты, Ошчой I (пункт А), Ошчой I (жил. 4 и 5), Ошчой I (пункт 6/4), Ошчой I (пункт 12 и п/м в траншее), Смолокурный I, которые содержали в абсолютном большинстве очень сходную керамику. Как представляется, только со времени бытования формально-типологических комплексов аналогичной керамики, как четко опознаваемого типа, к археологическим материалам бассейна Мезени и Вычегоды правомерно применение термина ванвиздинская культура.

Поздний этап документирован поселениями Усогорск III/Б, В и Чойновты V. Он

датируется VII–VIII вв. н. э. Таким образом, общие хронологические рамки ванвиздинских материалов в бассейне Мезени определяются VI–VIII вв. н.э. В соответствии с принятой периодизацией ванвиздинской культуры (Королев, Мурыгин, Савельева, 1997. С. 442) на Мезени известны памятники среднего и позднего этапов существования ванвиздинской культуры (на Вычегоде – кузьвомынский и тохтинский, на Мезени – кужимский и усогорский).

На всем протяжении своего существования раннесредневековое население на Мезени сохраняет устойчивый стереотип изготовления керамики, позволяющий совершенно однозначно идентифицировать ее как ванвиздинскую. Только на раннем этапе (VI–VII вв. н.э.) наблюдается незначительная инфильтрация угро-самодийского населения в однородный состав удорской группы ванвиздинских племен, который можно рассматривать как внешний культурный импульс из области Печорского Приуралья в западное Притиманье, следы которой на Мезени затушают в VII–VIII вв. н.э.

Вместе с тем материалы переходного этапа от раннего железного века к раннему средневековью полностью адекватные вычегодским (позднегляденовские и/или шойнатыйские) на Мезени к настоящему времени не зафиксированы, а памятники финального этапа (IX–X вв. н.э. – лозымский) пока не выявлены.

В этой связи не исключена вероятность, что восточные районы бассейна Мезени не являлись местом формирования и постоянного проживания ванвиздинских коллективов. Основной территорией обитания этноса, археологически представленного ванвиздинской культурой, была Средняя, в меньшей степени, Верхняя и Нижняя Вычегода. Мезенские поселения принадлежали группам выходцев из бассейна Вычегоды и являлись, вероятно, неоднократно посещаемыми местами временного обитания – сезонными промысловыми становищами.

Возможно, вычегодское ванвиздинское население использовало бассейн средней и верхней Мезени в качестве дополнительной территории промыслового освоения (создание поселений в охотничьих и рыболовных угодьях). Такие факторы, как локальная

специфика промысловой культуры, окраинное положение в ареале ванвиздинских памятников, удаленность от доминирующих коммуникационных магистралей Северного Приуралья (Кама, Вычегда, Печора), привели к накоплению здесь более традиционного («чистого»), в отличие от вычегодского комплекса материальных остатков*.

Литература

- Археология Республики Коми. М.: ДиК, 1997. 758 с.
- Буров Г.М. Двуслойная стоянка в урочище Кузьвомын на верхней Вычегде // ИКФ ВГО. Сыктывкар, 1959. Вып. 5. С. 161–168.
- Буров Г.М. Вычегодский край в каменном, бронзовом и раннем железном веке: Автореф. дис... канд. истор. наук. Сыктывкар, 1963. 18 с.
- Буров Г.М. Вычегодский край. М.: Наука, 1965. 198 с.
- Буров Г.М. Археологическая разведка 1963 г. в зоне затопления будущего Усть-Куломского водохранилища // Древние поселения на Печоре и Вычегде. Сыктывкар, 1965. С. 139–159. (МАЕСВ. Вып. III).
- Буров Г.М. Древний Синдор. М.: Наука, 1967. 220 с.
- Буров Г.М. Археологические памятники Вычегодской долины. Сыктывкар, 1967. 95 с.
- Буров Г.М. К вопросу о происхождении коми // СА. 1975. № 4. С. 304–310.
- Васкул И.О., Овчинников Ф.В. Шойнаягский могильник // Этнокультурные процессы в древности на Европейском Северо-Востоке (источники и исследования). Сыктывкар, 1999. С. 44–57. (МАЕСВ. Вып. 16).
- Генинг В.Ф. Хронология поясной гарнитуры I тыс. н. э. (по материалам могильников Прикамья // КСИА. №158. 1979. С. 96–106.
- Генинг В.Ф. Заселение и этническая принадлежность населения Чепцы в I тыс. н. э. (по материалам Варнинского могильника) // Новый памятник поломской культуры. Ижевск, 1980. С. 136–151.
- Генинг В.Ф., Голдина Р.Д. Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье // ВАУ. Свердловск, 1973. Вып. 12. С. 58–121.
- Голдина Р.Д. Могильники VII–IX вв. на Верхней Каме // ВАУ. Свердловск, 1970. Вып. 9. С. 57–118.
- Голдина Р.Д. Хронология погребальных комплексов раннего средневековья в Верхнем Прикамье // КСИА. №158. 1979. С. 79–90.
- Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск, 1985. 280 с.
- Голдина Р.Д., Королева О.П. Бусы средневековых могильников Верхнего Прикамья // Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху. Ижевск, 1983. С. 40–71.
- Канивец В.И. Канинская пещера. М.: Наука, 1964. 136 с.
- Королев К.С. Поселение Шойнаты II на средней Вычегде // Археологические памятники Печоры, Северной Двины и Мезени. Сыктывкар, 1977. С. 48–54. (МАЕСВ. Вып. 6).
- Королев К.С. Раннесредневековая керамика многослойного поселения Шойнаты III на средней Вычегде // Археологические памятники Северного Приуралья / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар, 1985. С. 98–112. (МАЕСВ. Вып. 9).
- Королев К.С. Поселение ванвиздинской культуры Шойнаты VI // Памятники материальной культуры на Европейском Северо-Востоке. Сыктывкар, 1986. С. 93–98. (МАЕСВ. Вып. 10).
- Королев К.С. Население средней Вычегды в древности и средневековье. Екатеринбург, 1997. 195 с.
- Королев К.С., Мурыгин А.М., Савельева Э.А. Ванвиздинская культура (VI–X вв.) // Археология Республики Коми. М.: ДиК, 1997. С. 400–477.
- Лашук Л.П. «Сиртя» – древние обитатели Субарктики // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М., 1968. С. 178–193.
- Мурыгин А.М. Поселения бичевницкого типа на Печоре и Вычегде и их место в истории североуральского населения // Археологические памятники Северного Приуралья / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар, 1985. С. 81–97. (МАЕСВ. Вып. 9).
- Мурыгин А.М. Печорское Приуралье: эпоха средневековья. М.: Наука, 1992. 182 с.
- Мурыгин А.М. Археологические памятники ванвиздинской культуры бассейна Мезени. Екатеринбург: УрО РАН, 2001. 151 с.
- Мурыгин А.М., Королев К.С., Ляшев В.А. Миграционный фактор в развитии

* Исследование выполнено в рамках темы научно-исследовательской работы «Заселение и освоение циркумполярной зоны северо-востока Восточно-Европейской равнины и Урала по данным археологии» (2017–2019 гг.).

средневековых культур Северного Предуралья. Сыктывкар, 1984. 56 с. (Научные доклады / Коми филиал Академии наук СССР; Вып. 105).

Мурыгин А.М., Савельева Э.А. Поселение Тохта эпохи раннего средневековья в бассейне нижней Вычегды. Сыктывкар, 2005. 56 с. (Научные доклады / Коми научный центр УрО Российской академии наук; Вып. 476).

Савельева Э.А. Отчет археологического отряда о полевых исследованиях 1965 г. Сыктывкар, 1966 // НА КНИЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 63.

Савельева Э.А. Пермь Вычегодская. М.: Наука, 1971. 223 с.

Савельева Э.А., Чеснокова Н.Н. Веслянское I поселение // Археологические памятники Северного Приуралья / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар, 1985. С. 116–139. (МАЕСВ. Вып. 9).

Семенов В.А. Варнинский могильник // Новый памятник полемской культуры. Ижевск, 1980. С. 5–135.

Чернов Г.А. Стоянки древнего человека в бассейне р. Печоры // КСИИМК. 1948. Вып. XXIII. С. 50–59.

Чернов Г.А. Археологические находки в восточной части Большеземельской тундры // Тр. КИЧП. 1948. Т. VII. Вып. I. С. 55–122.

Чернов Г.А. Стоянки в бассейне р. Адзвы (Большеземельская тундра) // Материалы археологии европейского Северо-Востока. Сыктывкар, 1962. С. 65–102. (МАЕСВ. Вып. I).

Чеснокова Н.Н. Ванвиздинская археологическая культура: Автореф. дис... канд. истор. наук. Л., 1983. 16 с.

Таблица 1

Соотношение формально-типологических групп сосудов (количество / проценты)

Памятник	Дата	Сосуды	Формально-типологические группы													Всего
			Сосуды без орнамента по тулову		Сосуды с орнаментом по тулову (орнаментальные группы)											
					Ямки в орнаменте отсутствуют								Ямки в орнаменте присутствуют			
					Вдавления, насечки	Шнуровая	Шнуровая+ разное	гребенч.	гребенчато- шнуровая	ямочная	ямочно- шнуровая	ямочно- гребенчатая				
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11						
Шойнагы II		143	-	37/25,9	11/7,7	22/15,3	12/8,4	25/17,5	16/11,2	19/13,3	-	1/0,7	-	100,0		
Ошчой I (14/12)		21	-	1/4,8	2/9,5	-	-	-	6/28,6	2/9,5	7/33,3	1/4,8	2/9,5	100,0		
Усогоorsk III/A		26	-	-	-	-	1/3,9	2/7,6	5/19,2	1/3,9	1/3,9	10/38,4	6/23,1	100,0		
Ошчой I (п. 12)		16	2/12,5	1/6,3	-	-	-	2/12,5	-	2/12,5	-	5/31,2	4/25,0	100,0		
Ядмас I		163	20/12,3	14/8,6	-	-	-	19/11,7	11/6,7	33/20,2	-	17/10,4	49/30,1	100,0		
Ошчой I (ж.5)		28	1/3,6	1/3,6	-	1/3,6	-	1/3,6	-	1/3,6	-	13/46,0	10/36,0	100,0		
Кужим II	VI-VII	211	1/0,5	3/1,4	-	-	-	1/0,5	-	26/12,3	-	67/31,7	113/53,6	100,0		
Кужим III		40	-	-	-	-	-	1/2,5	-	1/2,5	-	9/22,5	29/72,5	100,0		
Ядмас II		19	-	1/5,3	-	-	-	-	-	-	-	6/31,6	12/63,1	100,0		
Мичачой III		72	-	1/1,4	-	-	-	-	-	6/8,3	-	14/19,5	51/70,8	100,0		
Смолокурный I		19	-	-	-	-	-	-	-	1/5,3	-	1/5,3	17/89,4	100,0		
Чойновты V		23	1/4,4	-	-	-	-	1/4,4	-	9/39,1	2/8,7	3/13,0	7/30,4	100,0		
Усогоorsk III/Б		50	-	-	-	1/2,0	-	-	2/4,0	6/12,0	8/16,0	11/22,0	22/44,0	100,0		
Усогоorsk III/В	VII-VIII	40	1/2,5	1/2,5	-	1/2,5	-	1/2,5	1/2,5	5/12,5	5/12,5	3/7,5	22/55,0	100,0		
Всего		728	26/3,6	23/3,1	2/0,3	3/0,4	1/0,1	28/3,9	25/3,4	93/12,8	23/3,2	160/21,9	344/47,3	100,0		
					59/8,1								620/85,2		100,0	
					679/93,3										100,0	

Таблица 2

Примеси в глине сосудов

Памятник	Кол-во сосудов	Раковина или растительная	Дресва или песок	Неясно
Кужим I	27	–	27	–
Кужим II	211	1	207	3
Кужим III	40	–	40	–
Мичачой II	4	1	3	–
Мичачой III, 1 культурный тип	72	2	70	–
Мичачой III, 2 культурный тип	9	–	9	–
Ядмас I	163	3	160	–
Ядмас II	19	–	19	–
Чойновты V	32	–	32	–
Усогорск III/A	26	–	26	–
Усогорск III/B	50	3	47	–
Усогорск III/B	40	–	40	–
Шешты	2	–	2	–
Ошчой I/жил. 5	28	1	27	–
Ошчой I/пункт 6/4	1	–	1	–
Ошчой I/пункт 14/12	21	–	21	–
Ошчой I/пункт А	5	–	5	–
Ошчой I/п.12 (раскоп)	1	–	1	–
Ошчой I/п.12 (траншея)	16	–	16	–
Смолокурный I	19	–	19	–
Вендинга	3	–	3	–
Селище	5	–	5	–
Мосеево	2	–	2	–
Лафтира	1	–	1	–
Всего (количество/проценты)	797	11/1,4	783/98,2	3/0,4

Таблица 3

Сравнительная характеристика формы ванвиздинских сосудов
(количество / проценты)

Памятник	Дата, вв.	Сосуд	Форма					Всего, %
			I группа (равноутолщенный край)				II группа (утолщ. край)	
			Без шейки (I подгруппа)		С шейкой (II подгруппа)			
			Вариант А	Вариант Б	Вариант А, Б	Вариант В		
			Чаша откр.	Чаша закр.	Прямая или наклонная	Отогнутая		
Шойнаты II		142	3/2,1	98/69,0	41/28,9	–	–	100,0
Ошчой I (14/12)		21	–	12/57,1	9/42,9	–	–	100,0
Ошчой I (п. 12)		15	–	6/40,0	7/46,7	2/13,3	–	100,0
Ошчой I/жил.5		18	–	8/44,4	10/55,6	–	–	100,0
Ядмас I		158	7/4,43	46/29,12	105/66,45	–	–	100,0
Усогорск III/A		25	2/8,0	7/28,0	16/64,0	–	–	100,0
Кужим II	VI–VII	211	3/1,4	22/10,4	180/85,0	6/2,8	–	100,0
Смолокурный I		18	–	–	15/83,3	3/16,7	–	100,0
Мичачой III		72	–	3/4,2	59/81,9	10/13,9	–	100,0
Ядмас II		16	–	3/18,8	13/81,2	–	–	100,0
Кужим III		36	9/25,0	–	24/66,7	3/8,3	–	100,0
Усогорск III/B		33	–	–	1/3,0	31/94,0	1/3,0	100,0
Усогорск III/Б	VII–VIII	39	–	2/5,1	6/15,4	28/71,8	3/7,7	100,0
Чойновты V		23	–	2/8,7	–	19/82,6	2/8,7	100,0
Всего		685	21/3,1	111/16,2	445/64,9	102/14,9	6/0,9	100,0

Таблица 4

Сравнительная характеристика композиций орнамента сосудов со шнуровой орнаментацией, %
(от числа сосудов с полностью сохранившимся орнаментальным полем)

Памятник	Дата	Композиция					Всего
		K1	K2	K3	K4	K5	
Шойнаты II		2,2	–	–	45,6	52,2	100,0
Ошчой I (14/12)		23,1	38,4	–	15,4	23,1	100,0
Ядмас II		87,5	12,5	–	–	–	100,0
Смолокурный I		83,3	16,7	–	–	–	100,0
Кужим II	VI–VII	77,1	19,1	3,8	–	–	100,0
Мичачой III		43,1	56,9	–	–	–	100,0
Усогорск III/B	VII–VIII	23,1	69,2	7,7	–	–	100,0
Ядмас I		22,5	62,5	2,5	–	12,5	100,0

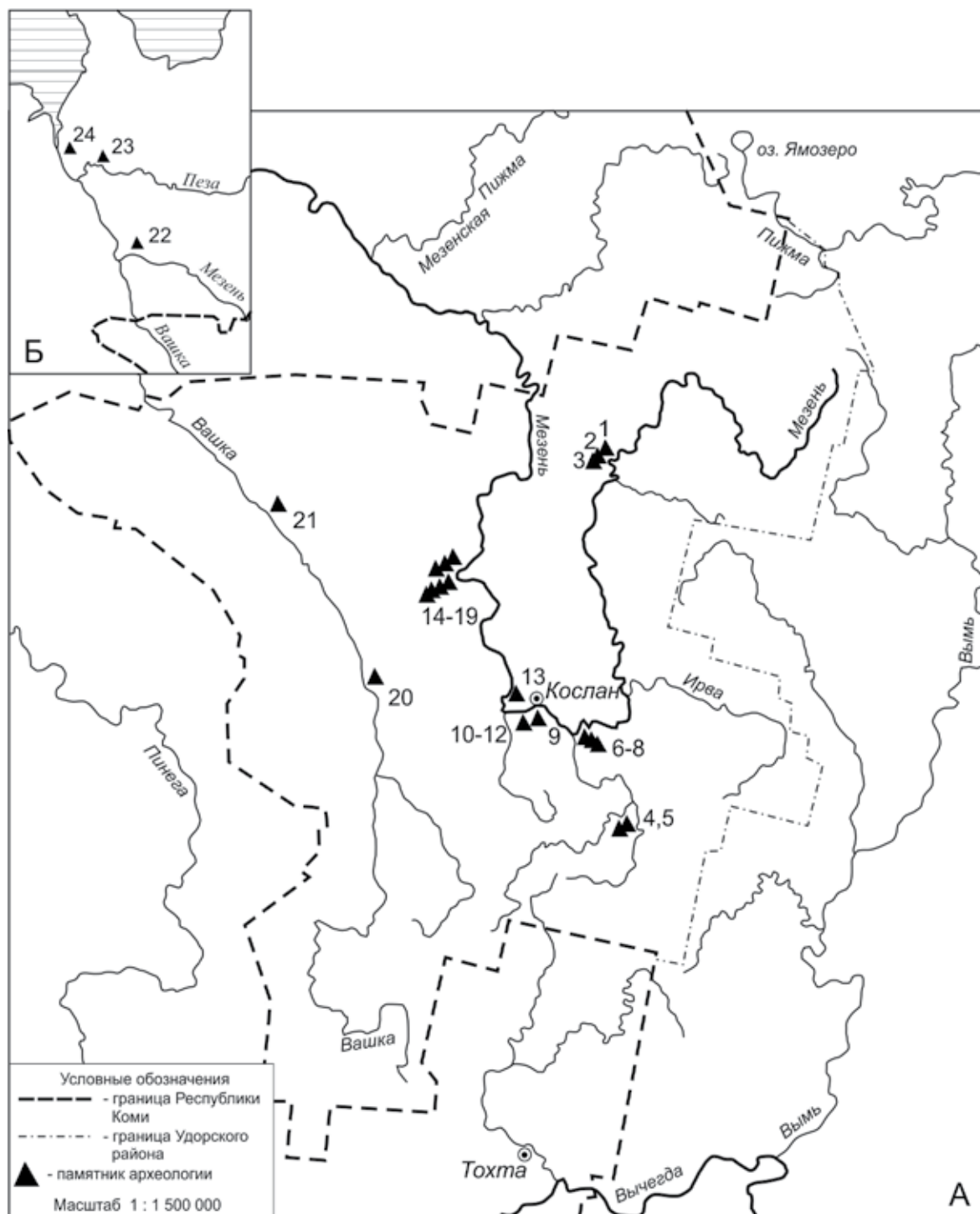

Рис. 1. Карта археологических памятников мезенского ареала ванвиздинской культуры:
 1 – Кужим II; 2 – Кужим I; 3 – Кужим III; 4 – Ядмас I, 5 – Ядмас II, 6 – Мичачой II, 7 – Мичачой III,
 8 – Мичачой IV; 9 – Чойновты V; 10–12 – Усогорск III (комплексы: А, Б, В); 13 – Шешты;
 14–19 – памятники в урочище Ошчой (Ошчой/пункт А, Ошчой I/жил. 4, Ошчой I/жил. 5, Ошчой I/пункт 6/4,
 Ошчой I/пункт 14/1 – жил. 12, Ошчой I/поздний комплекс, местонахождение ванвиздинской керамики
 в противопожарной траншее); 20 – Вендинга; 21 – Смолокурный I; 22 – Селище; 23 – Мосеево; 24 – Лафтира

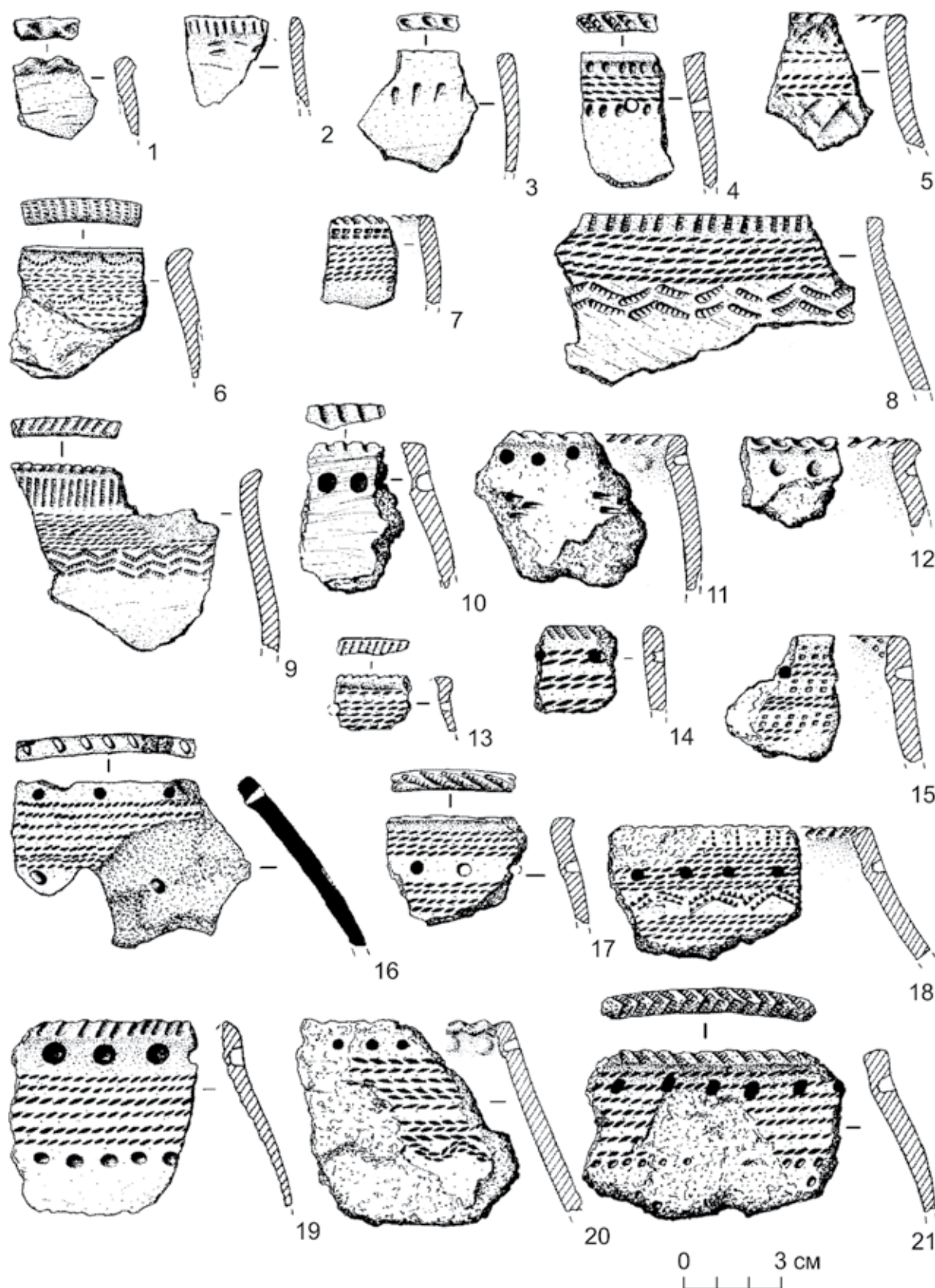

Рис. 2. Мезенский ареал ванвиздинской культуры. Керамика раннего этапа (стадия А).
Поселение Ошчой I (14/12)

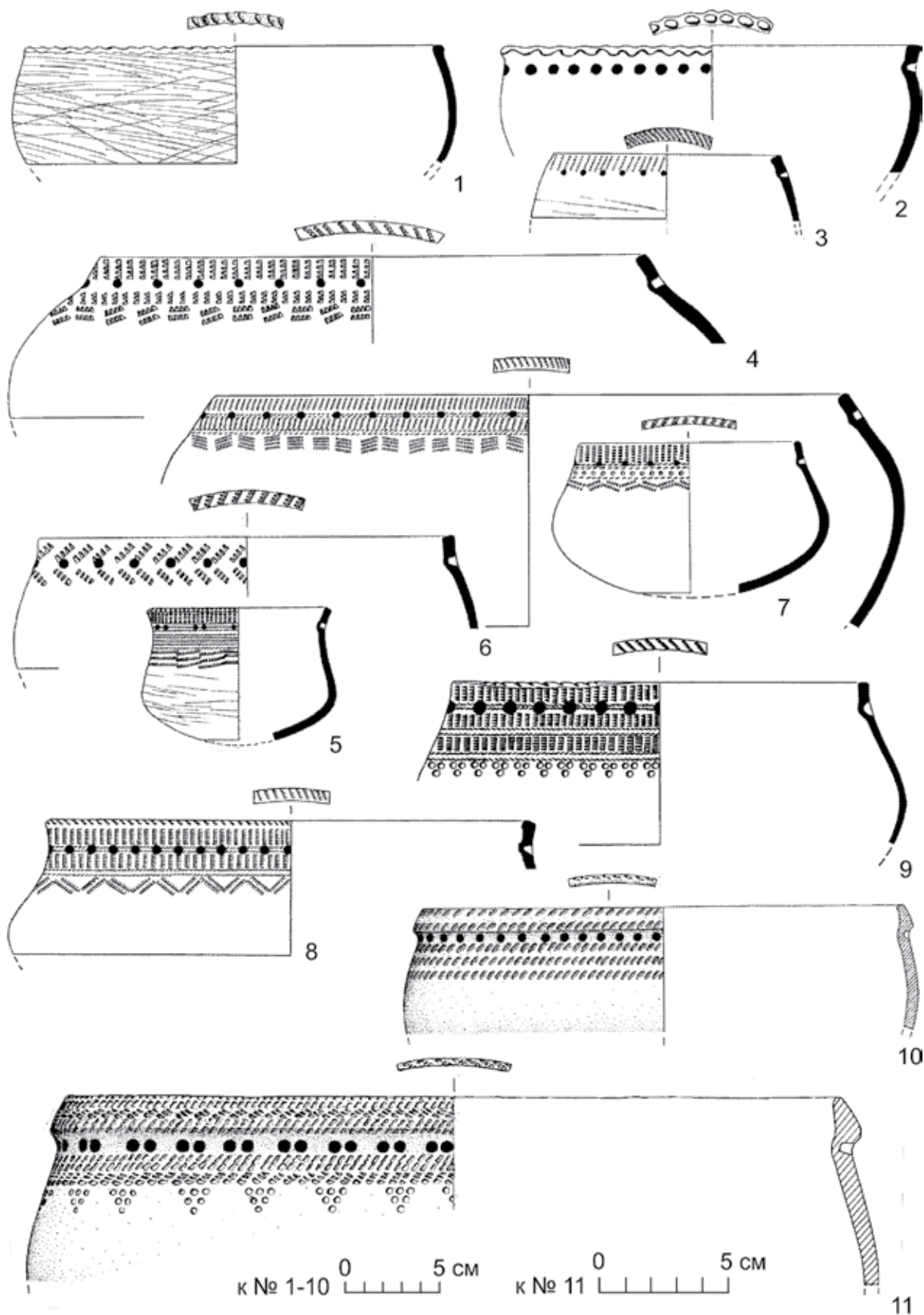

Рис. 3. Мезенский ареал ванвиздинской культуры. Керамика раннего этапа (стадия Б).
1, 4–9 – поселение Кужим II; 2, 3 – поселение Усогоorsk III/A; 10, 11 – поселение Мичачой III

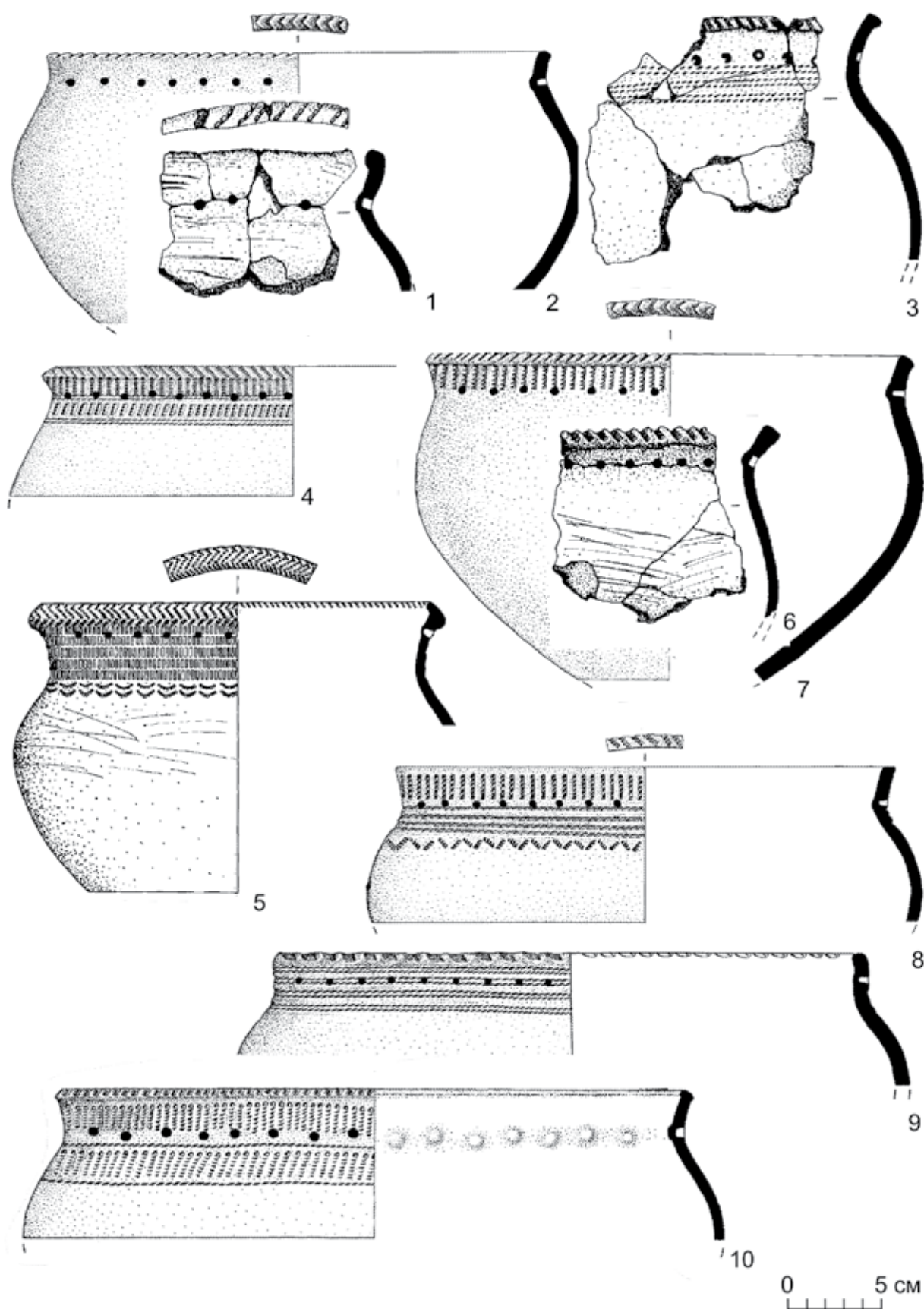

Рис. 4. Мезенский ареал ванвиздинской культуры. Керамика позднего этапа. 1, 3, 5, 6 – поселение Чойновты V; 2, 7, 9, 10 – поселение Усогорск III/Б; 4, 8 – поселение Усогорск III/В

Кленов М.В.

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ЕВРОПЕЙСКОГО
СЕВЕРО-ВОСТОКА. ЭПОХА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
(НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЙ
ИЯЛИ КОМИ НЦ УРО РАН)**

В статье вводятся в научный оборот неопубликованные материалы эпохи средневековья, полученные при исследовании археологических памятников на территории европейского Северо-Востока. Памятники датируются X–XVII вв. н. э.

Археологические материалы представляют научный интерес для изучения историко-культурных процессов, происходящих на севере и северо-востоке Европы в начале – середине II тыс. н. э.

Ключевые слова: археология, европейский Северо-Восток, поселения, древнерусская колонизация, эпоха средневековья

M.V. Klenov

**ARCHAEOLOGICAL SITES OF THE EUROPEAN NORTHEAST.
THE MIDDLE AGES
(UNPUBLISHED MATERIALS FROM THE COLLECTIONS OF THE MUSEUM
OF ARCHAEOLOGY OF THE INSTITUTE OF LANGUAGE, LITERATURE
AND HISTORY, KOMI SCIENCE CENTRE, URAL BRANCH, RAS)**

The unpublished materials of the Middle Ages, obtained in the course of study the archaeological sites in the territory of the European North-East are introduced into scientific circulation. The sites date back to the X–XVII centuries A.D.

The sites are of scientific interest for the study of historical and cultural processes taking place in the North and North-East of Europe in the early – mid- of the II Millennium A.D.

Keywords: archaeology, the European North-East, settlements, ancient Russian colonization, the Middle Ages.

Период начала – середины II тыс. н.э. – один из важнейших в этнокультурной, социально-экономической и политической истории финно-угорских народов обитавших на обширных пространствах Севера Восточной Европы. Основным содержанием его являлся процесс формирования многих современных народов и народностей, что нашло отражение в многочисленных памятниках археологии, открытых в ходе многолетних исследований экспедициями ИЯЛИ КНЦ УрО РАН. Результатом их почти 60-летней деятельности стало открытие на территории Республики Коми и сопредельных районах свыше 1200 памятников.

В настоящее время ИЯЛИ КНЦ УрО РАН является одним из ведущих академических учреждений Севера России проводящим исследования в области исторических наук. Археологические исследования проводятся как в пределах Республики Коми, так и в Кировской, Пермской, Архангельской областях. Значительная часть имеющихся

в распоряжении исследователей материалов прошла стадию изучения, систематизации и научной публикации. Однако, несмотря на активную публикацию результатов исследовательской деятельности археологов Института, удастся выявить материалы, не попавшие в поле зрения исследователей. Примером подобных открытий могут являться «забытые» материалы эпохи средневековья из полевых работ: В.И. Канивца (1967 г., Сынянырд I), И.В. Верещагиной (1973 г., Сойга I, Юмиж III), М.В. Клёнова (1987 г., городище Поп-кар), А.Р. Игушева (1998 г., Ленское I и II местонахождения) (рис. 1).

1. Памятник Сойга I (Верхнетоемский р-н Архангельская обл.) (рис. 1–3)

В 1973 г Северо-Двинский археологический отряд КФАН СССР под руководством И.В. Верещагиной проводил археологические исследования в долине среднего течения Северной Двины. В программу полевых исследований входило осуществление маршрутной разведки на участке среднего

течения Северной Двины от устья р. Вычегды до р. Ваги. В ходе проведенных работ было обнаружено 18 пунктов находок археологических материалов (Верещагина, 1974. С. 2).

Группа памятников Сойга I – IV выявлена на правом берегу р. Сойги (левый приток Сев. Двины), в 1 км северо-западнее моста через Сойгу (Верещагина, 1974. С. 17).

Сойга I. Стоянка. Железный век (X–XI вв.). Левый берег р. Северная Двина, правый берег приустьевое участка р. Сойга, у края 7-метровой бортовой террасы, примерно в 700 м к северу от д. Игумновская и 950 м к ССЗ от кладбища (рис. 1, 2А). Точные координаты местоположения памятника отсутствуют.

Полученная коллекция инвентаря включала фрагменты керамики, кремневые предметы, изделия из металла и отходы металлообрабатывающего производства (ошлакованная керамика, шлаки) (рис. 2Б; 3). По данным И.В. Верещагиной, керамика, предположительно, представлена фрагментами 10 лепных сосудов. В коллекции преобладают широкогорлые чашевидные плоскодонные сосуды с плавно отогнутым венчиком, орнаментированным зубчатым штампом. Примесь в тесте – дресва или органика. Орнамент расположен в верхней части сосудов, выполнен горизонтальными отпечатками шнура и вертикальными отпечатками зубчатого штампа. По мнению И.В. Верещагиной, сойгинская керамика близка посуде средневековых вымских памятников (форма венчика, орнаментация) и лепной керамике веси (плоское дно, состав теста, орнаментация вертикальными сдвоенными или строенными отпечатками зубчатого штампа). Кремневый инвентарь представлен 10 скребками и 60 отщепами. Также найдены изделия из металла: серебряный дирхем с двумя отверстиями, фрагменты бронзового плетеного изделия (браслет?). Памятник, предположительно, датируется X–XI вв. (Верещагина, 1974. С. 18).

Коллекция памятника, поступившая на хранение в Научный музей археологии европейского Северо-Востока ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, представлена преимущественно фрагментами керамических сосудов и шлаками. Изделия из металла отсутствуют, а их изображений в материалах полевых исследований нет. Керамика сильно фрагментирована, представлена в основном обломками верхней части сосудов. Форма сосудов

полностью не реконструируется. Фрагменты плоских донн и придонных участков стенок позволяют предполагать, что данные сосуды относятся к типу лепных плоскодонных сосудов горшковидной или баночной формы с максимальным расширением в верхней части тулова. Наиболее близкие аналогии сойгинская керамика находит на памятниках белозерской веси и чуди заволочской (Голубева, Кочкуркина, 1991. С. 157; Мокрушин, 2008. С. 273, 274, 276, 277, 280; Рябинин, 1997. С. 128).

Основываясь на имеющихся материалах и учитывая местоположение памятника (левобережный участок Северной Двины между устьями Верхней Тоймы и Ваги), можно предположить, что он был оставлен одной из групп прибалтийско-финского населения известного под именем «чуди заволочской» или «тоймичами» (Рябинин, 1997. С. 118).

2. Памятник Юмиж III (Верхнетоемский р-н Архангельская обл.) (рис. 1, 4).

В устье р. Юмиж (левый приток Сев. Двины) также выявлена группа памятников (Юмиж I–III), расположенных на правом берегу р. Юмиж, на небольшом останце 10-метровой террасы, поросшей сосновым лесом (Верещагина, 1974. С. 29).

Юмиж III. Железный век (X–XI вв. н.э.). Левый берег р. Северная Двина, правый берег приустьевое участка р. Юмиж, примерно в 780 м к ССВ от восточной оконечности д. Власьевская, в западной части останца 10-метровой террасы (рис. 4А). Точные координаты местоположения памятника отсутствуют.

По описанию И.В. Верещагиной, при закладке шурфа на вершине продолговатого возвышения высотой около 15 м над уровнем старичного озера, в сероватом гумусированном песке, на глубине 0,4–0,5 м были найдены кальцинированные косточки, мелкие обломки металлических предметов, бронзовые бубенчики, фрагменты неорнаментированной лепной керамики. Кости, по мнению И.В. Верещагиной, предположительно человеческие. Керамика по составу теста и внешнему виду «напоминает керамику стоянки Сойга I» (Верещагина, 1974. С. 30; Рис. 22, 1, 2). По мнению исследователя, пункт Юмиж III может являться погребением с трупосожжением (однако контуров могильной ямы выявить в ходе исследований 1974 г. не удалось).

В фонды Научного музея археологии европейского Северо-Востока ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН на хранение поступили только десять предметов из сборов на памятнике – это изделия из металла и их обломки. Керамика и кости отсутствуют, изображений керамики нет. Среди металлических изделий определяются три бронзовых бубенчика, железный нож, пластинка из медного сплава с отверстием (рис. 4Б). Бубенчики относятся к типу грушевидных: один – грушевидный крестопорезной; два – грушевидных с Y-видной прорезью. Крестопорезные бубенчики наиболее характерны для курганов Северо-Западной Руси, по новгородской хронологической шкале бытуют до 1134 г., но встречаются и позднее – в XIII в. (Лесман, 1988. С. 144). Бубенчики второго типа более редкие – известны в комплексах II пол. X – I пол. XI в. Вотчинского могильника на р. Сыsole (Истомина, 1999. С. 89, 97) и могильника Минино II (погр. 72) на Кубенском озере (Захаров, Макаров, 2008. С. 309).

Учитывая упоминание И.В. Верецагиной о сходстве юмизской керамики с керамикой Сойги I, можно предполагать, что данные памятники относятся к одной культурно-хронологической группе и датируются X–XI вв.

3. Поселение *Сынянырд I* (Усинский р-н, Республика Коми) (рис. 1, 5)

В 1967 г. I Печорский археологический отряд под руководством В.И. Канивца проводил масштабные археологические исследования на территории Северного Приуралья. Одной из задач являлась маршрутная разведка в нижнем течении р. Усы и на прилегающем участке долины средней Печоры от с. Акись до д. Сынянырд. В ходе разведки было открыто восемь археологических памятников и местонахождений (Канивец, 1968. С. 19). Четыре из них располагались в окрестностях дер. Сынянырд (поселения Сынянырд I, II, IV; стоянка Сынянырд III). Памятники, по мнению В.И. Канивца, датировались довольно широким хронологическим периодом от медно-бронзового века до финала железного века.

Сынянырд I. Поселение. Поздний железный век. Правый берег р. Уса, к ЮЗ от д. Сынянырд, в 25 м от крайней усадьбы, принадлежащей Домину (Демину?), в 48 м от реки. (Канивец, 1968. С. 22) (рис. 5А). Точные координаты местоположения памятника отсутствуют.

Коллекция находок, собранная на поверхности и в расчистках, включала 148 фрагментов керамики и 10 кремневых предметов (кусочек желвака, два отщепы и семь осколков кремня). Фрагменты керамики, по мнению В.И. Канивца, относились к остаткам одного лепного сосуда (рис. 5Б). Предполагаемая дата памятника – железный век (Канивец, 1968. С. 23).

Согласно описи коллекции поселения Сынянырд I, полученные материалы представлены кремневым скребком и фрагментами керамических сосудов, среди которых 21 фрагмент венчиков от двух круговых керамических сосудов, изготовленных в традициях древнерусского гончарного ремесла начала II тыс. н.э. В настоящее время керамика данного типа не только прекрасно известна в материалах древнерусских памятников различных регионов России (Седова, 1978. С. 89–92; Рябинин, 1986. Табл. IX; Поздняков, 1992. Рис. 1, 2, 4; Штыхов, 1992. С. 62; Петрашенко, 1992. Рис. 3; Лапшин, 1992. Рис. 3), но и хорошо представлена на поселенческих памятниках XII–XIII вв. ЕСВ: Карыбйвского и Пожегского городищ; поселений Гуль-Чунь, Ыджыдьельского, Жигановского, Угдым III (Кленов, 1995. Рис. 3; Савельева, Кленов, 1997. Рис. 13, 15; Королев, 1995. Рис. 1).

Обнаруженные в коллекции поселения Сынянырд I фрагменты круговой древнерусской керамики являются в настоящее время наиболее северным местонахождением круговой посуды XII–XIII вв. на ЕСВ, что указывает на несомненную связь данного памятника с процессом древнерусской колонизации Европейского Севера.

4. Городище *Поп-кар* (Княжпогостский р-н, Республика Коми) (рис. 1, 6)

Городище Поп-кар было открыто на территории с. Онежье А.С. Сидоровым в 1924 г. (Сидоров, 1924). Погост Онежье (совр. с. Онежье) впервые упоминается в дозорной книге Яренского уезда 1608 г., где дается описание: «Погост Онежье по реке по Выме. А на погосте церковь Рождество Пречистые Богородицы, деревяна... да церковь собор Архангела Михаила деревяна» (Писцовая книга Яранскаго уезда...). Кроме дворов церковнослужителей, на погосте имелось 15 крестьянских дворов. Там же указывается, что три двора были «пусты», их обитатели умерли в 1598 г. Возле погоста располагались четыре

деревни, которые, впоследствии слились с погостом Онежье в один населенный пункт. В деревнях насчитывалось 22 крестьянских двора. Несколько дворов стояли пустыми – их жители умерли или погибли во время военных походов в Зауралье в 1599 и 1600 гг.

Поп-кар (или Кар-дор). Городище. Поздний железный век. Левый берег р. Вымь, мыс 1-й надпойменной террасы, заключенный между долинами руч. Пожомшор и Ягшор, юго-западная окраина д. Онежье (рис. 1, 6А).

Площадка городища имеет подпрямоугольную в плане форму, ориентирована ЮВ-СЗ. С трех сторон она ограничена оврагами. В тыловой части мыса прослеживаются остатки валообразной насыпи шириной в основании до 7 м, длиной 28 м, высотой до 3 м. Площадь памятника составляет около 1500 кв. м.

При обследовании памятника в 1987 г. в осыпи обнажения, у северного края площадки собраны три фрагмента русских круговых сосудов и обломки костей крупных млекопитающих (Клёнов, 1987; Памятники истории и культуры, 1990). В настоящее время сохранился один фрагмент днища сосуда (рис. 6Б). Полученные материалы не позволяют внести ясность в вопросы этнокультурной принадлежности памятника и уточнить его датировку. Не вызывает сомнения лишь факт связи данного объекта с процессом русской колонизации ЕСВ. Отсутствие в письменных источниках информации о каких-либо оборонительных сооружениях или укрепленных местах на территории погоста, или упоминаний об их существовании в более ранние времена («городища», «чудские городища»), позволяет предполагать, что обитатели Онежского погоста не знали о городище. Таким образом, можно предположить, что памятник может датироваться более ранним временем (возможно, XII–XIV вв.).

5. Ленское I и II местонахождения (Ленский р-н, Архангельская обл.) (рис. 1, 7А).

В 1998 г. Вилегодско-Лузский археологический отряд ИЯЛИ КНЦ УрО РАН (нач. А.Р. Игушев) проводил разведочные работы на территории Усть-Вымского района Республики Коми и Ленского района Архангельской области. В задачи отряда входил поиск в долине р. Вычегды археологических памятников, связанных с древнерусской

и русской колонизацией. В ходе работ в окрестностях с. Лена (Ленский район, Архангельская обл.) открыты два местонахождения (рис. 1, 7А).

Впервые погост Лена (совр. с. Лена) упоминается в сотной с писцовых книг 1585–1586 гг. и дозорной книге Яренского уезда 1608 г. В сотной 1585–1586 гг. дается первое описание погоста: «Погост Лена на речке на Лене. На погосте церковь Николы чудотворца... Да церковь... Егорья страстотерпца христовова. ...да две кельи, а в них живут нищие, питаютца от церкви божьей». Кроме дворов церковнослужителей, на погосте имелось восемь крестьянских дворов. Также в окрестностях располагалось пять деревень (15 дворов).

Ленское I Местонахождение. Поздний железный век (XV–XVI вв. н.э.). Правый берег р. Вычегда, 1-я надпойменная терраса, в 800 м. от Ленского полая, на небольшом возвышении, на юго-западной окраине с. Лена (рис. 7А).

При обследовании 1998 г. в обнажениях были собраны неорнаментированные фрагменты круговой посуды (в т.ч. три фрагмента венчиков), фрагменты костей (рис. 7Б, 6, 7, 21). Представленный керамический материал крайне малочисленный, не может быть датирован достаточно точно.

Ленское II Местонахождение. Поздний железный век (XV–XVII вв. н.э.). Правый берег р. Вычегда, правый берег Ленского полая, 1-я надпойменная терраса, примерно в 50 м. от фермы (юго-восточная окраина с. Лена). Точные координаты местоположения памятника отсутствуют.

При обследовании 1998 г. в обрыве берега на протяжении 50 м. был собран подъемный материал, включающий в себя обломок косы (?), железный клин, обломки ножей (2 экз.), фрагменты круговой посуды (25 экз.) (рис. 7Б, 1-5, 8-20). Керамика хорошего качества, с примесью песка и дресвы.

Полученная в ходе сборов коллекция керамических сосудов характеризуется достаточной однородностью, все сосуды изготовлены в традициях русского гончарного ремесла сер. – II пол. II тыс. н. э. В настоящее время керамика данного облика не только прекрасно известна в материалах русских памятников различных регионов России (Артемьев, Артемьева, 1992. Рис. 1, 2; Артемьева, 1992.

Рис. 1, 2; Артемьев, 1999. Рис. 91–100; Белов, Овсянников, Старков, 1981. Табл. 36; Чернов, 1992. Рис. 10, 12), но также хорошо представлена на памятниках XV–XVII вв. европейского Северо-Востока (Игушев, Кленов, Савельева, 2000. С. 7–17).

Идентифицировать Ленские местонахождения с какой-либо из известных по писцовым книгам деревень не представляется возможным. Вероятнее всего, они относятся или собственно к территории погоста Лена, или к одной из двух деревень с названием «Гавриловская».

Подводя итоги рассмотренным выше материалам, следует сделать вывод, что, несмотря на незначительные размеры памятников и немногочисленность коллекций вещевого инвентаря, полученных при их исследовании, все они позволяют дополнить и обогатить новыми фактами картину историко-культурных процессов, происходящих на севере и северо-востоке Европы в начале – середине II тыс. н. э.*

Литература

Артемьев А.Р., Артемьева Н.Г. Керамика Албазинского острога // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. (Историко-археологические исследования). Владивосток. 1992. Т. 1. С. 165–169.

Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. Владивосток, 1999. 336 с.

Артемьева Н.Г. Керамика Нерчинского острога // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. (Историко-археологические исследования). Владивосток, 1992. Т. 2. С. 124–131.

Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. М.: Наука, 1981. Т. II. 164 с.

Голубева Л.А., Кочкуркина С.И. Белозерская весь (По материалам поселения Крутик IX–X вв.). Петрозаводск, 1991. 197 с.

Захаров С.Д., Макаров Н.А. Мининский археологический комплекс: хронология и динамика развития // Археология северо-русской деревни X–XIII вв.: средневековые

поселения и могильники на Кубенском озере. В 3-х т. М.: Наука, 2008. Т. 2: Материальная культура и хронология. Т. 2: Материальная культура и хронология. С. 290–318.

Зимин А.А., Копане А.И. Материалы по истории Вымской и Вычегодской земли конца XVI в. // Материалы по истории европейского севера СССР. Северный археографический сборник. Вологда. 1970. Вып. I. С. 432–488.

Игушев А.Р., Кленов М.В., Савельева Э.А. Осадные городки XV–XVII вв. на территории Коми края. Сыктывкар: Изд-во Коми НЦ УрО РАН, 2000. 28 с. (Научные доклады / Коми НЦ УрО Российской академии наук. Вып. 423).

Истомина Т.В. Вотчинский могильник // Этнокультурные процессы в древности на Европейском Северо-Востоке (источники и исследования). Сыктывкар, 1999. С. 76–102. (МАЕСВ; Вып. 16).

Кленов М.В. Ыджыдзельское поселение // Этнокультурные контакты в эпоху камня, бронзы, раннего железа и средневековья в Северном Приуралье / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар, 1995. С. 82–91. (МАЕСВ; Вып. 13).

Королев К.С. Кружальная керамика поселения Угдым III // Этнокультурные контакты в эпоху камня, бронзы, раннего железа и средневековья в Северном Приуралье / Отв. ред. Э.А. Савельева. Сыктывкар, 1995. С. 78–81. (МАЕСВ; Вып. 13).

Лапшин В.А. Керамическая шкала домонгольского Суздаля // Древнерусская керамика. М., 1992. С. 90–102.

Лесман Ю.М. Погребальные памятники северо-запада Новгородской земли и Новгород XI–XIV вв. (синхронизация вещевых комплексов) / канд. дис. Копия отчета о НИР. М., 1988.

Мокрушин М.Л. Керамика Мининского археологического комплекса // Археология северо-русской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. В 3-х т. Материальная культура и хронология. М.: Наука, 2008. Т. 2. С. 270–289.

Памятники истории и культуры. Княжпогостский район Коми АССР. Материалы к своду памятников истории и культуры Коми АССР / И.Л. Жеребцов, М.В. Кленов, Т.А. Малкова, А.А. Попов, Э.А. Савельева. Сыктывкар, 1990. 96 с.

Петрашенко В.А. Керамика IX–XIII вв. Среднего Поднепровья // Древнерусская

* Исследование выполнено в рамках темы научно-исследовательской работы «Археологическое наследие европейского Северо-Востока России: выявление, научное описание и систематизация» (2017–2019 гг.) №АААА-А17-117021310069-5.

керамика. М., 1992. С. 7–20.

Писцовая книга Яранского уезда, письма и дозору Василия Ларионова и подьячего Андрея Горохова 7116 года. 1608 г. http://drevlit.ru/docs/russia/XVII/1600-1620/Akty_Vas_Shujskogo/101-120/103_1.php

Поздняков В.С. Развитие керамики древнерусского Клецка (X–XIII вв.) // Древнерусская керамика. М., 1992. С. 48–60.

Рябинин Е.А. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л.: Наука, 1986. 160 с.

Рябинин Е.А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси: к истории славяно-финских этнокультурных связей. Историко-археологические очерки. Санкт-Петербург, 1997. 260 с.

Розенфельд Р.Л. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. // САИ. Вып. Е 1-39. 123 с.

Савельева Э.А., Кленов М.В. Древнерусская колонизация Европейского Северо-Востока (XI–XIV вв. н.э.) // Археология Республики Коми. М.: ДиК, 1997. С. 651–691.

Седова М.В. Ярополч Залесский. М.: Наука, 1978. 158 с.

Сидоров А.С. Памятники древности в пределах Коми края (по археологическим

данным) // Коми му. Усть-Сысольск, 1924. №4. С. 70–77; № 5. С. 7–10; № 6. С. 51–64.

Штыхов Г.В. Круговая керамика Полоцкой земли X–XI вв. в сравнительном изучении // Древнерусская керамика. М., 1992. С. 61–72.

Чернов С.З. Новые материалы по хронологии московской керамики второй половины XIII–XV вв. из раскопок древнего Радонежа // Древнерусская керамика. М., 1992. С. 142–169.

Игушев А.Р. Отчёт о полевых исследованиях на нижней Вычегде Вилегодско-Лузского археологического отряда в 1998 г. Сыктывкар, 1999 // НА КНЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 530. 50 л.; НА ИА РАН. Р-1. №21669.

Верещагина И.В. Научный отчет о полевых исследованиях Северо-Двинского археологического отряда // НА КНЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 95, 96.

Канивец В.И. Отчет о работах I Печорского археологического отряда в 1967 году // НА КНЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 161, 162, 162а.

Кленов М.В. Отчёт Вымского археологического отряда о полевых исследованиях в Княжпогостском районе Коми АССР в 1987 г. // НА ИА РАН. Р-1. №12115, 12115а.

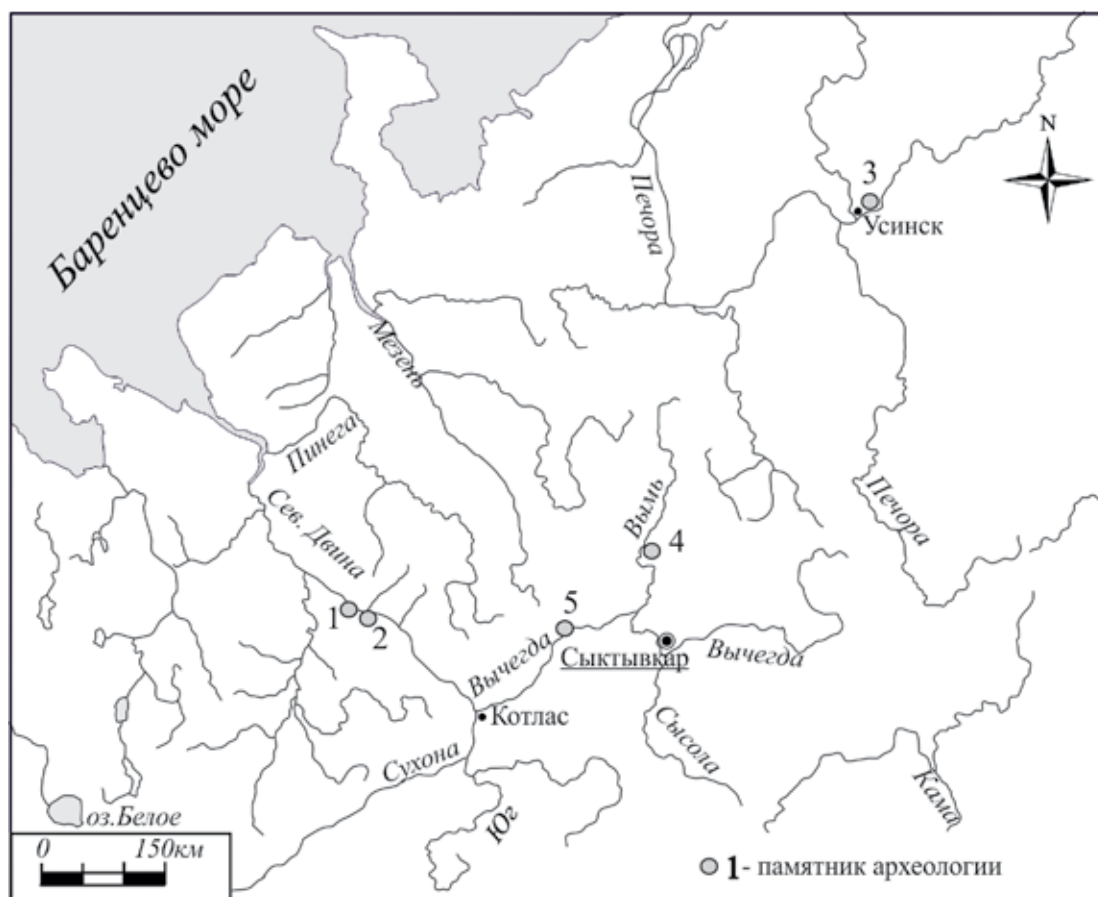

Рис. 1. Местоположение археологических памятников: 1 – Сойга I; 2 – Юмиж III; 3 – Сынянырд I; 4 – Поп-кар; 5 – Ленские I, II местонахождения

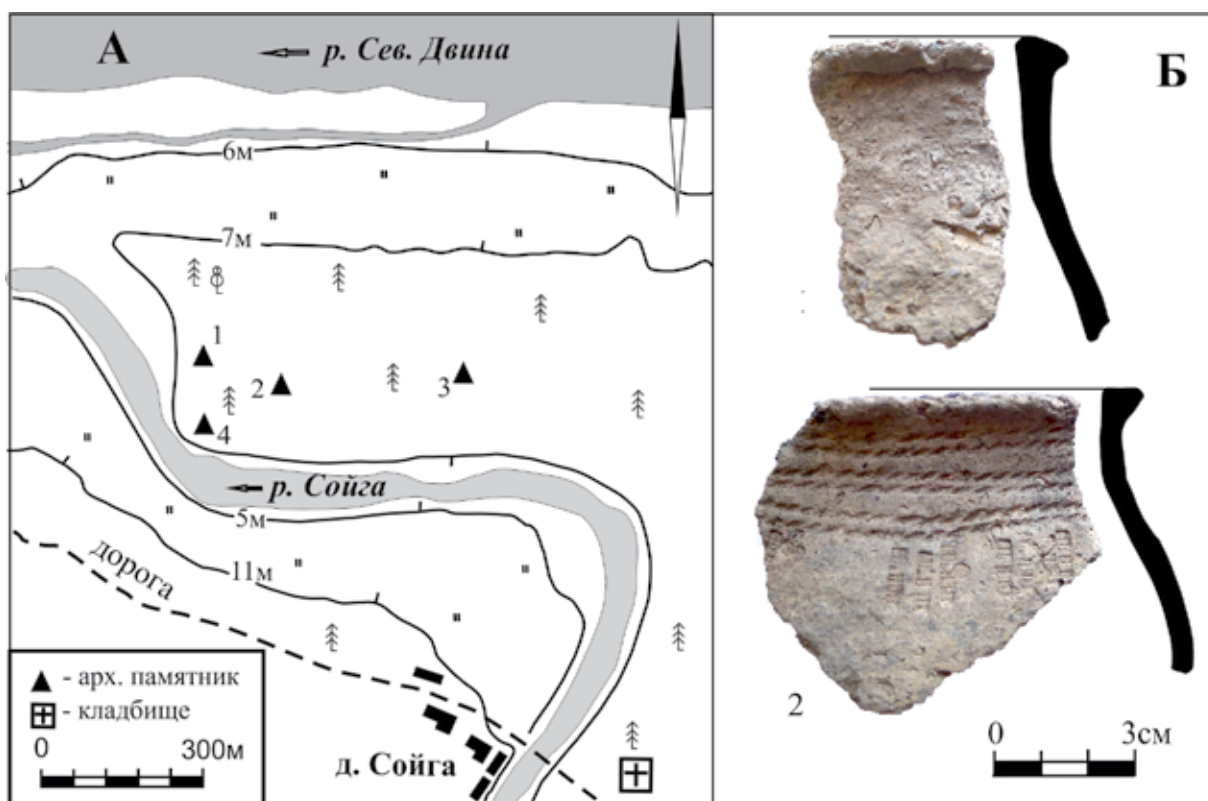

Рис. 2. Комплекс памятников Сойга I – IV (1 – Сойга I, 2 – Сойга II, 3 – Сойга III, 4 – Сойга IV).
А – план-схема расположения (1973, И.В. Верещагина); Б – керамика

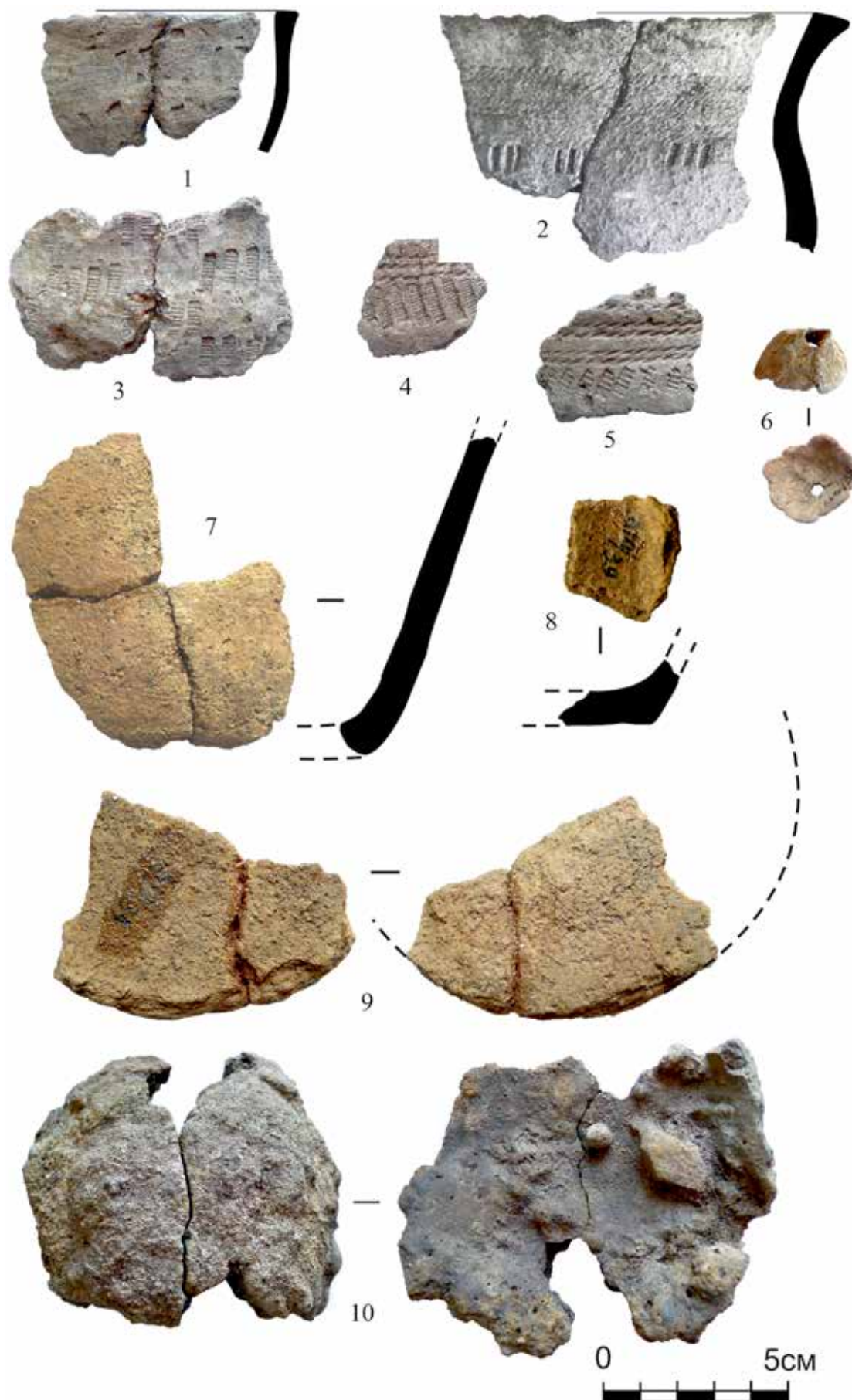

Рис. 3. Поселение Сойга I.

Вещевой инвентарь: 1-5, 7-9 – фрагменты сосудов; 6 – изделие, 10 – шлак, 1-9 – керамика

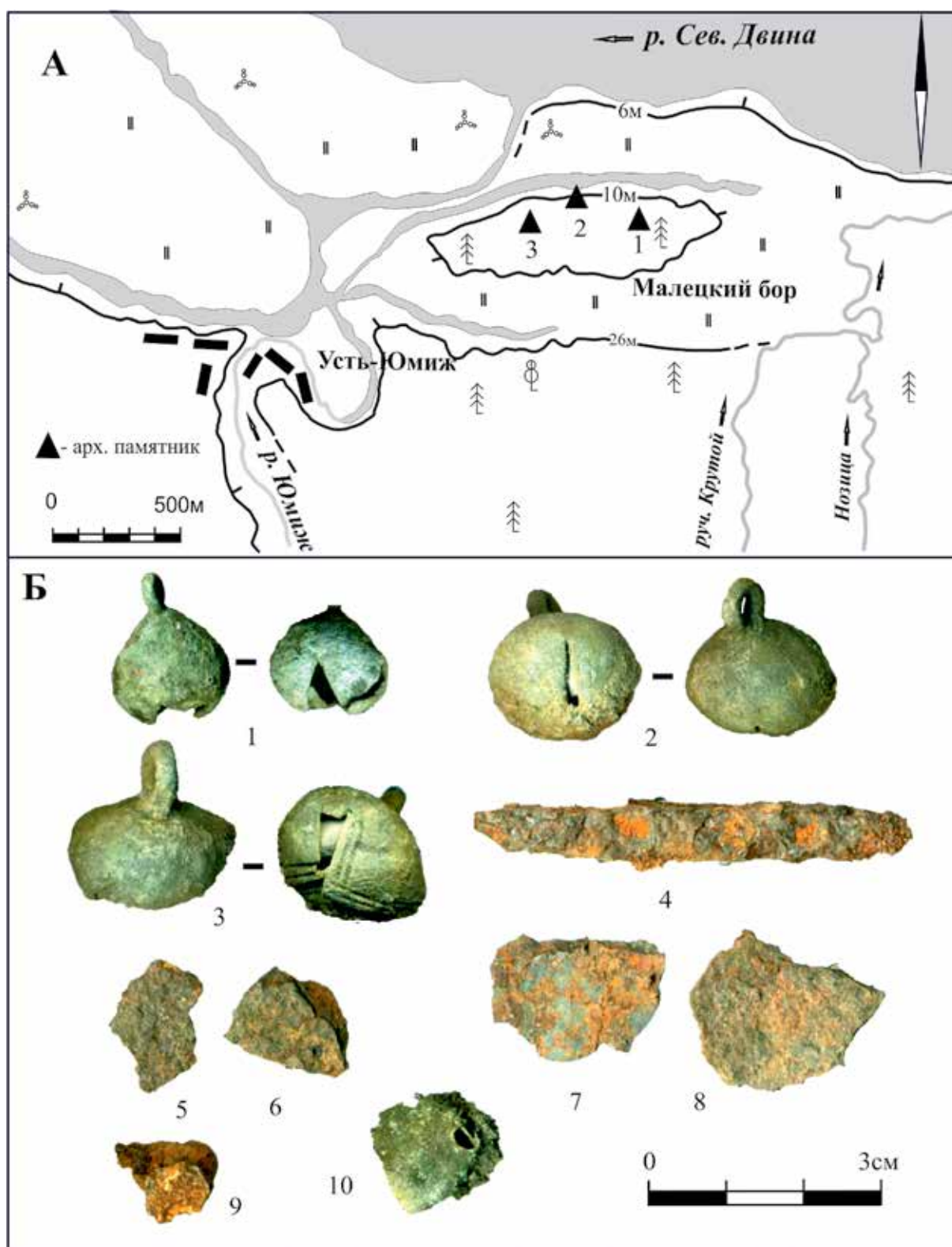

Рис. 4. Комплекс памятников Юмиж I–III: А – план-схема расположения (1973, И.В. Верещагина).

Условные обозначения: 1 – Юмиж I; 2 – Юмиж II; 3 – Юмиж III.

Б – вещевой инвентарь Юмиж III: 1–3 – бубенчики, 4 – нож, 5–10 – обломки изделий.

1–3, 10 – бронза; 4–9 – железо

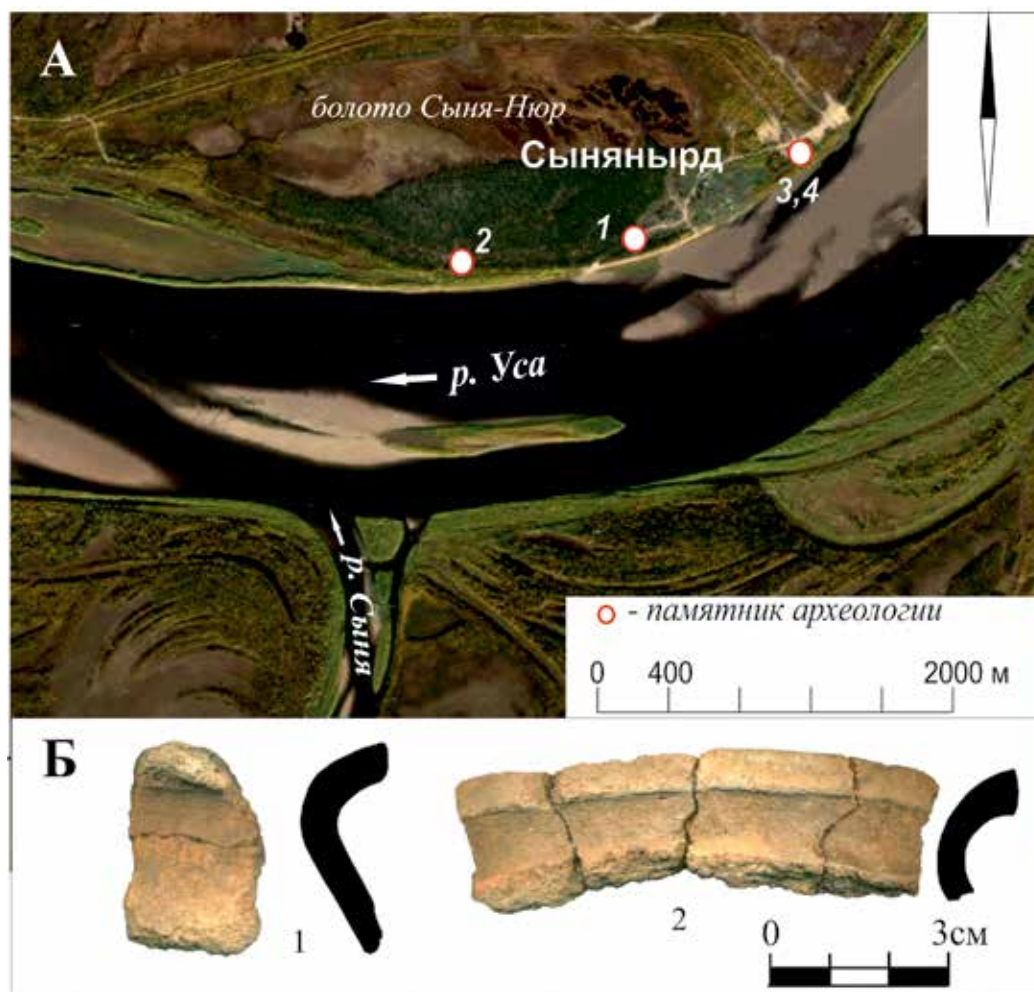

Рис. 5. Комплекс памятников у дер. Сынянырд: А – план-схема расположения (1 – Сынянырд I; 2 – Сынянырд II; 3 – Сынянырд III; 4 – Сынянырд IV).
Б – круговая керамика (Сынянырд I)

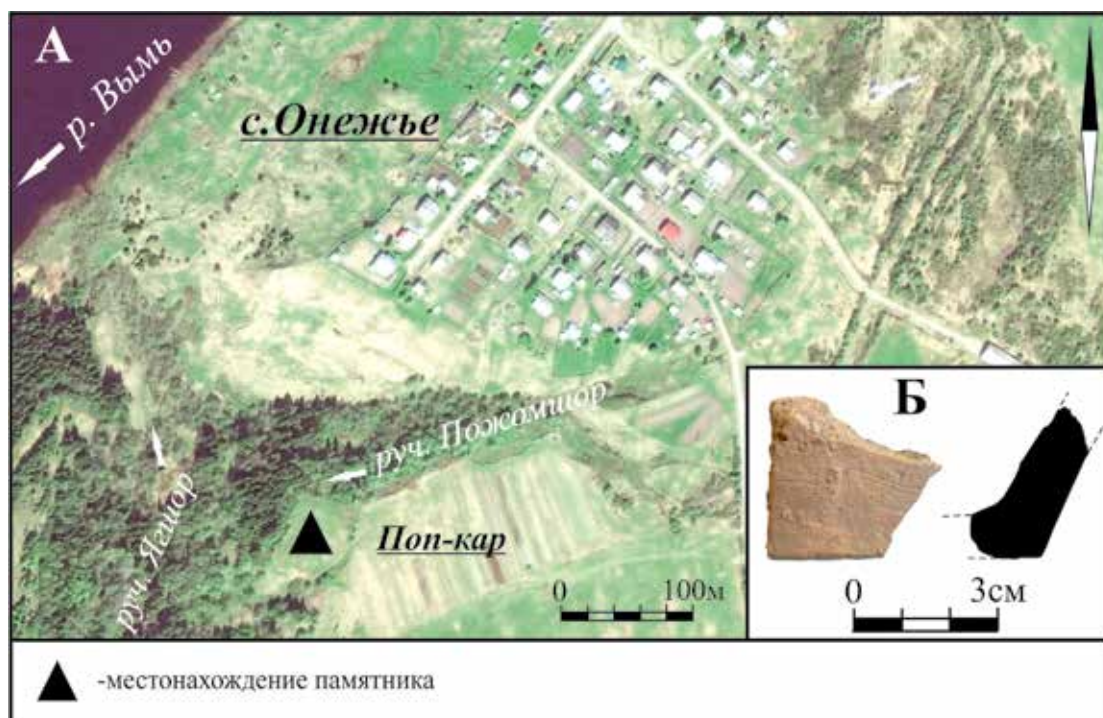

Рис. 6. Онежское (Поп-кар) городище. А – план-схема. Б – круговая керамика

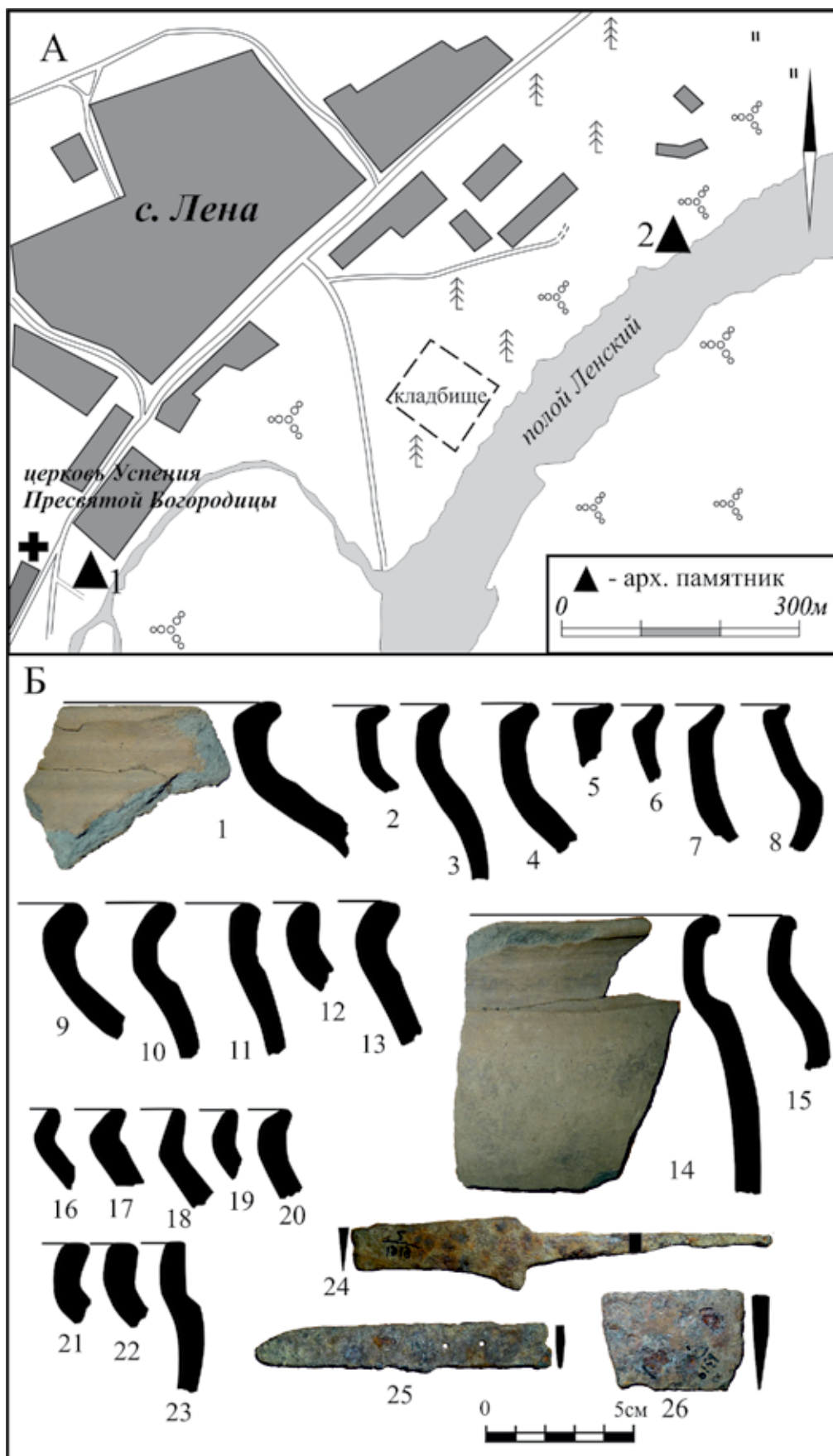

Рис. 7. Ленское I и II местонахождения. А – план-схема. Б – вещевой инвентарь: 1–23 – круговая керамика; 24–26 – обломки железных изделий. 6, 7, 21 – Ленское I; 1–5, 8–20, 22–26 – Ленское II

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО – Археологические открытия
ВАУ – Вопросы археологии Урала
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИИМК – Институт истории материальной культуры
ИКФ ВГО – Известия Коми филиала Всесоюзного географического общества
ИЭРиЖ УрО РАН – Институт экологии животных и растений УрО РАН
ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН – Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
МАЕСВ – Материалы по археологии европейского Северо-Востока
НА ИА РАН – Научный архив Института археологии Российской академии наук
НА КНЦ УрО РАН – Научный архив Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук
РА – Российская археология
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
Тр. КИЧП – Труды комиссии по изучению четвертичного периода
УрО РАН – Уральское отделение Российской академии наук

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Васкул Игорь Орестович – кандидат исторических наук, зам. директора по научной работе, зав. отделом археологии Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар

Васильев Сергей Юрьевич (1958–1996) – старший научный сотрудник Интинского краеведческого музея (1980–1984), заместитель директора по науке Вологодского областного краеведческого музея (1985–1988), научный сотрудник кафедры отечественной истории ВГПИ, историко-археологического предприятия «Клио», Вологодского областного общества краеведов, директор «Научно-производственного центра «Древности Севера» (1993–1996), Вологда

Карманов Виктор Николаевич – кандидат исторических наук, зав. сектором сохранения и популяризации археологического наследия отдела археологии Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар

Кленов Михаил Викторович – научный сотрудник сектора сохранения и популяризации археологического наследия отдела археологии Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар

Косинская Любовь Львовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Уральского федерального университета, Института гуманитарных наук и искусства, Центра археологических исследований, Екатеринбург

Логинова Эльвира Серафимовна (1936–2017) – младший научный сотрудник отдела археологии Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН (1970–1999), Сыктывкар

Мельничук Андрей Федорович – кандидат исторических наук, доцент кафедры древней и новой истории России Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь

Майстренко Дмитрий Алексеевич – инженер научно-исследовательской части Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь

Павлов Павел Юрьевич – доктор исторических наук, зав. сектором изучения культурной адаптации населения циркумполярной зоны европейского Северо-Востока по данным археологии отдела археологии Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар

Перескоков Михаил Львович – кандидат исторических наук, инженер научно-исследовательской части Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь

Ракшин Александр Анатольевич – главный инженер ООО «Наладочная компания «Энергия», Пермь

Савельева Элеонора Анатольевна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник сектора изучения культурной адаптации населения циркумполярной зоны европейского Северо-Востока по данным археологии отдела археологии Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар

Тимушева Ирина Михайловна – младший научный сотрудник сектора сохранения и популяризации археологического наследия отдела археологии Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар

Чурилов Эдуард Викторович – зав. отделом археологии Пермского краеведческого музея, Пермь

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
Савельева Э.А., Павлов П.Ю. Основные этапы археологического изучения северо-востока Европы и их отражение в публикациях «Материалов по археологии Европейского Северо-Востока».....	8
<u>Логинова Э.С.</u> Опыт выделения ранненеолитического жилища на поселении Энъты I (Средняя Вычегда, Республика Коми).....	26
Косинская Л.Л. Поселение Ревью I.....	39
Карманов В.Н. Поселение эпохи раннего металла Ваднюр I на средней Вычегде (по материалам раскопок 2014 года).....	55
<u>Васильев С.Ю.</u> , Тимушева И.М. Поселение бронзового века Ягъель: планиграфия и структурные элементы.....	86
Семенов В.А., Васкул И.О. Памятники ананьинского времени в бассейне р. Выми (по материалам раскопок экспедиций Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина).....	98
Мельничук А.Ф., Майстренко Д.А., Перескоков М.А., Ракшин А.А., Чурилов Э.В. Первые средневековые древности р. Весляны Пермского края.....	107
Мурыгин А.М. Керамическая посуда памятников ванвиздинской археологической культуры бассейна Мезени.....	120
Кленов М.В. Археологические памятники европейского Северо-Востока. Эпоха средневековья (неопубликованные материалы исследований ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН).....	138
Список сокращений.....	149
Сведения об авторах.....	150

CONTENTS

Introduction.....	5
Savelyeva E.A., Pavlov P.Yu. The main stages of archaeological study of the North-East of Europe and their reflection in publications of the «Materials on archaeology of the European North-East».....	8
Loginova E.S. Experience of identification of the early neolithic dwelling in the settlement Enty I (the middle Vychegda, Komi Republic).....	26
Kosinskaya L.L. The settlement Review I.....	39
Karmanov V.N. The settlement Vadnyur 1 of the early metal epoch on the middle Vychegda (on materials of excavations in 2014).....	55
Vasilyev S.Yu., Timusheva I.M. The bronze age settlement Yagyel: planigraphy and structural elements.....	86
Semenov V.A., Vaskul I.O. Sites of the Ananyino time in the basin of the river Vym (on materials of excavations of the expeditions of Pitirim Sorokin Syktyvkar state university).....	98
Melnichuk A.F., Maystrenko D.A., Pereskokov M.L., Raksin A.A., Churilov E.V. The Medieval settlements on the Veslyana basin in the northern Kama Region.....	107
Murygin A.M. Ceramic complex of Vanvizdino archaeological culture of the basin of the Mezen.....	120
Klenov M.V. Archaeological sites of the European Northeast. The middle ages (unpublished materials from the collections of the Museum of archaeology of the Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, RAS).....	138
List of abbreviations.....	149
Authors.....	150

ISBN 978-5-906394-49-1

Научное издание

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ СЕВЕРО-ВОСТОКА ЕВРОПЫ

Рекомендовано к изданию Ученым советом
Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН
(протокол №7 заседания от 27 июня 2018 г.)

Технический редактор – Н.К. Забоева
Оригинал-макет – И.М. Тимушева
Компьютерный набор. Подписано в печать.
Формат 60*84 1/8
Уч.изд.л. 18,9. Тираж 500 экз.

Отпечатано с оригинал-макета
в ООО Центр оперативной полиграфии
Сыктывкар, Первомайская, 70, тел. 24-05-31, 24-46-57.